

Текст взят с психологического сайта <http://psylib.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2500 книг по психологии.

Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

Сайт psylib.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия.

Т. П. СКРИПКИНА

ПСИХОЛОГИЯ

ДОВЕРИЯ

ВЫСШЕЕ

ОБРАЗОВАНИЕ

Т. П. СКРИПКИНА

ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

*Рекомендовано
Советом Учебно-методического
объединения университетов РФ по психологии
в качестве учебного пособия
для высших учебных заведений*

Москва

ACADEMIA
2000

УДК 15(075.8)

ББК 88.53я73

С 45

Рецензенты:

доктор психологических наук, академик РАО, декан факультета психологии МГУ *А.И.Донцов*; доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии Ростовского государственного университета *В.А.Лабунская*

Скрипкина Т.П.

С 45 Психология доверия: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2000. — 264 с.
ISBN 5-7695-0647-4

В пособии исследована сущность такого целостного социально-психологического явления, как доверие в жизни человека. Проанализированы условия его возникновения, закономерности функционирования, характеристики проявления.

Может быть полезно педагогам, практикующим психологам и социальным работникам.

УДК 15(075.8)

ББК 88.53я73

Учебное издание

Скрипкина Татьяна Петровна

Психология доверия

Учебное пособие

Редактор *Г.С. Прокопенко*

Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*

Компьютерная верстка: *Г.Ю. Никитина*

Корректоры *В. Т. Козлова, О. Я. Тетерина*

Подписано в печать 18.10.2000. Формат 60х90/16. Гарнитура «Тайме».

Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5.

Тираж 30 000 экз. (1-й завод 1-10 000 экз.). Заказ № 3082.

Лицензия ИД № 02025 от 13.06.2000. Издательский центр «Академия». 105043, Москва, ул. 8-я Парковая, 25. Тел./факс (095)165-4666, 367-0798, 305-2387.

Отпечатано на Саратовском полиграфическом комбинате.

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

© Скрипкина Т.П., 2000

© Издательский центр «Академия», 2000

ISBN S-7695-0647-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нас мотает от края до края,
По краям расположены двери,
На последней написано «знаю»,
А на первой написано «верю».
И одной головой обладая,
Никогда не войдешь в обе двери,
Если веришь, то веришь, не зная,
Если знаешь, то знаешь, не веря...

А. Макаревич

Цель данного учебного пособия — показать место, роль, функции доверия как целостного социально-психологического явления в жизнедеятельности человека. Как отмечает ряд авторов, мировая социальная психология осмысливает явление доверия как базовый элемент взаимодействия на всех уровнях социально-психологических общностей людей, поэтому ему придается очень большое значение. Как отмечает П. Н. Шихирев в недавно вышедшем пособии по социальной психологии, 90-е годы XX столетия можно считать годами доверия в зарубежной социальной психологии.

В настоящем пособии изложены основные положения, связанные с поиском условий возникновения, закономерностей функционирования, характеристик проявления доверия в жизни человека. Доверие рассматривается с точки зрения целостного взаимодействия системы «Человек и Мир». Акцент делается на том, что при всем многообразии феноменологических проявлений доверия условия его возникновения, характеристики функционирования и закономерности существования остаются универсальными во всех сферах жизнедеятельности человека, а потому оно выступает базовым условием целостного взаимодействия человека с миром.

Данное пособие является первой попыткой в отечественной социальной психологии ответить на следующие вопросы: Что же такое доверие? Каковы его внутренние психологические механизмы, какие функции оно выполняет в жизни человека? Почему оно то возникает, то исчезает, на что направлено, в каком пространстве существует, на какие явления распространяется?

Текст состоит из нескольких взаимосвязанных частей, в которых последовательно решается задача показать, сколь важные функции выполняет доверие в жизни человека. Оказывается, что осмысление роли доверия в бытии человека можно осуществить, только последовательно решая несколько рядов задач.

Первый ряд задач посвящен анализу тех контекстов, внутри которых проблема доверия постоянно присутствует, является условием самого существования определенных социально-психологических явлений. С целью уточнения места доверия в системе научных понятий и категорий рассмотрено соотношение понятий «вера» и «доверие». Анализ литературы позволил выдвинуть предположение, что доверие является самостоятельной формой веры, связанной с априорным отношением субъекта доверия к значимым объектам или их свойствам как к безопасным (или надежным).

Второй ряд задач связан с определением места доверия в структуре взаимодействия человека с миром. Анализ начинается с рассмотрения макросистемы «Человек и Мир», ибо давно известно, что первая базовая установка младенца, позволяющая ему испытывать чувство комфорта от процесса жизни — это «доверие к миру» (Э. Эриксон). Анализ исследований, выполненных в рамках изучения системы «Человек и Мир», позволил сделать вывод, что поскольку человек одновременно обращен и в мир, и в себя (М. Мамардашвили), доверие к миру онтологически связано с доверием к себе и иначе существовать не может. Человек перестает жить в гармонии с собой и миром, абсолютизация любого из плюсов приводит к утрате связи либо с миром, либо с самим собой. Таким образом, доверие — это фундаментальное условие взаимодействия человека с миром. Но соотношение уровня доверия к миру и доверия к себе находится в состоянии подвижного равновесия, которое постоянно нарушается. Нарушенное равновесие стремится к обретению его снова и снова, благодаря чему и происходит изменение, развитие личности, с одной стороны, и познание и преобразование мира, с другой.

Следующий ряд задач связан с попыткой осмысления доверия к себе как относительно самостоятельного феномена человеческой субъектности. В рамках анализируемой проблемы доверие к себе выглядит как способность человека относиться к себе, к своей субъектности, т.е. к своим внутренним желаниям, потребностям, взглядам, собственным переживаниям как к ценности. Только от-

ношение человека к себе как к ценности способно расширять меру индивидуальной свободы и связанной с ней личной ответственности. В целом способность доверять себе можно обозначить как способность к творческой самоорганизации собственной жизни, способность овладения собой и своей жизнью. Но доверие к себе не должно быть абсолютным, иначе утрачивается связь с миром. Человек живет, сохраняя это зыбкое соотношение между доверием к миру и доверием к себе. Поиск оптимальной меры доверия к себе — предмет философской рефлексии уже на протяжении нескольких веков. Но, видимо, человечество никогда не найдет оптимального соотношения между общечеловеческим, родовым и индивидуальным. Уже не одно столетие человечеству известно, что противоречие между ними является страшной «психологической ловушкой», а потому причиной серьезных психологических травм и расстройств. Вывод, давно сделанный учеными, работающими в рамках гуманистического подхода, заключается в том, что необходимо самопознание и самовоспитание, целью которого является самостоятельность мышления, трезвое осознание сочетания своих желаний и возможностей и умения противостоять навязываемым мнениям, внушениям. Только такая позиция дает человеку гарантию стать «самим собой» и никому не доверять свою судьбу, а распоряжаться ею самому и никого не винить за свои ошибки, кроме себя самого. Только такая позиция способна помочь человеку в поиске собственного аутентичного бытия, стать истинным «субъектом жизни» (С.Л.Рубинштейн), а не субъектом «отчужденной активности» (Э. Фромм). Таким образом, доверие к себе самым непосредственным образом связано с личностной идентичностью.

И наконец, доверие к другому возможно осмыслить как частный случай доверия к миру, ибо при взаимодействии с другим этот другой становится той частью мира, с которой взаимодействует человек. Поскольку доверие связано с безопасностью и значимостью того, кому доверяют, доверие можно рассматривать как специфический вид ценностного отношения, в данном случае к другому человеку. Но так как человек одновременно обращен и в мир, и в себя, то уровень доверия к другому проявляется в соотносении ценностных отношений к себе и к конкретному другому у каждого из взаимодействующих субъектов. Такой подход позволил понять, почему для столь разных феноменов межличностного взаимодействия, как дружба, авторитетность, кооперативность, вражда, зависимость и некоторых других, доверие или его отсутствие является фоновым условием самого их существования.

Все эти положения позволили осмыслить доверие как важнейшее явление, выполняющее в жизни человека весьма фундаментальные функции.

Г Л А В А   1

ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

§ 1. ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В понятии «доверие» принято отражать практику повседневных отношений между людьми. В этой связи в социально-психологических и психологических исследованиях при изучении самых различных проблем отечественные психологи довольно часто обращались к явлению доверия, указывая на его чрезвычайную важность для установления позитивных отношений между людьми. Однако работ, посвященных изучению доверия как самостоятельного социально-психологического явления, в отечественной психологии до настоящего времени не существовало.

В данном разделе анализируется вопрос о том, как доверие было включено в контекст различных направлений отечественной и зарубежной психологической науки.

Как уже было отмечено, в отечественной психологии доверие не было предметом самостоятельного социально-психологического анализа, кроме некоторых работ, посвященных проблеме внушения как методу психологического воздействия. Однако понятие доверия довольно широко использовалось авторами в контексте других проблем (В. Вичев, Б. Ф. Поршнев, И. С. Кон, А. В. Мудрик, В. А. Лосенков, В. Н. Куликов, Л. А. Петровская, А. И. Донцов, А. У. Хараш, М. Ю. Кондратьев, В. А. Петровский и др.). Анализ работ перечисленных авторов в целом не позволяет вскрыть сущность изучаемого явления, однако дает возможности составить представление о многочисленных феноменальных про-

явлениях данного явления. Справедливости ради отметим, что в отечественной психологической литературе известно лишь одно специальное исследование, посвященное проблеме доверительного общения, оно принадлежит В. С. Сафонову [273].

В социально-психологических исследованиях проблема доверия чаще всего затрагивалась в контексте разработки проблемы социально-психологического внушения (В. М. Бехтерев, В. С. Кравков, В. Н. Куликов, Г. К. Лозанов, А. С. Новоселова, Г. А. Веселкова, К. К. Платонов, И. Е. Шварц и др.). В процессе исследования закономерностей социально-психологического внушения вскрыта особая форма психологической защиты, которая противостоит нежелательным для личности внушениям, — контрсуггестия. В ходе экспериментальных исследований было установлено, что личность контрсуггестивна прежде всего к тем внушениям, которые расходятся с ее взглядами и убеждениями. Речь идет преимущественно о проблеме сходства ценностных ориентации и возникновении доверия на этой основе.

Проследивая развитие контрсуггестивности в процессе онтогенеза личности, один из наиболее авторитетных исследователей в этой области В. Н. Куликов отмечает, что постепенно, по мере развития личности «происходит дифференциация контрсуггестивности, разделение ее на отношение к содержанию внушений и на отношение к их источнику, ... хотя часто доверие к воспитателю может породить и доверие к тому, что он внушает, а недоверие — недоверие к содержанию внушения» [159, с. 56]. Автор отмечает, что основное значение имеют взаимоотношения личности с конкретным источником внушений и с их конкретным содержанием.

Исходя из экспериментальных данных, В. Н. Куликов выделяет основные закономерности контрсуггестивности:

1. Селективный принцип действия этих явлений (различная степень контрсуггестивности в отношении различных людей).
2. Наибольшая контрсуггестивность по отношению к тем внушениям, которые противоречат потребностям, взглядам, убеждениям и другим ценностным ориентациям.
3. Динамизм контрсуггестивности, контрсуггестивность стремится к нулю, хотя практически никогда не бывает равна ему.

Все перечисленные выше свойства контрсуггестивности можно отнести и к противоположному явлению — суггестивности (доверию), ибо эти противоположности существуют неразрывно. Следовательно, селективность свойственна и доверию, что означает, что человек доверяет избирательно и в различной степени разным людям (это свойство названо нами парциальностью), во-вторых, человек больше склонен верить в ту информацию, которая не противоречит его ценностным ориентациям и соответствует потребностям, а не в связи с отношением доверия или недоверия к

источнику информации. И, в-третьих, суггестивность (потребность доверять) стремится к бесконечности, хотя никогда не бывает равной ей. Другие авторы выделяют еще некоторые свойства рассматриваемого явления, например, было показано, что податливость человека внушению повышается, когда он попадает в ситуацию неопределенности, т.е. личностью легче принимается на веру то, что предлагает авторитетный коммуникатор при низкой когнитивной компетентности реципиента (А. С. Кондратьева). Второе обстоятельство имеет большое значение, ибо без его учета может создаваться впечатление о фатальной роли авторитетности и полной зависимости от авторитетного лица. В. Н. Куликов отмечает, что «изучение когнитивной компетенции применительно к области социальной перцепции развивалось, прежде всего, в русле построения пространственно-координатных моделей когнитивных структур... В рамках этого подхода когнитивная компетентность получила операциональную трактовку в понятии "когнитивная сложность субъекта"» [159, с. 26]. Бизри в 1961 г. определил когнитивную сложность как многомерность когнитивного пространства и «разновзвешенность» соответствующих координат, причем результаты многочисленных исследований, проведенных за рубежом (Мюллер, 1974), указывают на факт доминирования «аффективной» координаты в когнитивных структурах. Оказалось, что более «сложные» испытываемые способны к лучшему предсказанию поведения других людей в социальных ситуациях и менее склонны изменять свое впечатление от других при получении сбивающей информации. Таким образом, согласно данной трактовке, внушаемость, податливость внушению выступает как сложное внутриличностное образование, связанное как с эмоциональными, так и с когнитивными структурами личности.

В процессе экспериментального исследования внушения изучалась также роль вербальных и невербальных средств. При внушении огромную роль играет речь, т.е. основным средством суггестивного воздействия является слово (В. Н. Мясичев, Б. Д. Парыгин, К. К. Платонов, Б. Ф. Поршнев и др.). Целым рядом авторов проводились исследования, посвященные выявлению суггестивных возможностей неречевых факторов. Результаты исследований показали, что неречевые факторы обладают ограниченными возможностями суггестивного воздействия. В. Н. Куликов показывает, что неречевые средства (жесты, мимика, поступки, интонация и т.д.) «... могут внушать главным образом те или иные психические состояния (уверенность, неуверенность, робость, спокойствие и др.). Попытки внушать с помощью неречевых факторов конкретные действия, идеи, взгляды, как правило, не давали результатов» [159, с. 11]. Однако исследования, проведенные В. Н. Куликовым, указывают на то, что неречевые факторы могут оказывать суще-

ственное влияние на силу словесных внушений — они могут либо усиливать вербальное внушение, либо ослаблять его.

Таким образом, при изучении социально-психологических особенностей суггестивности и контрсуггестивности во всех проанализированных исследованиях часто употребляется термин «доверие», в основном как синоним суггестии, тем не менее, ни в одном исследовании не приводятся дефиниции данного понятия, а также не предпринимаются попытки к построению теоретической модели доверия как относительно самостоятельного социально-психологического явления, хотя все авторы отмечают важнейшую роль доверия в процессе внушения.

Доверие рассматривалось и в связи с рядом других социально-психологических проблем. Так, в ряде отечественных исследований, посвященных социально-психологическим аспектам проблемы авторитета, вслед за работами, выполненными в рамках философии и социологии, также отмечается важнейшая роль доверия как необходимого условия подлинного авторитета (М. Ю. Кондратьев, Ю. П. Степкин, Э. М. Ткачев). Практически все авторы, занимавшиеся психологическими аспектами проблемы авторитетности, указывают, что доверие к носителю авторитета является необходимым условием существования самого феномена авторитетности.

Среди различных психологических подходов, с помощью которых авторы пытаются осмыслить феномен авторитета, наибольшую известность приобрел подход, предложенный М. Ю. Кондратьевым [143]. Он рассматривает проблему авторитета в русле стратометрической концепции А. В. Петровского и концепции персонализации, разрабатываемой В. А. Петровским. Справедливо критикуя интраиндивидуальный подход к пониманию сущности авторитетности, М. Ю. Кондратьев предлагает понимать сущность данного явления, исходя из интериндивидуального подхода. Разрабатывая концептуальные положения, основанные на данных позициях, автор показывает, что традиционный подход к проблеме авторитета с интраиндивидуальной теоретической позиции связан с рассмотрением авторитетности как функции особых свойств и качеств индивида. Такой подход оказался несостоятельным в изучении данного явления, так как в нем не учитывается связь между тем, кто считается авторитетным, и тем, кто считает авторитетным того или иного человека. М. Ю. Кондратьев пишет, что, с точки зрения обозначенного им подхода, понятие «авторитет» необходимо интерпретировать как «внутреннее признание за личностью (как руководителя, так и подчиненного) права принимать ответственные решения и оценивать значимые обстоятельства совместной деятельности» [143, с. 197]. Исходя из предложенных позиций, М. Ю. Кондратьев строит модель авторитетности, а также предла-

гает типологию межличностных отношений, основанных на авторитетности, где в качестве ее исходной единицы выдвигает показатель значимости одного индивида для другого. В предложенной модели возрастание значимости рассматривается как стадии становления авторитетности, которым соответствуют три позиции в межличностных предпочтениях: «информатора», «референтного лица» и «авторитетного лица». При этом «закрепление» в каждой предшествующей позиции «...ни в коей мере не предопределяет переход на следующую ступень в иерархии межличностных предпочтений, т. е. является необходимым, но недостаточным условием этого качественного скачка» [143, с. 204]. Сами отношения, существующие на каждой из описанных стадий, характеризуются автором следующим образом: «На первой стадии значимость одного индивида для другого определяется лишь его информированностью в связи с каким-либо вопросом, на второй стадии, стадии "референтности", важна уже не просто информированность, но и отношение другого индивида к значимой, важной информации, его оценка этой информации, и лишь третья стадия, стадия "авторитетности", характеризуется авансированием доверия», ибо его мнение признается не только важным, но и верным, «воспринимается как прямое руководство к действию». Таким образом, разрабатывая концепцию авторитетности, М. Ю. Кондратьев выдвигает признак авансирования доверием как основной признак авторитетности. Он пишет: «Признавая за лидером право на принятие ответственного решения в значимых условиях совместной деятельности, члены группы авансируют ему доверие, порой предоставляя недопустимую для них самих свободу действий, уверенные в том, что она будет использована лишь во благо сообщества» [143, с. 204]. Исходя из всего вышесказанного, становится видно, что по существу автор выделяет признаки, на которых и основывается авансирование доверием: безопасность (авторитетное лицо ничего не сделает во вред сообществу), значимость как авторитетного лица, так и информации, о которой идет речь, а также значимость оценки этой информации. В данном контексте речь идет также о значимости принятия ответственного решения в значимых условиях совместной деятельности.

Таким образом, в данном контексте выделены не только содержательные параметры авторитетности, но и содержательные параметры доверия, которое является основным условием подлинного авторитета.

Роль доверия изучалась и в контексте обсуждения проблемы значимых других (В.Н.Князев, А. А. Кроник, Е. А. Хорошилова, Н. Б. Шкопоров). Разные авторы приводят различные дефиниции значимости другого, отмечая, что в настоящее время у ученых нет единого мнения относительно того, по каким критериям описы-

вается круг значимого общения. Одни авторы считают, что в круг значимых других необходимо включать лишь наиболее близких человеку людей. Другие, например Т. Шибутани, считают, что параметр психологической близости не является показателем значимости. Еще более крайняя точка зрения высказывается одним из наиболее авторитетных исследователей в области межличностных отношений А. У. Харашем, который вообще считает, что незначимых людей не бывает [314]. Однако большинством авторов выделяется так называемое личностно-значимое общение со значимыми другими, которое определяется как «общение с наиболее близкими для личности людьми, с теми, кто самым непосредственным образом и наиболее сильно влияет на формирование и проявление основных инстанций личности (Я-концепции, самооценки и др.)» [124, с. 8].

Другие авторы, изучая феномен значимых других, исходя из основных положений относительно понимания общности «мы», предложенных Б. Ф. Поршневым, считают, что общность «мы» предполагает максимальную психологическую близость с максимальной доверительностью в общении, которая может быть приравнена к интракоммуникации, т.е. к «общению наедине с собой» [156, с. 68]. А. А. Кроником и Е. А. Хорошиловой был установлен интересный факт, заключающийся в том, что значимость связана со стажем отношений, при этом чем дольше значимый другой «сохраняет свою необходимость и незаменимость, тем существеннее ценности, которые он разделяет и побуждает в нас. Как только они утрачиваются — умирает Мы» [156, с. 71]. На основе многочисленных опросов данными авторами также было установлено, что доверчивость одних и умение внушать доверие другим тесно связаны друг с другом, как цель и средство. Другими словами, это есть один из механизмов взаимовлияния. И все же остается неясным, как совпадает круг значимого для человека общения и круг его доверительного общения? Всегда ли значимый другой тот, кому человек доверяет? Видимо, прямой зависимости здесь нет. Тем не менее в большинстве исследований доверительность рассматривается как один из параметров значимости другого.

Особую группу работ составляют исследования, посвященные изучению феномена дружбы (И. С. Кон, В. А. Лосенков, Л. Я. Гозман, А. В. Мудрик, И. С. Полонский и др.). Наиболее авторитетный исследователь в области изучения отношений дружбы И. С. Кон отмечает, что «... в ее определениях постоянно подчеркивается момент доверия» [139, с. 127]. Все авторы, изучавшие дружбу как особый феномен межличностных отношений, писали о том, что доверие — есть важнейшее неписаное правило дружеских отношений, нарушение которого приводит к прекращению дружбы [139]. И. С. Кон, характеризуя различные виды дружбы, взрослую

и юношескую, «мужскую» и «женскую», пишет о том, что их отличие заключается в разной степени доверия друг к другу.

В отечественной психологической науке были попытки показать роль доверительных отношений и доверительного общения на различных стадиях онтогенетического развития личности [192]. Особенно полно с этой точки зрения изучен подростковый и ранний юношеский возраст (А. В. Мудрик, В. Э. Пахальян, Т. П. Скрипкина). В большинстве работ, посвященных специфике общения на разных этапах онтогенеза, доверительности в общении с различными людьми отводится ключевая роль.

Изучению роли доверия в межличностных отношениях, а также выявлению стадий и уровней становления доверительности в общении и взаимодействии посвящен ряд работ А. У. Хараша [316]. Опираясь на методологические основания концепции личности, с позиции системного подхода, разрабатываемых А. В. Петровским [231] и В. А. Петровским [236], А. У. Хараш строит типологию коммуникативных состояний личности. Согласно подходу к пониманию личности, развиваемому А. В. Петровским и В. А. Петровским, личность как бы существует в «околоиндивидуальном пространстве», совпадающем с пространством межличностного общения. Оставляя в стороне характеристику выделенных А. У. Харашем типов коммуникативных состояний, отметим, что типология, построенная им, «представляет собой ранжирование коммуникативных состояний по степени интеграции — от максимальной разобщенности к наиболее полному объединению, от индивидуалистической замкнутости до концентрации на всеобщих задачах, составляющих общественный смысл совместно производимой деятельности» [316, с. 41]. В построенной типологии коммуникативных состояний автору удалось показать не только связь «внешнего» поведения и «внутреннего» состояния, но и их единство: «внутреннее условие деятельности» обнаруживает себя одновременно и как «внешнее»: типология состояний общения оказывается типологией состояний личности. Автор показал, что ранжирование коммуникативных состояний происходит от полной «закрытости», первоначально связанной с ролевой защитой, к дискуссионной защите, связанной с псевдосамораскрытием. Затем следует так называемая «открытая защита», и лишь отказ от использования защиты предполагает стратегию доверительного диалога, характеризующегося тем, что субъект добровольно превращает себя в объект, беря на себя ответственность за свое поведение и поступки. Наконец, высший уровень самораскрытия, характеризующийся наличием общего предметного поля, есть состояние предметно-смысловой фокусировки, лишь на этом уровне происходит совместное решение общественно значимых проблем. И все же модель, предложенная А. У. Харашем, не объясняет сути доверия, его избирательности

по отношению к разным людям, хотя отдельные положения в его работе могут быть использованы для понимания сущности исследуемого явления.

Доверие было описано и как феномен внутригрупповых отношений [136, 137]. Среди исследований, проводимых в рамках стратометрической концепции, можно выделить исследование Л. Э. Комаровой, показавшей, что базовая ценностная ориентация на доверие характерна лишь для групп высокого уровня развития и является важнейшим условием благоприятного социально-психологического климата в коллективе. В целом под базовой ценностной ориентацией на доверие понимается отношение каждого члена группы к каждому другому члену группы как к самому себе, независимо от статуса и выполняемых социальных ролей.

Проблема доверия занимает ключевое место при анализе поведения индивидов в сложных ситуациях взаимодействия, в частности при изучении межличностных конфликтов. Так, основываясь на широко известных исследованиях М. Дойча и других авторов, изучающих условия выбора корпоративного или некорпоративного поведения, А.И.Донцов [88] выделяет три основных условия, способствующие взаимному доверию сторон или фактически установлению стратегии корпоративного поведения. Первое — присутствие так называемых третьих (нейтральных) лиц, чья функция сводится к облегчению взаимодействия, особенно в ситуации конфликта; вторым условием доверительных отношений является характер коммуникативных связей взаимодействующих сторон. Здесь имеется в виду прежде всего наличие информации у каждого партнера по взаимодействию друг о друге; и третье условие, которое способствует установлению доверия, — личностные особенности участников взаимодействия. По мнению А. И. Донцова, последнее является наименее изученным. Основным вывод, к которому приходит автор названного исследования, заключается в том, что в психологии до сих пор уделялось недостаточно внимания ситуационным факторам установления доверия, однако в стрессовых ситуациях, к которым можно отнести конфликт, роль их гораздо значительнее, чем предполагалось ранее.

Проблема доверия упоминалась как массовое явление, присутствующее в больших социально-психологических общностях, и как один из феноменов межгруппового взаимодействия [223]. Так, при изучении социальной напряженности в обществе одним из важнейших факторов, вызывающих социальную напряженность в обществе, назывался фактор недоверия к властям [223, с. 208]. Социальную напряженность определяют как «массовый адаптационный синдром, который отражает степень физиологической, психофизиологической и социально-психологической адаптации, а во многих случаях как дезадаптацию различных категорий населе-

ния к хронической фрустрации, трудностям (понижению уровня жизни и социальным изменениям), что проявляется в резком росте недовольства, недоверия к властям, конфликтности в обществе, тревожности, как экономической, так и психической депрессии» [223, с. 208] и т.п.

Итак, изучение ряда феноменов, относящихся к психологической и социально-психологической проблематике, показывает, что доверие как бы присутствовало в контексте других психологических проблем, таких, как становление общностей людей, этапы и типология такого становления, авторитетность, внушение, дружба, совместная, кооперативная деятельность, феномены внутригруппового и межгруппового взаимодействия, и некоторых других. В то же время, очевидно, что доверие не было предметом специального изучения и не выделялось для анализа как относительно самостоятельное социально-психологическое явление. Оно было представлено в основном как некое одномерное явление, лишенное собственных психологических характеристик, и его анализу не было уделено должного внимания. В результате происходила своего рода редукция, заключавшаяся в том, что другие психологические феномены осмысливались через понятие доверия, которое в основном рассматривалось в качестве фонового условия самого существования названных феноменов. В то же время природа доверия как относительно самостоятельного психологического явления оставалась невыясненной. Тем не менее, доверие присутствует во всех перечисленных выше явлениях, будучи важнейшим условием самого их существования, оно же рассматривается как исходное условие социально-психологических отношений между людьми в целом. В результате возникла иллюзия изученности явления, которое на самом деле не было подвергнуто специальному научному анализу. Очевиден тот факт, что одному и тому же признаку — доверию отводится роль условия самого факта существования ряда весьма разнородных социально-психологических феноменов от дружбы, любви, авторитетности до совместного решения задач, различных форм кооперации, влияния и взаимовлияния.

§ 2. ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ ДОВЕРИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В отличие от отечественных исследований, в зарубежной социальной психологии доверие во взаимоотношениях людей — предмет исследования многих авторов, работающих в рамках различных направлений. Авторы исследований придают исключительное

значение социальным аспектам доверия, так как считают, что «базовое доверие — стержневой элемент социального и психологического благополучия индивида и общества, который можно определить как уверенность (индивида, группы, сообщества, нации) в том, что окружающий мир и его обитатели не намерены причинить вред» [248, с. 94].

Данные эмпирических исследований, проведенных за рубежом, показывают, что для людей, доверяющих миру, характерен оптимизм, вера в социальную справедливость, и, напротив, недоверчивые страдают пессимизмом и подозрительностью [368].

Пионерами в области изучения доверия в зарубежной социальной психологии были С. Джурард и П. Ласкоу, которые начали работу в этом направлении в конце 50-х гг. [386]. Именно они исследовали доверие с точки зрения самораскрытия внутреннего «Я». Первоначально доверие было отрефлексировано как явление, проявляющееся в процессе самораскрытия, где были выделены такие качества доверия, как добровольность и преднамеренность. Таким образом, первоначально доверие изучалось в контексте общения людей.

В 1974 г. Дж. Аллен начал изучение доверия в контексте межличностных отношений, выделив параметр их позитивности [348].

В отечественной социальной психологии впервые проанализировал зарубежные исследования, посвященные проблеме доверительного общения, В. С. Сафонов в своем диссертационном исследовании в 1981 г. [273]. В результате анализа он пришел к выводу, что в англоязычной социальной психологии сложились два основных направления исследований, главное отличие которых заключается в том, что в одном случае доверительное общение объясняется путем «анализа внутренней динамики личности, ее свойств и качеств» [415], а в другом — путем анализа динамики межличностного взаимодействия [348]. Несмотря на то, что с тех пор прошло более 15 лет, традиция изучения доверия в зарубежных исследованиях значительно не изменилась, хотя существуют десятки работ, посвященных этой проблеме.

Довольно большим количеством исследований доверие представлено в контексте изучения самораскрытия (self-disclosure). Сам термин был предложен родоначальником изучения самораскрытия С. Джурардом, под которым он понимал «сообщение другим личной информации о себе» [384]. Концепция самораскрытия уходит своими корнями в психологию гуманистической ориентации и связана с именами таких известных ее представителей, как К. Роджерс, А. Маслоу и С. Джурард. Наиболее полный анализ изучения самораскрытия в зарубежной психологии сделан Н. В. Амьгой [8]. Она отметила, что в ходе изучения самораскрытия были выделены основные области исследования: «1) определение понятия;

2) функции, последствия самораскрытия для коммуникатора, реципиента, межличностных отношений; 3) внутренние и внешние факторы самораскрытия; 4) самораскрытие в контексте развития межличностных отношений; 5) самораскрытие в группах разного типа; 6) экспериментальное изучение самораскрытия: параметры, методы исследования» [8, с. 39]. Однако доверие и даже доверительность в общении в настоящее время большинством авторов не сводятся к феномену самораскрытия, хотя, естественно, доверие является непременным условием добровольного самораскрытия, на что и указывали практически все авторы, занимающиеся этой темой.

С первых шагов исследователи самораскрытия отмечали, что доверительность в самораскрытии является одним из важнейших показателей «здоровья личности», при этом излишняя доверительность такой же недостаток, как и излишняя замкнутость [цит. по: 8]. Джуард впервые выделил понятие «норма доверительности», под которой он понимал «...способность реагировать доверительностью на доверительность в соответствии с обстоятельствами общения в диаде» [383, с. 501]. По его мнению, «норма доверительности» формируется в детстве, когда ребенок еще спонтанно ведет себя в соответствии со своим действенным «Я» и ее особенности зависят от реакции окружающих на его открытость. В результате такого взаимодействия с близкими ребенку людьми у него формируется так называемая «идиосинкратическая модель доверительности», под которой понимается уровень, или степень, открытости человека, который остается относительно неизменным в последующей жизни человека [383, 384], т.е. в дальнейшем функционирует как черта характера. С точки зрения данного подхода, поведение доверяющего человека в каждый момент времени находится под влиянием двух противоположно направленных тенденций, одна из которых толкает человека на то, чтобы довериться, а другая — на то, чтобы подавить это стремление. Эту точку зрения разделяет целый ряд авторов, в частности, П. Козби [361].

Другое и, пожалуй, наиболее широко представленное направление в изучении доверия принадлежит авторам, работающим в рамках интеракционизма. Исследования в этом направлении также начались в 50-х гг. с исследований Дж. Хоманса [381]. Интеракционистами доверительность изучалась с процессуальной точки зрения.

Как известно, основная исследовательская позиция интеракционизма заключалась в том, что процесс общения есть обмен. Причем в данном случае под обменом понимались некоторого рода «приобретения» и «потери», соотношение между которыми и детерминирует динамику общения. В эффективном общении «при-

обретения» и «потери» должны справедливо распределяться — каждый участник ожидает, чтобы его «приобретения» соответствовали «затратам» [382, с. 140]. С этой точки зрения представителями данного направления было предложено следующее понимание межличностного общения: человек, выбранный как объект доверительности, должен расценивать это как «приобретение», но степень, в которой проявляется доверие при эффективном общении, должна быть взаимной [379, 415]. Эти идеи получили развитие в работах Гиффина и Пэттона, Алтмана и Тейлора [377, 349]. Основная идея работ данных авторов оставалась прежней — если «приобретения» не соответствуют «потерям», индивид будет стремиться к прекращению взаимоотношений. Другими словами, эта идея выглядит следующим образом: если в условиях кооперации доверяет только один, а другой использует это доверие, то взаимодействие прекращается.

Социальные теории обмена имеют длительную историю исследований, в которых особая роль всегда отводилась доверию. Первоначально исследователи сосредоточивались на изучении взаимодоверия в диадах, где участники заранее были знакомы друг с другом [353, 360, 391]. Однако было показано, что такие исследования ничего не дают для понимания того, как устанавливаются длительные отношения и какие механизмы играют в этом основную роль. В этой связи в конце 80-х гг. началось изучение обмена среди ничем не связанных участников.

Начались многочисленные эксперименты по компьютерному моделированию поведения групп участников эксперимента, играющих в игры типа «дилеммы заключенного». Модели предполагали, что участники не могут распознавать друг друга. Были также построены модели социальных выборов, в которых участники могли распознавать друг друга и при желании выходить из связи, если их партнер не вызывал доверия [388].

К началу 90-х гг. сложились две традиции в изучении роли доверия в сотрудничестве. Одна традиция заключалась в исследовании доверия в процессе обобщенного обмена, а другая — при выборе партнера по обмену (социальные дилеммы).

К этому времени теория обмена получила широкое распространение, активно велись работы по изучению обмена в более сложных общностях, чем диады, поэтому сами теории стали называться теориями обобщенного обмена. Родоначальником этой традиции в анализе роли доверия в обобщенных обменах считается Ричард Эмерсон [371, 372, 373]. Он выделил два типа теорий социального обмена вне диады. К первому причисляются отношения, возникающие в более широком контексте понятия социальных сетей. Эта часть исследования закончилась разработкой теории сетей обмена, авторами которой были Р. Эмерсон,

К.Кук, Т.Ямагиши и ряд других [358, 359, 360, 371, 372, 373, 391, 417].

Другое направление исследований заключалось в изучении групп и обменов между людьми в группе, а также между группой вообще и ее отдельным участником. Родоначальником этого направления исследований был П. Эке [369]. Группы, включающие общий обмен, получили название групп обобщенного обмена. Такие группы характеризуются недостатком непосредственного соответствия между тем, чем они обмениваются (что дают и что берут).

Роль доверия традиционно изучалась также в рамках исследования социальных выборов или так называемых социальных дилемм. Это направление берет начало с 60-х гг. и с известных работ М. Дойча, который впервые доверие соединил с сотрудничеством [цит. по: 369].

Исследование социальных дилемм началось с изучения поведения людей в парных играх в известную «дилемму заключенного». Суть социальной дилеммы заключается в создании такой ситуации, в которой соблюдаются два основных условия: а) если все сотрудничают — все выигрывают, в то время как б) для каждого выгоднее не сотрудничать. Изучение социальных дилемм в 70-х гг. стало традицией и в дальнейшем получило широкое распространение в англоязычной социальной психологии [409]. По мнению авторов, «социальный выбор может быть определен как ситуация, в которой личный интерес находится в противоречии с интересами группы. Но при этом взаимный эгоизм менее желателен, чем взаимовыгодное сотрудничество» [398, с. 721].

В дальнейшем это направление исследований получило широкое распространение [365, 392, 409, 418 и др.].

В настоящее время исследователи выделяют три различных типа выбора: 1) дилемма заключенного и ее варианты; 2) игры на общее благо; 3) игры по выбору возможностей. Общие блага включают создание безграничного пространства, которое может быть использовано всей группой, но оно зависит от вклада членов группы. Использование блага не ограничено вкладчиками, следовательно, существует выбор: можно использовать блага без того, чтобы «оплатить», но если все действуют так, блага прекращают существовать, что хуже всего.

Выбор возможностей (или «социальная ловушка») включает некоторый конечный ресурс, который все члены группы могут использовать. Ресурс периодически частично пополняется, но он не эквивалентен первоначальному уровню. Выбор заключается в том, что индивидуально рациональный ход действия должен использовать как можно больше из ресурса, но полное использование всеми членами группы быстро истощает ресурс. Чтобы «растянуть» его, некоторые члены группы должны ограничивать себя,

но это не в их интересах. В целом исследователи показывают, что «уже давно найдены способы предсказывать поведение человека в различных ситуациях выбора и один из важнейших факторов здесь — межличностное доверие» [418, с. 73].

С целью предсказать поведение человека в различных ситуациях один из наиболее авторитетных исследователей роли доверия в системах обобщенного обмена Т. Ямагиши в 1986 г. разработал шкалу, измеряющую способность человека к взаимному доверию и сотрудничеству [419]. Согласно условиям методики людей можно отнести к одному из противоположных полюсов: как высоко доверяющих и как низко доверяющих. Т. Ямагиши в другой своей работе, вышедшей в 1989 г., показывает, что он не является сторонником выяснения причин этого фактора, т.е. не ставит перед собой задачу определить причины, по которым люди могут принадлежать к одному из двух названных полюсов. Он считает, что доверие есть независимая переменная, определяющая успех в системах обобщенного обмена. По его мнению, обобщенный обмен и взаимодоверие между участниками «вероятнее всего связаны друг с другом динамично и взаимно подкрепляют друг друга» [418, с. 86].

Как мы уже отмечали, доверие с сотрудничеством соединил М.Дойч в 60-х гг., а в 1986 г. Т. Ямагиши соединил доверие с теорией цели [419]. Обе теории показали, что степень доверия — первичный фактор для долговременной взаимосвязи. Главный вывод, который был сделан авторами этих теорий, состоял в следующем: доверяющие другим через некоторое время показывают более высокую степень сотрудничества, чем те, кто имеет низкое доверие к другим. Т. Ямагиши определил доверие как убеждение в том, что другие не будут эксплуатировать добрую волю других (там же). Т. Ямагиши обнаружил, что доверие можно прогнозировать по поведению в игре общего блага, но не в игре выбора возможностей. С. Парке предположил, что расхождения между играми могут объяснить присутствие или отсутствие опасности. Игра в общие блага содержит элемент опасности, а выбор возможностей — нет [398].

В обеих традициях — и в традиции изучения обобщенного обмена и в традиции изучения поведения в социальных дилеммах — одной из основных проблем является изучение роли доверия как важнейшего фактора солидарности и сотрудничества. П. Эке, один из пионеров исследований по обобщенному обмену, еще в 1974 г. пришел к выводу, что «обмен генерирует этику, характеризующую менталитетом доверия» [369, с. 58]. Под менталитетом доверия он понимал взаимодоверие как необходимое условие эффективности сотрудничества. Однако в своей работе П. Эке не ставил задачу объяснить, как такая этика оказывается сгенерированной, он ее принимал лишь как эмпирический факт.

Т. Ямагиши и К. Кук в 1993 г. показали, что в настоящее время существует целый ряд исследований, посвященных специальному изучению вопроса о взаимодоверии, в которых отмечено, что люди, имеющие высокий уровень взаимного доверия или ожидающие, что другие будут с ними сотрудничать, способствуют высокому уровню производительности и поддержанию общего блага. В результате большинства этих исследований стало ясно, что обобщенная система обмена сохраняется, если люди, включенные в него, проявляют высокий уровень взаимного доверия, и лишь при этом условии возможно продолжительное существование системы обобщенного обмена. Однако большинство авторов не учитывает тот факт, что успешное существование системы уже требует высокого уровня взаимного доверия между людьми. Поэтому высказываются предположения о том, что взаимный обмен и взаимное доверие связаны между собой динамически и взаимно влияют друг на друга. Для проверки этой гипотезы Т. Ямагиши и К. Кук предприняли специальное исследование, целью которого была попытка объединить две сложившиеся традиции. Они предположили, что связь между взаимным доверием и обобщенным обменом изменяется в зависимости от структуры ситуации данного обмена. Ими было показано, что доверие при сотрудничестве будет производить более сильный эффект в структуре обмена обобщенной сети, чем в структуре обмена обобщенной группы.

Эти же исследователи изучали роль стратегических действий участников, понимая под ними действия, нацеленные на изменение первоначального решения других участников обмена. Ранее, в 70-х гг., Д. Прутт и М. Киммель отметили, что стратегические действия особенно эффективны для возникновения доверия и сотрудничества в диадных дилеммах, типа дилеммы заключенного [399]. Однако в 1993 г. Т. Ямагиши и К. Кук экспериментально доказали, что стратегические действия не влияют на уровень доверия и сотрудничества в экспериментах, где имеется более двух участников, однако они вновь становятся эффективными, когда в ситуацию социального выбора вводится структура замкнутой цепи [421].

В последние годы исследования роли доверия в кооперативной деятельности получили дальнейшее развитие. Доверие изучается как независимая переменная, и в игровые ситуации вводятся различные условия, выступающие детерминантами возникновения или разрушения доверия и сотрудничества. Так, в 1995 г. Б. Лано обнаружил, что участники обмена, совершенно не информированные относительно прошлого поведения друг друга, находятся в позиции постоянного выбора партнеров [389]. В своем исследовании он предположил, что для любого участника вероятность нахождения партнера для выгодного обмена зависит от его про-

шлого поведения. И лишь имеющийся опыт может свидетельствовать, что участники, способные действовать рационально, заслуживают доверия. Таким образом, Б. Лано ввел еще одно из условий, способствующих возникновению доверия, — это репутация участников обмена.

Годом раньше (1994) П. Коллок ставит проблему информационной асимметрии и показывает, что именно она ведет к неопределенности исхода в процессе обмена, поэтому доверие всегда связано с риском [388]. По мнению данного автора, в этом случае выработка высокого уровня доверия требует большего, чем лишь продолжающееся взаимодействие. Когда нет риска, нет и основы для доверия. Поэтому это свойство ситуации, а не взаимодействия субъектов. Таким образом, по мнению автора, именно «риск создает плодотворную основу не только для доверия, но и для обмана или эксплуатации доверия» [388, с. 319]. Следовательно, в опасной ситуации обмена участники будут стремиться находить экстремальные значения доверия и недоверия. В результате автор приходит к выводу, что начальные условия (или ситуация) обмена воздействуют на взаимодействие, которое в свою очередь воспроизводит или преобразовывает структуру обмена [388, с. 339].

В 1995 г. К. Парке и Л. Халберт провели специальное исследование для подтверждения гипотезы о том, что «степень доверия к другому будет влиять на уровень, на котором человек реагирует на присутствие опасения (или возможности не получить вознаграждения при совместных (кооперативных) действиях)» [398, с. 718]. В результате специально проведенного исследования авторы пришли к выводу, что при наличии опасности люди, склонные высоко доверять, сотрудничают чаще, чем низко доверяющие, в то время как при отсутствии опасности и те, и другие сотрудничают в одинаковой степени. Таким образом, при обсуждении роли доверия в сотрудничестве необходимо учитывать, содержит ли выбор элемент опасности, ибо, как показывает исследование, при удалении опасности из выбора уровень доверия становится не связанным с сотрудничеством.

По мнению авторов статьи, полученные ими результаты поднимают проблему соотношения *доверия*, *опасности* и *принуждения* (наказания). Ранее в исследованиях Т. Ямагиши (1986, 1988) было показано, что низко доверяющие более склонны к применению санкций, чем высоко доверяющие. Принуждение, таким образом, увеличивает уровень доверия к другому, так как стимулирует сотрудничество. По мнению же С. Паркса и Л. Халберта, все зависит от того, что можно считать нулевым вознаграждением. Так, низко доверяющие считают нулевое вознаграждение потерей, интерпретируя это словами «я ничего не получил», в то же время, высоко доверяющие воспринимают это как выгоду — «я

ничего не потерял» [398, с. 727]. В результате проведенного исследования авторы в целом приходят к выводу о том, что связь между доверием и сотрудничеством на самом деле намного сложнее, чем это казалось первоначально.

В целом авторами исследований, выполненных в рамках данного направления, было установлено, что чувство доверия является фундаментом взаимоотношений людей и, в конечном счете, — эффективности работы в организациях. Данное направление исследований широко распространилось в англоязычных психологических исследованиях последних лет. В настоящее время особенно широко оно представлено в связи с прикладными, в частности, маркетинговыми проблемами, связанными с изучением роли доверия во взаимодействии людей в организациях [394, 388, 389, 421 и многие др.]. Международной организацией (Development Dimension International) в 1995 г. был проведен обзор, направленный на изучение существования доверия в большом количестве организаций. В результате исследования организаторы пришли к выводу, что во всем мире в 57% организаций производственного и обслуживающего профиля наблюдается отсутствие доверия, что является основной их проблемой, связанной с низкой эффективностью функционирования. Доверие определяется организаторами данного исследования как «уверенность в надежности человека, выраженная в черте характера, способности, силе, или какие-то сведения о ком-то или о некоторых людях, о которых известна тайна» [380, с. 52]. По мнению авторов предпринятого исследования, доверие, существующее в организациях, является неосязаемой сущностью, поэтому она трудна для понимания, но «мощь, заложенная в нем, способна внедрить успех в организации различных размеров и отраслей производства. В преуспевающих компаниях, в которых доверие является основополагающим принципом организации, оно создает обширные обязательства, кооперативную слаженность и позитивную энергию» [380, с. 52]. На основе полученных результатов авторы работы выделили факторы, направленные на «строительство» и «разрушение» доверия.

К факторам, «строящим» доверие, по их мнению, относятся:

1) честная и открытая коммуникация без искажения информации;

2) демонстрация способностей и возможностей другого для достижения им мастерства, компетентности и т.п.;

3) умение прислушаться к мнению другого, даже при несогласии с ним;

4) сохранение обещаний и обязательств;

5) взаимодействие с другими и взаимопомощь.

К «разрушителям» доверия были отнесены те, кто:

- 1) участвуя в деятельности, более заинтересован в собственном благополучии, чем в благополучии других;
- 2) дает противоречивые указания, из которых невозможно понять, как поступать;
- 3) избегает брать на себя ответственность за собственные действия;
- 4) делает безответственные выводы без проверки фактов;
- 5) оправдывается или обвиняет других, когда что-то не получается [380, с. 53].

Наряду с развиваемой традицией изучения различных феноменологических проявлений доверия в условиях кооперации ряд авторов полагают, что широко распространенные игровые методы типа «дилеммы узника», используемые для изучения индивидуальных характеристик, коррелирующих с кооперативным поведением, и ситуационных факторов, содействующих кооперации, показали, что авторитеты и те люди, которые ориентированы на соперничество, не стремятся к кооперации. Кроме того, экспериментально подтверждена важность или сила ситуационных переменных, имеющих существенное влияние на кооперацию (к ситуационным переменным относятся прежде всего установки испытуемых: сотрудничающая, конкурирующая или индивидуально-ориентированная) [407].

Но, несмотря на различные модификации парадигм игровых экспериментов, они далеки от реальных ситуаций и потому попытки выявить познавательные аналоги поведенческого сотрудничества имеют ограниченное применение. На людей, принимающих участие в экспериментальной ситуации, влияют условия игры, во время игры они сталкиваются с партнером, в лучшем случае, с незнакомцем. Когда в игре принимают участие люди, состоящие в дружеских отношениях, то они, как правило, показывают высокие кооперативные возможности. Поэтому игровые методы мало дают для понимания доверия в личностно-значимом смысле.

Итак, данное направление исследований наиболее широко представлено в англоязычной психологии. Его суть заключается в изучении роли доверия во все усложняющемся моделировании ситуаций сотрудничества. В создаваемые экспериментальные ситуации постоянно вводятся новые переменные. В результате множества созданных процедур было получено значительное количество важных и интересных сведений о роли, динамике и факторах, вызывающих доверие в самых разнообразных ситуациях совместной деятельности. На основе весьма разнородных эмпирических данных были построены теории, посредством которых исследователи пытались объяснить роль доверия в ситуациях обмена. Однако представители теорий обмена, как правило, не ставят перед

собой задачу осмыслить сущностные характеристики доверия как самостоятельного социально-психологического явления.

В этой связи, наряду с игровыми методами, с помощью которых изучалась роль доверия в сотрудничестве и кооперации, возникло альтернативное направление исследований, где анализировалось межличностное доверие между людьми в связи с уровнем развития их межличностных отношений. Представители данного направления исходили из того, что близкие межличностные отношения всегда имеют свою историю, не поддающуюся статистическим методам изучения. Их невозможно объяснить также с точки зрения индивидуальных черт личности, динамики и стилевых характеристик. Поэтому речь здесь идет об особом доверии, заложенном в личные доверительные отношения. Разработка этого направления исследований началась в конце 60-х — начале 70-х гг. З. Рубиним [404], который поставил перед собой задачу сравнить степень симпатии и любви между конкретными личностями и «количество» теплоты, испытываемой ими к человечеству, хотя до сих пор систематическое исследование этого особого рода межличностного доверия в сочетании с такими переменными, как любовь, симпатия, самораскрытие было затруднено из-за отсутствия измерительных инструментов, другими словами, из-за отсутствия адекватных методик.

В конце 60-х и в 70-х гг. Дж. Роттер предложил шкалы, измеряющие тенденцию человека доверять другому [401, 402, 403]. Он полагал, что разработанные им шкалы наиболее точно оценивают способность доверять в двусмысленных, новых или беспорядочных ситуациях, в которых важна роль лишь обобщенного ожидания, ибо это единственное, на что можно положиться [403]. Позже (1973) В. Мишел [393] показал, что при возникновении доверительных отношений оценка черт характера или характерных черт другого имеет лишь ограниченный эффект и ничего не дает для возникновения «сильного влияния». Однако по поводу последнего положения среди ученых существуют разногласия.

В 1982 г. В. Свэп для измерения особого межличностного доверия разработал специальные шкалы, включающие фактор надежности, фактор эмоционального и фактор общего доверия. С точки зрения данного автора, «межличностное доверие является основной особенностью всех социальных ситуаций, т.е. тем, что нуждается в объединении и взаимосвязи. Занимая деньги, собирая на автомобиль или посещая врача, человек должен решить: стоит ли риск зависимости или уязвимости, который является ценой возможности поделиться результатом. ... именно элемент риска... составляет основную характеристику дилеммы доверия» [410, с. 1306].

В целом исследование В. Свэпа раскрывает ситуативную и целенаправленную природу межличностного доверия, обнаруживая

множество дополнительных значений понятия «доверие». При разработке шкал доверия В. Свэп использовал подход, предложенный ранее Дж. Роттером и так называемые шкалы философии человеческой натуры, разработанные Л.Райсмэном [416].

Авторы этих методик исходили из того, что доверие к другому — положительное качество человека, и высоко доверяющие люди оказываются более самостоятельными, честными и открытыми для тех, от кого они хотят получить психологическую поддержку. В целом шкалы Роттера и Райсмана не получили широкого распространения, так как обладают рядом ограничений: во-первых, отнесение доверия только к положительным атрибутам личности — плохая услуга, ибо в некоторых обстоятельствах это может выглядеть наивно и даже потенциально опасно; во-вторых, как было показано К. Чан и Дж. Кэмпбеллом (1974) [357], а также Р. Каштаном (1973) [387], возможность шкал предсказывать веру в других ограничена условиями уровня интимности. В-третьих, как считает В. Свэп, такого рода шкалы предсказывают готовность доверять в зависимости от личности и ситуации, но не определяют доверия одного лица к другому в конкретных обстоятельствах. Именно в силу этих обстоятельств В. Свэп выделил три различные шкалы — надежности, эмоциональности и общего доверия, так как, по его мнению, они могут существенно расширить возможности изучения доверия между конкретными людьми. По замыслу автора их можно включать в экспериментальные процедуры, а также в клинические исследования.

Позже (1993) Р. Левитски и Б. Банкер [390], используя созданные измерительные процедуры, построили модель развития и отклонения доверия в межличностных отношениях. Изучая отношения сотрудничества, они построили трехуровневую модель развития доверия в сотрудничестве. Авторы пришли к выводу, что на каждом уровне форма доверия имеет свои отличия, а прочность или хрупкость доверия зависит от стадии развития отношений.

Другое направление исследования доверительного общения — это «транзактный анализ», разработка которого началась еще в 50-х гг. Представители этого направления предложили рассматривать действие каждого участника общения не только в зависимости от реакции партнера по общению, как это делали «интеракционисты», но и от некоторых других факторов и компонентов, которые они называли «ингредиентами» процесса общения [351, 352, 406, 411 и др.].

Основное достоинство данного подхода заключается в том, что его представителями выделялась и подвергалась анализу мотивационная сфера как основная переменная, зависящая от взаимодействия с другим коммуникатором. Согласно предложенному подходу именно во взаимодействии людей, рассматриваемом как

«транзакция», лежит понимание доверительного общения. Таким образом, основу доверительного общения представители данного направления искали в мотивации партнеров по общению. Основная идея представителей «транзактного анализа» сводилась к следующему положению: «каждый человек является продуктом — и при этом непрерывно изменяющимся продуктом — той ситуации взаимодействия, в которой человек находится» [411, с. 56]. Однако существенным недостатком данного подхода оказалось то, что доверительное общение было, по существу, сведено к исследованию реакций на ситуацию взаимодействия. Представители этого направления оставили за рамками проводимого анализа как содержательную сторону доверительного общения, так и исследование собственно динамических закономерностей проявления доверительности в общении.

Итак, как показывает проведенный анализ исследований, посвященных изучению феномена доверия в англоязычной психологии, роли доверия во взаимодействии людей придается огромное значение. Осуществлены десятки исследований, направленных на изучение самых различных феноменологических проявлений доверия и доверительности. Разработано множество методов и конкретных методик, направленных как на измерение доверия в межличностных отношениях, так и на изучение процессуальной динамической стороны возникновения и разрушения доверия в отношениях и в совместной, кооперативной деятельности. Однако следует отметить, что, несмотря на все многообразие подходов к изучению доверия, за рамками анализа остается собственно психологическая природа рассматриваемого явления. Доверие определяется то как убеждение, то как фактор надежности и эмоциональности, то вообще как «неосязаемая сущность» [421], обладающая огромной мощью. Таким образом, остается невыясненной психологическая сущность доверия, проявляющегося всюду, где люди вынуждены действовать совместно.

§ 3. ДОВЕРИЕ К СЕБЕ И ДОВЕРИЕ К ДРУГОМУ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ И ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫХ ПРАКТИК

Другая область исследования, где феномену доверия придавалось ключевое значение, это практическая психология, внутри которой был выделен не только феномен доверия к другому, но и феномен доверия к себе, что во многих направлениях практически ориентированной психологии стало предметом психотерапии и психокоррекции.

Цель данного раздела — показать, что феномен доверия к себе особым образом связан с доверием к другому (это было научно-практически отрефлексировано внутри различных направлений психокоррекционных и психотерапевтических практик, где коррекция доверия к себе и (или) к другому явилась одной из стержневых задач). Анализируя различные направления практической психологии, мы останавливались преимущественно на проблеме феномена доверия к себе в рамках различных направлений психологических практик. Это обусловлено прежде всего тем, что, в отличие от феномена доверия к другому, доверие к себе до сих пор не было выделено теоретической психологией в качестве сколько-нибудь самостоятельного психологического явления. Не стремясь полностью осветить основные положения и так хорошо известных направлений современных психотерапевтических и психокоррекционных практик, анализируя то или иное направление, сосредоточимся лишь на тех аспектах, которые имеют отношение к обозначенному предмету анализа.

Сторонники классического психоанализа лишали человека доверия к себе, считая, что человеческим поведением управляют лишь бессознательные инстинкты, на осознание, а тем более искреннее выражение которых культурные традиции накладывают всевозможные табу. Тем самым проводилась мысль о том, что усвоенные человеком нормы (в виде супер-эго) блокируют естественное поведение человека, контролируя его поведение, а также желания и потребности. И человеку лишь остается искать всевозможные средства «защиты» от того, чтобы скрыть свои подлинные побуждения.

Первым в психоанализе, кто отказался от биологического критерия как источника побуждений, был А. Адлер, показавший в своих поздних работах, что истинным источником неврозов является неумение быть искренним с другими людьми и сотрудничать с ними. Этот показатель А. Адлер называл «чувством общности» (что можно проинтерпретировать как недостаток доверия к другим и как результат — недостаток доверия к себе).

В последнее время в психоаналитическом направлении наметилась тенденция, позволяющая говорить о том, что вопросы веры и неверия невозможно игнорировать в терапевтической работе, так как именно они, т.е. представления пациентов о вере или неверии (в частности религиозном), связаны, например, с таким классическим для психоаналитической практики состоянием, как чувство вины. Поэтому проблема отношения к вере и в связи с этим к самому себе входит в круг интересов психоаналитически ориентированных психологов [70].

В рамках многих техник психотерапии особая роль отводится проблеме доверия при самораскрытии в ходе психотерапии. Ав-

торы, занимающиеся изучением процессуальных компонентов самораскрытия в психотерапии, показали, что самораскрытие (которое иногда еще называют самопроявлением, самодемаскировкой, а также «транспарентизацией» — от английского transparent — «истинный, отчетливый») — очень трудный для пациента процесс, требующий больших усилий, пугающий возможностью травматизации, унижения и осуждения группой. Поэтому обязательным условием самораскрытия должны быть поддержка и внимание со стороны группы [65].

Некоторые авторы также считают, что самораскрытие возможно в нескольких областях, которые, по сути, совпадают с уровнями или глубиной самораскрытия. Выделяют три таких уровня: во-первых, изложение фактической информации о себе, описание собственного анамнеза (так называемый уровень «биографической трибуны»). Во-вторых, это откровенный рассказ о внутренних позициях, отношениях, об эмоциональных фантазиях, снах, планах на будущее. С этим уровнем транспарентизации обычно связывают две основные функции: 1) преодоление страха от самораскрытия и его последствий, порождающих чувство высвобождения; 2) объективация, связанная с самопониманием. Джуард вообще считает самораскрытие перед другим человеком единственным средством для самопонимания [384]. И наконец, третий, самый глубинный уровень самораскрытия связан с обнажением зоны внутренних проблем человека. Сюда относят переживания, связанные с чувством вины, неуверенности, различными страхами, которые переживает человек. Каждый из этих уровней углубляет доверие, с одной стороны, к группе, а с другой — к себе.

Основной вывод, к которому приходят представители изучения доверия в контексте самораскрытия, заключается в том, что пациентами психотерапии становятся люди, не сумевшие раскрыться своему окружению нормальным, оптимальным способом. Психически здоровая личность обладает способностью самораскрытия, умением доверять хотя бы одному близкому человеку. По мнению Джуарда, открываясь другому, человек учится устанавливать контакт со своим реальным «Я» и тем самым приобретает способность управлять собственной судьбой [384]. Чтобы человек начал честно и искренне говорить о себе, ему необходимо освободиться от тревожности, которой сопровождается транспарентизация. Человек должен разрешить себе это, а для этого необходимо определенное доверие к себе.

Примерно к такому же выводу в настоящее время приходят представители современного социального психоанализа [355]. Так, например, Д. Бразерс ставит доверие в центр психоаналитики, считая, что самым существенным для человека является умение

доверять другим и лишь это является гарантией того, что другие будут доверять вам. С точки зрения психоаналитического подхода, это умение является базисом взаимодействия с другими от рождения до смерти. На протяжении жизни человек накапливает опыт доверия к другим, являющийся «клеем» для самодоверия (self-trust), связанного с надеждой или ожиданием таких результатов, которые являются опорой для собственного психологического благополучия. Основы зрелого доверия к себе, считает Д. Бразерс, закладываются в детском опыте. Человек постоянно возвращается к нему (феномен «возвращения назад»), опираясь на прошлый опыт при взаимодействии с другими, а негативный прошлый опыт приводит к разочарованию в самодоверии.

Представители традиционного бихевиоризма, как известно, рассматривали поведение как результат взаимодействия поощрения и наказания за социально-одобряемое или социально-неодобряемое поведение, а уверенность в себе связывали с характером подкрепления, исходящего из внешней, преимущественно социальной среды (Б.Скиннер). Таким образом, человек лишался собственной инициативы, а его поведение рассматривалось как функция различных, внешних по отношению к человеку обстоятельств. Однако основные положения классического бихевиоризма под влиянием эмпирических исследований постепенно трансформировались, и даже представители этого направления пришли к выводу о существовании феномена доверия к себе как явления, связанного с уверенностью. Поэтому наиболее важное значение имеет достаточно обширный эмпирический и практический опыт изучения феномена уверенности (неуверенности), накопленный в психологии, в особенности в рамках бихевиориального подхода. Этот подход достаточно полно проанализирован в отечественной психологической науке [262, 263].

Уверенность в себе, понимаемая как стабильная черта личности, начала изучаться в 40-е гг. XX в. в рамках бихевиориальной парадигмы. Первоначально неуверенность трактовалась как следствие социального страха, который проявляется в самых различных формах и социальных ситуациях (Дж. Вольпе). Представителем социального бихевиоризма была разработана так называемая теория «выученной беспомощности» (М. Селигман). Формирование неуверенности в себе объяснялось особенностями социальных условий, в которых происходит развитие ребенка.

В этой связи были разработаны специальные методики, направленные на формирование навыков уверенного поведения, например, модельное обучение уверенному поведению А. Бандуры. Тренинг уверенного поведения, иногда называемый тренингом социальной компетентности, получил широкое распространение. Были созданы различные модификации тренингов для опреде-

ленных профессиональных групп, а также для детей различных возрастных групп.

Наряду с разработкой стандартизированных и полустандартизированных программ для формирования навыков уверенного поведения, например программы Ульрихов, довольно широкое распространение получили тесты-опросники, направленные на измерение уровня неуверенности [400, 412, 376].

Постепенно происходило углубление изучения феномена неуверенности. Уверенность стала рассматриваться как стиль поведения, началось изучение когнитивных и эмоциональных компонентов уверенности. Результаты многочисленных исследований привели авторов к выводу о том, что уверенность является предпосылкой и составной частью социальной компетентности, обнаруживающей тесную связь между уверенностью и субъективной ожидаемой оценкой эффективности собственных действий [262, 263].

Изучению стали подвергаться различные компоненты самоотношения. Изучались установки на себя у неуверенных (А. Эллис и др.), процессы самооценки (Л. Альден, Р. Кэпп), процессы атрибуции (В. Дохерти, Р. Рядер), ожидания последствий поведения (Р. Эйзлер, Л. Фредериксен, Д. Фидлер, Л. Бич) и т.д.

На основе этих представлений в 1977 г. А. Бандурой была предложена концепция «веры в самоэффективность» (self-efficacy). В самом общем виде под самоэффективностью А. Бандура понимал позитивную оценку собственной поведенческой компетентности. Особое значение при этом он придавал понятию «ожидание эффективности» [350], под которым понимал оценку умения вести себя таким образом, чтобы получить желаемый результат [с. 193]. В дальнейшем целым рядом авторов было экспериментально подтверждено, что вера в самоэффективность является базой для развития уверенности в себе и социальной компетентности. Были также выявлены личностные корреляты уверенности, к которым относятся *социальная смелость, экстраверсия, личностная тревожность, агрессивность, нарциссизм, самоактуализация, локус контроля* [362].

Бихевиориально ориентированные психологи постепенно начинают перемещать акцент изучения с паттернов поведения на их личностные корреляты, от которых зависит уверенность или неуверенность. Вся довольно обширная литература, направленная на изучение и формирование навыков уверенного поведения, накопленная в рамках как бихевиористской, так и других традиций, позволяет сделать вывод о том, что сформировавшиеся у человека установки очень трудно изменить путем «тренировки» навыков, «натаскиванием» на построение грамотного, компетентного, уверенного поведения без изменения самоотношения человека, т.е.

без изменения смыслового пространства личности, внутри которого формируется самоотношение человека, отчего фактически и зависит уровень уверенности—неуверенности. Сами авторы и пропагандисты различных модификаций тренинга уверенного поведения начинают понимать, что больший эффект дает работа с личностью, нежели с ее поведением.

Таким образом, представители бихевиориального направления начинают осознавать, что существуют внутриличностные корреляты уверенного поведения, которые могут в большей мере влиять на изменение поведения, чем «правильно» сформированные поведенческие навыки. Можно предположить, что обобщенным внутриличностным коррелятом уверенного поведения служит уровень доверия человека к себе.

В целом можно сделать вывод, что уверенность имеет отношение к выделенному нами явлению — доверию к себе. Однако насколько эти понятия совпадают, сходную ли реальность составляет каждое из них — сложная теоретико-эмпирическая задача, требующая специальных дополнительных эмпирических исследований. На основе имеющихся данных можно лишь предположить, что доверие к себе является обобщенным внутриличностным коррелятом уверенного поведения.

В русле изучения неуверенного поведения американскими психологами исследовался феномен застенчивости [103]. Хотя этот феномен еще не получил достаточного освещения в литературе, его существование также связано с изучаемым феноменом. Разработанные комплексы упражнений, которые используются для расширения представлений человека о своих возможностях, способствуют усилению доверия к себе. В последнее время разработке подобных программ и пособий уделяется большое внимание в отечественной психологии (А. М. Прихожан, М. В. Зюзько, В. Рахматшаева и др.).

Родоначальником другого направления психотерапии, имеющего самое непосредственное отношение к изучаемой нами проблеме — гештальттерапии, как известно, является Ф. Перлз, заслуга которого состоит в том, что он распространил основные положения гештальттеории восприятия на изучение личности. На его воззрения оказали влияние также философия экзистенциализма и феноменологии. Свою терапевтическую деятельность Ф. Перлз начинал, будучи последователем З. Фрейда. Известно, что Ф. Перлз отрицательно относился ко всякого рода теоретическим построениям и поэтому не оставил после себя сколько-нибудь разработанной теории личности. Созданный им гештальтметод основывается на нескольких основных теоретических положениях гештальттеории, которые дают представление о его воззрениях на личность как существо, обладающее свободой и

ответственностью за формирование собственного внутреннего мира.

Исследователи творчества Ф. Перлза выделяют пять основных теоретических понятий, основываясь на которых ученый построил свой метод. Это «отношение фигуры и фона, осознание и сосредоточенность на настоящем, противоположности, функции защиты, зрелость и ответственность» [цит. по: 266, с. 140]. Кратко остановимся на содержании выделенных понятий в связи с исследуемой проблемой. Согласно теории, воспринимая окружающий мир как фон, человек выделяет из него лишь то, что соответствует его актуальной потребности в настоящем, все остальное отступает на задний план и является фоном. Важное для человека в настоящий момент становится гештальтом, который завершается при удовлетворении актуальной потребности. При невозможности удовлетворить потребность гештальт остается незавершенным, и это является основной причиной неврозов.

Для умения завершать гештальт самым главным является осознание и сосредоточенность на настоящем. По этому поводу Ф. Перлз писал: «Нет ничего, кроме того, что есть здесь и теперь. Теперь есть настоящее... Прошлого уже нет. Будущее еще не наступило» [цит. по: 266, с. 143]. Основная идея автора заключается в том, что человек склонен интерпретировать, фантазировать и интеллектуализировать то, что он чувствует. В этом источник всех патологических состояний. Человек находится под влиянием своего прошлого или будущего вместо того, чтобы осознавать настоящее и соответствующие ему потребности организма. По мнению Ф. Перлза, человек состоит из противоположных чувств по отношению к одним и тем же объектам. Важно осознать, что эти противоположности не являются непримиримыми противоречиями. Лишь четкое осознание каждой части противоположных переживаний себя и своих желаний дает человеку возможность завершать гештальт.

На опасность индивидуум реагирует, уходя от проблем или не воспринимая угрожающую ситуацию. Эти реакции Ф. Перлз назвал функциями защиты, относя их в разряд невротических механизмов, которые препятствуют достижению индивидуумом психологического здоровья и зрелости. Таких механизмов было выделено четыре: слияние, ретрофлексия, интроекция и проекция. С точки зрения обсуждаемой проблемы, наибольшее значение в терапии Ф. Перлза имеет термин «зрелость», который совпадает с понятием психического здоровья. В соответствии с представлениями идеологов гештальттерапии, зрелость наступает, когда индивид преодолевает свое стремление искать поддержку в окружающем мире и находит источники поддержки в самом себе. Такой человек опирается на собственные ресурсы для пре-

одоления фрустрации и страха, вызванных отсутствием поддержки со стороны окружающих. Если человек не умеет опираться только на себя, то оказывается в тупиковой ситуации. Лишь зрелость позволяет человеку идти на риск, чтобы вырваться из этого тупика.

Другими словами, зрелость есть принятие ответственности за самого себя. Если зрелость не наступает, человек начинает использовать в своем поведении различные ролевые позиции, которые позволяют ему манипулировать другими. Именно здесь возникает проблема доверия к себе и доверия к другим. Анализируя выделенные понятия, Ф. Перлз приходит к выводу, что интеграция этих переменных составляет базис взаимосвязи между уровнем доверия к себе и уровнем доверия к окружающим, у которых человек ищет поддержки. Ф. Перлз также считает, что недостаточно доверяющий себе человек может искать поддержку в прошлом или в фантастическом будущем вместо того, чтобы жить настоящим и опираться только на самого себя.

Обсуждению этой проблемы посвящена известная книга ученицы Ф. Перлза Э. Шостром «Анти-Карнеги, или человек-манипулятор», в предисловии к которой Ф. Перлз написал: «...человек — это манипулятор, т.е. неблагополучная личность, которая стремится управлять собой и окружающими, причем относится к людям как к вещам и не осознает свою фальшивость и нежизненность. Именно поэтому человек нуждается в такой психотерапевтической помощи, которая ему понятна и польза от которой для него очевидна» [332, с. 10].

Именно Э. Шостром, развивая идеи Ф. Перлза, выделила и соединила доверие человека к себе и доверие к окружающим в единую проблему, в которой первое и второе соотносимы между собой. Э.Шостром выделяет несколько причин для манипуляции, но при этом главной считает недоверие человека как к себе, так и к окружающим: «Человек никогда не доверяет себе полностью. Сознательно или подсознательно он всегда верит, что его спасение в других. Однако и другим он полностью не доверяет. Поэтому вступает на скользкий путь манипуляций, чтобы «другие» всегда были у него на привязи, чтобы он мог их контролировать и, при таком условии, доверять им больше. Это похоже на поведение ребенка, который съезжает по скользкой горке, уцепившись за край одежды другого, и в то же время, пытается управлять им...» [332, с. 26].

В противоположность манипулятору автор описывает тип психически здоровой, способной к самоактуализации личности, которую называет актуализатором. Э. Шостром выделяет и описывает основные характеристики манипулятора и актуализатора: первому присущи ложь, неосознанность, контроль и цинизм, а актуализатору — честность, осознанность, свобода и доверие. Кон-

цептуализируя позиции манипулятора и актуализатора, автор показывает, что недоверие к себе: 1) ведет и к недоверию окружающим; 2) недоверие к себе связано с повышенным контролем за своим и чужим поведением и ситуацией в целом; 3) не только ведет к неумению искренне выражать чувства, но и блокирует само их переживание, а потому и осознание; 4) недоверие к себе связано с тем, что в поведении человек ориентирован не на свои потребности и переживания, а на обстоятельства.

Э. Шостром считает, что человек находится в вечном конфликте с самим собой, так как в повседневной жизни вынужден опираться как на себя, так и на внешнюю среду. Однако актуализатор способен, доверяя себе, справиться с противоречиями и сделать их взаимодополняющими, способствующими его саморазвитию, в то время как не доверяющий себе и другим манипулятор живет с антагонистическими противоречиями в душе. Поэтому первая и основная причина манипулирования — недоверие себе и другим.

Итак, согласно представлениям Э. Шостром, развитым доверием к себе обладают актуализаторы, их основные качества — целостность и осознание собственной самооценности, которые позволяют опираться на себя, являются фундаментом доверия к себе: «Манипулятивная религия — это та, которая заставляет человека поверить в собственное несовершенство. Она вселяет в него недоверие к собственной природе, после чего человек начинает испытывать потребность во внешней религиозной системе.

Актуализированная же религия позволяет нам поверить, что Царство Божие внутри нас и что доверие своему естеству (тому, что есть) не что иное, как высшая форма религии... Актуализированная религия нацелена на то, чтобы способствовать росту индивидуальности и направлять ее на гуманные цели» [332, с. 75]. Исходя из этих посылок, Э. Шостром был разработан известный опросник измерения личностных ориентации, предназначенный для выявления возможностей самоактуализации личности. В дальнейшем, опираясь на этот опросник, Л. Я. Гозман составил и адаптировал шкалы, предназначенные для выявления уровня самореализации личности (САТ) [6]. Очевидно, что в конечном итоге уровень доверия к себе связан с возможностями самореализации личности. Однако данное положение требует дополнительной экспериментальной проверки.

Итак, анализ основных положений гештальттерапии позволяет констатировать, что ее представители выделили феномен *доверия к себе* и сделали попытку его описания, концептуализации и операционализации. Более того, доверие к себе было концептуально связано с умением доверять другим и показана их взаимосвязь.

Доверие к себе как одна из наиболее важных координат личности выделено представителями экзистенциально-гуманистического направления в психологии, начиная с ее основателей А. Маслоу и К. Роджерса. Анализ известных работ К. Роджерса позволяет говорить, что в предлагаемой им теории личности выделяется феномен доверия личности к себе, и с ним нужно работать, чтобы обрести «хорошую жизнь». В центре теории личности К. Роджерса лежат два понятия: организм и структура «Я» [307]. Доверие к себе К. Роджерс понимает как доверие к своему жизненному опыту: если внутреннее чувство или интуиция говорят человеку о ценности чего-либо, то в это надо верить. Этот тип доверия он называет «целостным организмическим чувствованием ситуации» [261, с. 64], на которое нужно полагаться больше, чем на ее логическое осмысление.

Однако под целым организмическим чувствованием ситуации К. Роджерс подразумевал не только биологические, чувственные сигналы, а нечто значительно более сложное. Он писал: «Если мы можем добавить к сенсорному и висцеральному опыту, характерному для всего живого царства, дар свободного неискаженного осознания, которое во всей полноте свойственно лишь человеку, то у нас получится прекрасный, конструктивный, соответствующий реальности организм. В этом случае у нас будет организм, который осознает как требования культуры, так и свои собственные физиологические потребности в пище или сексе, который осознает как свое желание иметь дружеские отношения, так и желание возвеличивать себя, который осознает как свою чувствительную нежность по отношению к другим, так и враждебность к ним» [261, с. 150-151].

Приведенный отрывок свидетельствует о том, что создатель личностно-центрированной терапии видел цельность человека в умении обобщать, интегрировать опыт, куда органично входят как физиологические потребности человека, так и требования культуры. К. Роджерс в недавно переведенной и изданной на русском языке работе много раз возвращается к проблеме доверия человека к своему организму, считая, что это есть «средство достижения наилучшего поведения в каждой ситуации в настоящем» [261, с. 240]. К. Роджерс не считает, что человек иррационален, напротив, организм рационален, даже проводит аналогию между человеком и машиной, которая вбирает в опыт все имеющиеся многочисленные данные и в результате выдает наиболее «экономичный вектор» поведения для удовлетворения возникшей потребности.

Задача человека — уметь быть открытым этому опыту. Доверие человека к собственной природе должно быть основополагающим фактором свободно и созидательно функционирующего человека: «Если мы способны освободить индивида от защитных реакций,

открыть его восприятие как для широкого круга своих собственных нужд, так и для требований окружения и общества, можно верить, что его последующие действия будут положительными, созидательными, продвигающими его вперед» [261, с. 245]. Движение человека к открытости своему опыту, к доверию себе и означает, что он все более становится самим собой.

В другой работе К. Роджерс писал о том, что в психотерапевтической практике встречаются случаи, когда «... потенциальная возможность осознания своего функционирования не находит удачного осуществления, это приводит к тому, что он (человек. — Т. С.) действительно отстраняется от того, что чувствует его организм. Такая ситуация может привести к саморазрушению, характерному для неврозов, или к неспособности справляться с жизнью, характерной для психозов, или к преобладанию ощущений разобщенности и несчастья, свойственным для ситуации плохой адаптации...» [260, с. 75]. Состояние противоречия, враждебности между организмическими влечениями и опытом «Я» К. Роджерс называет инконгруэнтностью, или рассогласованием, образно определяя его как состояние «войны с самим собой». По мнению К. Роджерса, в организмическом бессознательном самой природой заложена актуализирующаяся тенденция. Поэтому здоровая, хорошо функционирующая личность находится «в тесных доверительных отношениях с сознательными и бессознательными процессами, происходящими в ее организме.... такая личность доверяет направленности своих внутренних организмических процессов, которые сознательно участвуют в выборе поведения человека, используя путь согласования, а не соперничества, и тем самым способствуют более целостному, интегрированному и адаптированному взаимодействию человека с окружающей действительностью» [260, с. 78-79].

По его мнению, формирование противоречия между сознанием и бессознательным, опытом «Я» и опытом чувств, обдуманных ценностей и ценностей пережитых закладывается еще в детском опыте так называемой условной любви родителей и значимых других, когда ребенок получает их любовь лишь при условии усвоения определенных паттернов поведения и ценностей. Постепенно это приводит к игнорированию собственных переживаний, противоречащих этим конструкциям, в результате чего ребенок становится рассогласованным. Выход, который предлагает К. Роджерс, заключается в изменении типов научения, принятых в культуре.

Итак, К. Роджерс выделял доверие человека к себе как важное условие конструктивного, самоактуализирующегося поведения человека. При этом доверие к себе понималось им как условие сохранения целостности личности, заключающееся в успешной

интеграции организмических влечений и потребностей с опытом «Я», который, помимо бессознательных влечений, также включает в себя усвоенные требования, предъявляемые культурой. По его мнению, только интеграция двух тенденций организма, двух противоположно направленных мотивационных систем приводит к успешной самореализации.

Итак, как показывает анализ, представители практически всех традиционных направлений современной зарубежной психологии постепенно пришли к необходимости выделить явление доверия к себе в качестве основного условия успешной самоактуализации личности. При этом имели место многочисленные попытки как концептуализации, так и операционализации данного феномена в рамках различных школ. В целом, несмотря на различия в подходах и концептуальных положениях, феноменология доверия к себе сводилась к успешности самоактуализации и функционирования личности в социуме, а поиск сущностной стороны феномена — к многочисленным попыткам выявления путей, посредством которых личность пытается разрешать противоречия, возникающие как во внутриличностном пространстве, так и между собственными осознаваемыми возможностями и требованиями, которые предъявляет к человеку среда. По мнению многих авторов, доверие к себе обеспечивает целостность личности.

Доверие к себе выделяли в качестве важного качества личности исследователи, работавшие в рамках других психотерапевтических и психокоррекционных техник. Так, например, одним из распространенных видов групповой психокоррекционной работы являются так называемые группы встреч. Группы встреч были определены У. Щутцем в 1971 г.: «Встреча есть способ установления отношений между людьми, основанный на открытости и честности, осознании самого себя и своего физического «Я», ответственности, внимании к чувствам, ориентации на принцип «здесь и теперь» [цит. по: 266, с. 100]. К. Рудестам считает, что группы встреч выросли из гештальттерапии и психодрамы.

Одним из основных понятий, которыми оперируют представители этого направления, является «самораскрытие». Идеологи, разрабатывающие теоретическое обоснование этой техники, опираются на исследование родоначальника теории самораскрытия С. Джурарда, показавшего, что раскрытие своего «Я» есть признак сильной и здоровой личности. Не стремятся к раскрытию своего «Я» лишь те, кто переоценивает значимость ролевого поведения, результатом чего становится отчуждение личности от самой себя, что, в свою очередь, постепенно приводит к потере самоидентичности [цит. по: 266]. И несмотря на имеющийся приятный образ «Я» и успешное удовлетворение своих биологических потребностей, потерявшая идентичность личность перестает осознавать

свои более глубинные потребности. Раскрывать себя, по мнению идеологов групп встреч, значит уметь выражать себя спонтанно, не прибегая к психологической защите.

Вторым признаком групп встреч является осознание самого себя. Согласно представлениям У. Шутца, проговаривая личностно значимые чувства и переживания, человек начинает лучше понимать себя, собственные слабые и сильные стороны. Одним из значимых паттернов осознания себя является осознание своего физического «Я». Следующий признак — это ответственность. Группа поощряет своих участников в реализации собственных резервов и способностей. Однако за свое поведение, как в группе, так и вне ее, участники группы должны нести ответственность. Еще одно важное направление работы групп встреч — внимание к чувствам, повышающее ценность эмоционального потенциала личности.

И последним выделенным признаком групп встреч является принцип «здесь и теперь», который предполагает немедленное осуществление выбора без учета прошлого опыта, в отличие от психотерапевтических групп К. Роджерса. Все выделенные признаки групп встреч должны способствовать расширению границ доверия к себе, стремясь лучше осознать себя, свои переживания и потребности, выявить дополнительные резервы для более смелого, рискованного, но ответственного поведения.

К. Рудестам, описывая теоретические позиции этого метода, показывает, что к группе встреч как к методу психокоррекционной работы существует различное отношение — от восторженного до скептического. Обусловлено это тем, что навыки, получаемые в таких группах, можно использовать не только в гуманных, но и в манипулятивных целях. Однако главное в работе таких групп — помочь человеку стать аутентичным, более открытым миру, расширить границы доверия к себе. Основная масса противников данного метода коррекционной работы возражает именно против чрезмерного расширения границ доверия к себе, поскольку безмерное, бесконечное доверие к себе часто способствует принятию ценностей, вступающих в противоречие с принятыми в обществе этическими принципами. Таким образом, для метода групп встреч доверие личности к себе также является важнейшим свойством личности.

Одним из новейших направлений в зарубежных психотерапевтических практиках стала так называемая психология жизни, или онтопсихология [185]. Ее создателем является итальянский психолог А. Менегетти.

Основные положения онтопсихологии А. Менегетти, касающиеся человека, состоят в следующем: человек рождается со своей внутренней структурой, или собственной сущностью, которая называется Ин-се (чистая энергия, или разум, который проявляет-

ся только в своих следствиях). Внутри этого ядра находятся структуры, детерминирующие поведение всего энергетического образования: «постоянная Н» и Ин-се. В распоряжении разума находится область прорывов, то, что называется человеческим потенциалом. Под человеческим потенциалом понимается безграничность способов развития как в позитивном направлении, так и в негативном.

В зоне человеческого потенциала зарождаются структуры психических комплексов, сформировавшихся в детстве и неизменных на протяжении всей жизни человека. Они обуславливают все сознательное поведение, но человек об этом ничего не знает. И на этой фазе рождается структура «Я». Энергия структуры «Я» и подструктуры комплексов принадлежит одной и той же индивидуальности, однако комплексы не контролируются «Я». И цель психологии состоит в том, чтобы «Я» заняло все пространство и по мере своего роста забирало энергию у комплексов. Только в этом случае психическая энергия идет на благо человека. Таким образом, «Я» имеет историческое существование, а Ин-се — онтологическое. Но человек может максимально реализоваться и стать полным «Я» только при раскрытии Ин-се. Лишь в этом случае осуществится предназначение человека. Согласно представлениям А. Менегетти, «Я — это структура, которая служит тому, чтобы связывать внешнюю реальность с полной внутренней организмической реальностью...» [185, с. 29].

С комплексами невозможно бороться, но их надо понять и приспособить для развития. Ин-се человека постоянно посылает сигналы сознательно-логическому «Я», однако человек воспринимает только часть их или в искаженном виде. Лишь Ин-се знает наши подлинные природные стремления. Однако личность социоцентрирована, т.е. направлена исключительно вовне, в то время как в себе человек, как правило, крайне дезориентирован, ибо строит свою жизненную стратегию с учетом лишь адаптации к социальной системе. В результате человек идет наперекор своей собственной природе и разрушает собственное «Я». По этой причине у человека возникает состояние, которое онтопсихологи называли «экзистенциальная шизофрения». Она возникает как результат капитуляции человека перед требованиями, которые выдвигает социум в ущерб требованиям Ин-се. С точки зрения онтопсихологов, человек не может самостоятельно отличать, что является его истинным «Я», а что в этом «Я» — лишь результат чуждых влияний, и поэтому человек никогда не обретает подлинной аутентичности. Помочь в этом ему может лишь психотерапия (онтотерапия).

Согласно представлениям онтопсихологов продуктивность, понимаемая как творчество, креативность, есть аутентичное про-

явление бытия Ин-се. Продуктивность противопоставляется репродуктивности как инконгруэнтное проявление Ин-се. Однако в продуктивности необходимо соблюдение меры, так как продуктивность — это не только творчество, но и соразмерность (красота), проявляемая как в интра-, так и в интерперсональных сферах. При этом в интраперсональной сфере она должна сочетаться с нравственным категорическим императивом, а в интерперсональной выступать как само проявление субъекта в континууме «доверие — недоверие», понимаемое как открытость — закрытость.

Представители онтопсихологии считают, что продуктивность обладает позитивной жесткостью, которая предполагает абсолютную внутреннюю свободу человека и по своей природе адаптивна неизменному Ин-се. Феномен, противоположный продуктивности, — это репродуктивность, связанная с нарушением меры как внутреннего закона Ин-се. Она проявляется в неопределенности и многозначности организации интра- и интерперсональных сфер субъекта, причем в первой сфере выступает как утрата себя из-за чрезмерно навязываемой моральности, а во второй — как нарушение меры открытости (идентифицированность) или закрытости (жертвенность). Нарушение меры по отношению к самому себе связано с мазохизмом, а по отношению к другим — с садизмом.

Таким образом, главную оппозицию онтопсихологи видят в продуктивности или репродуктивности человека. Продуктивности свойственна самодостаточность и самоактуализация. Продуктивная личность способна эмпатически взаимодействовать с другой личностью, не вторгаясь в нее, сохраняя чужую автономию. Репродуктивная психика зависима, не самодостаточна и проективна, она ориентирована на активное или пассивное использование психики другого. Исходя из этих положений онтопсихологи строят свои терапевтические подходы. Базовая терапевтическая стратегия заключается в том, что и терапевт, и пациент должны доверять мудрости организма пациента и не подменять ее интеллектуальными умозаключениями. Основной смысл онтотерапии — свободное самоисследование внутреннего мира клиента.

Данная теория интересна тем, что речь в ней фактически идет о доверии человека к самому себе. Мы не будем останавливаться на методологических позициях самой теории. Здесь важно лишь то, что обращается внимание на умение человека доверять самому себе, правда, доверие самому себе определяется довольно расплывчатым понятием — «мудрость организма». Онтопсихологи видят в умении доверять «мудрости организма» источник как саморазвития, так и самодостаточности, аутентичности личности, ее подлинной автономности. Они разработали основные представления об онтопсихологии семьи, заключающиеся в том, что излишняя сосредоточенность родителей на ребенке тормозит раз-

витие его Ин-се и потому они должны вовремя это понять, позволяя ребенку проявлять собственную инициативу. Только так человек может стать свободным и автономным в процессе собственного развития.

Примерно такие же представления онтопсихологи развивают и относительно онтопедагогики. Они говорят об эффективном педагоге, которым может быть только человек, свободно сочетающий свое Ин-се и сознательное «Я». Воспитание, жестко ориентированное на внешние воздействия и требования, заводит личность в тупик, ибо ребенок должен быть открыт своему внутреннему опыту. С точки зрения онтопедагогики, достаточное условие для позитивных самоизменений ребенка — это безусловная любовь воспитателя. Видимо, на создателя онтопсихологии оказали влияние идеи гуманистически ориентированной концепции К. Роджерса. На самом деле, А. Менегетти выделил параметр доверия к себе как фактор, способствующий открытости самому себе и формированию целостности личности.

В 1979 г. Дж. Ленардом была предложена так называемая практика свободного дыхания, основанная на поисках человеком истинной сущности себя, «вслушивании» в свои переживания и безусловном доверии к ним. Психотехника свободного дыхания мыслилась как процесс, направленный на ощущение себя в своем теле. Одним из важнейших элементов этой техники является «активное доверие», суть которого заключается в том, чтобы делать то, что человек делает, ибо достаточно одного желания. Как пишет Н. Коляну, анализируя этот метод психотехники, в основе активного доверия заложена простая истина: «доверять процессу, своим ощущениям, даже если ты их не приветствуешь в обыденной жизни. Поверить, что в каждом процессе происходит именно то, что необходимо в данный момент данному человеку, и поэтому не бывает неудачных, плохих, пустых и т.п. процессов. Раз процесс пошел так, значит именно так в данный момент необходимо для «Я» данного человека» [134, с. 5]. Идеологи этого направления считают, что такой процесс позволяет сформировать подлинное доверие к себе, которое является необходимым условием для творческой самореализации личности.

Автор выделяет признаки активного доверия, которые необходимы для обретения доверия к себе, их можно сгруппировать следующим образом: во-первых, доверие к себе базируется на личной ответственности за все произошедшее в собственной жизни, ибо ответственность всегда связана с выбором. Он пишет: «Кроме нас самих, никто, ни за что в нас не отвечает» [134, с. 7]. Во-вторых, необходима открытость к переменам, что предполагает желание меняться самому. Этому мешают три существующих в человеке страха: падения, неуспеха и полета (изменения). Для преодоления стра-

ха необходимо доверять ситуациям, так как важна не сама ситуация, а наше отношение к ней. Осознание страха помогает избавиться от него. Таким образом, доверие к себе автор связывает с преодолением различных страхов в определенных ситуациях, что в целом подтверждает положение о связи доверия к себе с доверием к миру, а также с чувством безопасности. В-третьих, доверие предполагает 100% свободы и 100% ответственности.

Ждать поддержки следует только от себя. Люди не доверяют себе, потому что они себя не любят, плохо, низко себя оценивают, а ведь другие относятся к нам так же, как мы относимся к себе. Доверие к себе, по мнению последователей метода психокоррекции, связано с самооценкой. Доверять себе значит не бояться что-либо сделать. Доверять себе означает понимать, что в каждом есть всё, но каждый уникален. Доверие предполагает позитивное отношение ко всему, что происходит с человеком, т.е. предполагает полное самопринятие. Хотя концепция активного дыхания не обрела строгих очертаний, тем не менее важно, что явление доверия к себе четко обозначено и перечислены его составляющие. И, главное, показано его основное функциональное предназначение — доверие к себе есть важное условие саморазвития личности.

Итак, анализ некоторых конкретных психотерапевтических и психокоррекционных практик показал, что многие исследователи, занимающиеся разработкой психокоррекции личности (как индивидуальной, так и групповой) с самых различных позиций, выделяют явление доверия личности к себе, основанное на чувстве аутентичности, связанное с расширением возможностей личности, повышением ее творческой активности, раскрытием ее творческого потенциала и в конечном итоге направленное на более успешное ее саморазвитие и самореализацию. Многие авторы показали, что умение доверять себе органически связано с умением «открываться» другому.

Таким образом, можно говорить об онтологическом статусе феномена доверия к себе, который эмпирически был множество раз выявлен в русле различных психотерапевтических и психокоррекционных практик. Кроме того, неоднократно предпринимались попытки его теоретического обоснования и описания. В то же время в отечественной психологической науке никто не делал попыток его концептуализировать и операционализировать путем теоретического и эмпирического осмысления.

Кроме доверия к себе, в рамках различных направлений психокоррекционной работы выдвигалась и проблема социального доверия как важнейшая практическая проблема, не только влияющая на психическое самочувствие человека, но и выступающая жизненной необходимостью в таких сферах, «как государственное управление, политика и международные отношения» [248,

с. 95]. Особая роль при этом отводится проблеме социального недоверия (Т. Говир), которое, как правило, искажает восприятие действительности и не позволяет преодолеть отчуждение партнеров по взаимодействию. Поведение тех, кому не доверяют, воспринимается как враждебное и опасное. Социальное недоверие имеет негативные последствия для личности, выражающиеся в виде страха, беспокойства, лицемерия и т.п., и у некоторых людей могут принимать хроническую форму паранойи и становиться образом мыслей и образом жизни.

Итак, в психокоррекционных и психотерапевтических практиках доверие является одной из ключевых проблем. При этом разрабатываемые практики направлены как бы в две стороны — на коррекцию доверия к себе (в различных формах и видах) и на коррекцию доверия к другим — в самых различных областях жизни: от коррекции доверия в диаде до коррекции доверия в больших группах.

В целом проведенный анализ изучения доверия в контексте различных наук и направлений показал, что до последнего времени доверию не только было отведено второстепенное место, но и его психологический смысл был упрощен и сведен к некоторому одномерному представлению о нем. Анализ работ как отечественных, так и зарубежных авторов показал, что в различных направлениях гуманитарного знания и самой психологической науке речь, как правило, шла о трех самостоятельных областях, где доверие чаще всего называлось в качестве условия существования какого-либо другого явления: это доверие к миру, доверие к другому человеку или к людям вообще и доверие к себе. Кроме такого подхода к изучению доверия, существует традиционное рассмотрение его как составляющей других видов отношений и как самостоятельного вида общения. Реже ему придается статус самостоятельного отношения (как, например, при изучении внушения), но и в этом случае оно не наделяется специфическими психологическими характеристиками.

Анализ психологических исследований (преимущественно зарубежных) показал, что доверие трактуется некоторыми авторами (Д. Бразерс, Т. Говир, Дж. Роттер, Э. Эриксон, Т. Ямагиши и др.) как установка или система установок (аттитюдов) по отношению к социальному миру и к самому себе. Такой подход необходим, но не является достаточным, так как не позволяет «схватить» смысловые оттенки многочисленных феноменологических проявлений доверия.

В отечественной психологии доверие как самостоятельный социально-психологический феномен не представлено. В зарубежной психологии оно довольно часто выступало в качестве особого предмета анализа, однако чаще всего изучались его различные

ситуационные и динамические особенности в связи с другими феноменами межличностного взаимодействия и общения, а собственно психологические характеристики доверия оставались за рамками анализа. При этом различные аспекты, фрагменты доверия как в отечественной, так и в зарубежной психологии изучались обособленно: *доверие к другому* было включено в социально-психологический анализ; *доверие к себе* выступало предметом психотерапевтических и психокоррекционных практик и процедур; *доверие к миру* рассматривалось как базовая установка личности. Но как целостное социально-психологическое явление доверие ни разу не стало предметом самостоятельного исследования.

Вместе с тем анализ многочисленных исследований показывает, что доверие является более фундаментальным явлением, чем кажется на первый взгляд, что его психологическая сущность позволяет полнее осмыслить способы связи человека с миром, закономерности освоения того культурного пространства, внутри которого человек может обрести свою родовую человеческую сущность и в то же время остаться истинным самостоятельным «субъектом жизни» (С.Л.Рубинштейн), а не субъектом «отчужденной активности» (Э. Фромм).

Несмотря на разнообразие имеющихся теорий, практик и подходов, остается неясным вопрос о том, что же такое доверие, какова его психологическая сущность, какие функции оно выполняет? На феноменологическом уровне рассмотрения очевидно, что стратегия полного и безоголдного доверия не может быть эффективной, так же как и стратегия полного недоверия (основа различных как внутриличностных, так и межличностных конфликтов и патологических состояний, извращающих адекватное отражение действительности). Поэтому в каждодневной жизни человека присутствует определенное соотношение доверия/недоверия. Зыбкость этого соотношения, поиск его оптимума может как порождать разнообразные проблемы и конфликты, так и являться стержневым элементом психологического благополучия человека.

Итак, определение онтологического статуса доверия как самостоятельного социально-психологического феномена ставит задачу выбора системы понятий и категорий, посредством которых могли бы быть вычленены содержание, виды, источники формирования, характеристики проявления и функции изучаемого явления. Но данную задачу трудно решить, не выходя за пределы социальной психологии, именно потому, что при описании доверия она использует его как явление, не имеющее собственных психологических характеристик. В этой связи пришлось обратиться к работам, накопленным в области различных направлений философской антропологии, где доверие представлено как этическая категория морали и как самостоятельная форма веры.

Г Л А В А   2

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

§ 1. ДОВЕРИЕ КАК ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ МОРАЛИ

В системе антропологических наук доверие обычно относят к этическим категориям морали. Этико-философский анализ категории доверия направлен на исследование взаимоотношений не только между конкретными людьми, но и между личностью и обществом, личностью и государством, личностью и коллективом, а также между нациями и государствами. Доверие относится к числу этических категорий морали, но сама сущность данного явления имеет глубоко психологическую природу и служит основой как отношений между людьми, так и взаимодействия человека с миром в целом, во всем многообразии его чувственной и сверхчувственной реальности, в том числе с природой, предметами материальной и нематериальной культуры, с социумом в целом, и даже с самим собой. В этой связи возникает необходимость осмыслить доверие как целостное психологическое явление.

Поскольку доверие традиционно изучалось в других антропологических науках, построение его психологической концептуальной модели требует анализа данного явления как представленного в смежных науках, и прежде всего в философской этике и социологии. Как уже отмечалось, в качестве научного термина доверие входит в систему этических категорий и понятий. В философской этике оно рассматривается как этическая категория морали, отражающая нравственные отношения между людьми. Исследователи в то же время отмечают, что категория доверия по существу не представлена в наиболее крупных философско-этических системах Аристотеля, Спинозы, Канта и Гегеля, которые в своих работах касались этого явления, однако специально его не рассматривали [268].

В существующих весьма немногочисленных этических разработках, посвященных категории доверия, прежде всего подчеркивается социальная сущность его происхождения. Считается, что доверие возникает из практики конкретных отношений между людьми в результате длительного развития нравственного сознания, а затем как самостоятельное понятие проникает в философию, где становится объектом теоретического анализа. В понятии «доверие» с этической точки зрения традиционно отражаются те нравственные нормы, которые связаны с добровольными взаимными обязательствами как в общественной, так и личной жизни людей. Под доверительными понимают отношения, основанные на нравственном кредите, на добровольных взаимных обязательствах. Эти обязательства, в конечном счете, связаны с требованиями, выработанными в течение длительного времени развития человечества и предъявляемыми обществом к личности.

Однако почти все авторы, разрабатывающие данную категорию, отмечают, что доверие представляет собой качественно особое состояние нравственного сознания, включающего в себя нравственные чувства и убеждения, которые и являются мотивами или стимулами поведения личности. В этой связи доверие выступает в качестве регулятора нравственных отношений, и в этом философы усматривают его основную функцию. Таким образом, доверие входит в сферу субъективного отношения человека к внешним связям с другими людьми и осуществляет функцию регуляции этих отношений.

В отечественной философской этике также имеются весьма немногочисленные исследования, посвященные изучению проблемы доверия как этической категории морали. Основное их содержание сводится к попыткам выделить сущностные характеристики данного явления. Так, с точки зрения одного из основных исследователей доверия в отечественной этике Б. А. Рутковского, доверие рассматривается как «нравственное понятие, выражающее такое отношение одной личности к другой, которое исходит из убежденности в ее добропорядочности, верности, ответственности, честности и правдивости» [268, с. 14]. В анализируемой работе автор предпринимает попытку определить объективные и субъективные условия формирования доверия, показать его специфику и место среди других этических категорий, уточнить социальные функции доверия. Рассматривая происхождение доверия, автор указывает, что на практике оно возникает из реальных отношений как продукт длительного развития нравственного сознания людей и имеет свои специфические особенности в каждой конкретной культуре. Основываясь на этих положениях, Б. А. Рутковский показывает зависимость доверия, с одной стороны, от реальных практических отношений между людьми в конкретных группах,

в обществе, а с другой — от уровня развития нравственного сознания и самосознания личности. Он отмечает, что доверие есть качественно особое состояние нравственного сознания, выражающееся «во внутренней убежденности одного человека в искренности намерений другого» [268, с. 12]. Являясь особым состоянием нравственного сознания, доверие включает в себя нравственные чувства и убеждения. Именно поэтому доверие выступает нравственным регулятором отношений между людьми.

Таким образом, автор выделяет специфический объект, который отражает понятие «доверие». По его мнению, этим объектом фиксируется особая сторона нравственных отношений. Специфика этих отношений заключается в том, что они основываются на нравственном кредите, добровольных взаимных обязательствах, возникающих как результат требований общества к личности и в силу этого служащих основанием для выделения социальной сущности доверия. Но понятие «доверие» не только подразумевает связи между людьми, но и сферу внутреннего, т.е. субъективного отношения личности к этим связям. Б. А. Рутковский пишет, что «без внутренней убежденности одного человека в искренности намерений другого, без уверенности в том, что его поведение будет отвечать нравственным нормам, принятым в обществе, не могут существовать отношения, основанные на доверии» [268, с. 12]. По сути, доверие понимается как предвидение, прогнозирование возможного поведения человека, основанное на знании этого человека. Чем глубже и полнее знание о другом, тем точнее можно прогнозировать его поведение. Б. А. Рутковский настаивает на том, что доверие всегда осознанно, хотя и связано с риском, поскольку основано на отношении к человеку, которому оказано доверие, как к нравственной ценности.

Таким образом, авторы, изучающие доверие как этическую категорию, относят его к рациональным проявлениям человеческой психики. С точки зрения философской этики, противоположностью доверия является недоверие, понимаемое как состояние, в котором искренность и честность человека подвергаются сомнению.

Другой автор, разрабатывающий данную категорию, Я. Янчев определяет доверие, акцентируя внимание на ином аспекте данной категории. Он также понимает доверие как нравственное отношение, но при этом пишет, что доверие «является сообщением (передачей) интимных мыслей и чувств или совершением действий на основе предположения о том, что поведение объекта доверяющего не идет в разрез с моральной нормой добра и с конкретными интересами доверяющего» [345, с. 208]. Я. Янчев считает, что доверие и недоверие являются неразрывными тенденциями в развитии человеческой морали, которые находятся

в диалектической взаимосвязи в силу социально-экономических и гносеологических причин. Основываясь на этой взаимосвязи, автор выделяет *доверие этическое* и *неэтическое*, а также этическое и неэтическое недоверие. Подход, позволяющий автору выделить, по сути, две формы доверия и две формы недоверия, стал возможен благодаря тому, что центральное место в понимании доверия автор отводит нравственной норме добра. Я. Янчев считает, что понятие «добро» по содержанию шире, чем понятие «доверие» и поэтому их можно соотносить, а поскольку объективная природа нравственного отношения доверия противоречива, то введение в понимание сущности исследуемого явления такого более широкого понятия, как «добро», придает пониманию доверия известную гибкость.

В целом с точки зрения этики доверие определяется как нравственные, ненасильственные отношения между людьми, детерминируемые особым состоянием нравственного сознания, основанном на их знании друг друга, и проявляющиеся в передаче конфиденциальной информации.

Итак, анализ содержания данной категории в философской этике позволяет выделить четыре самые сущностные стороны доверия: во-первых, доверие рассматривается как нравственные отношения между людьми, основанные на убежденности в добропорядочности, верности, ответственности, честности и правдивости друг друга; во-вторых, в доверии выделяется и рассматривается момент знания друг друга; в-третьих, отмечается, что акт доверия — это добровольное, ненасильственное проявление; и, наконец, в-четвертых, доверие реализуется как передача интимных мыслей и чувств. Практически все авторы указывают на социальную сущность исследуемого феномена, особенности проявления которого детерминируются культурными нормами (В. Вичев, Б. Ф. Поршнев, Б. А. Рутковский, Я. Янчев и др.). При этом выделяется также основная функция доверия — регуляция межличностных отношений.

Итак, в понимании доверия представителями философской этики, сводимом, по существу, к актам взаимодействия людей, причем преимущественно с точки зрения самораскрытия, чрезвычайно сужено пространство существования рассматриваемого явления. Более того, такое понимание не вполне отражает его психологическую сущность. Естественно, что предметом этического анализа является определенный аспект, связанный с взаимоотношениями людей, причем отражающий лишь формальную сторону этих взаимоотношений. Видимо, традиционное отнесение доверия к этическим категориям морали и послужило причиной того, что доверие и в психологии стали рассматривать лишь в связи с общением людей, причем только с доверительным общени-

ем, благодаря чему онтологические рамки феномена были чрезвычайно сужены.

Как показывает анализ, доверием в определенной мере пронизаны все сферы социального взаимодействия человека с другими людьми, все многообразие человеческого бытия, а также его отношения с самим собой. Таким образом, доверие вплетено в целостное взаимодействие Человека и Мира, оставаясь при этом важнейшей проблемой этики.

§ 2. ДОВЕРИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В социологическом и частично социально-психологическом плане проблема доверия в отечественной науке также изучена явно недостаточно, она так и не стала предметом специального социологического анализа. Исключение, как уже было показано, составляет лишь изучение роли доверия в процессе внушения. И для этого есть объективные причины.

Наиболее фундаментальный подход к проблеме доверия в социологическом и социально-психологическом плане был предложен Б. Ф. Поршневым, который исследовал психику человека в исторической ретроспективе. Это позволяет понять не только сущность, но и функции феномена.

Основная мысль автора сводится к утверждению, что любая информация между людьми проходит через специфический фильтр доверия и недоверия. Суггестия и контрсуггестия употребляются как тождественные понятия. Б. Ф. Поршнев считает, что доверие и недоверие выполняют специфическую функцию «шлюза» в общении людей. Он пишет: «Содержательную нагрузку несет здесь преимущественно негативное понятие недоверия: информацию следует считать принятой, если она не задержана фильтром... Получив инструкцию, указание действовать, мы первым делом, вольно или невольно сверяем свою реакцию с выяснением того лица, кто нас побуждает, и, если источник речи вызывает настороженность, мы отклоняем идущее от него побуждение или, по крайней мере, подвергаем это побуждение проверке, тем более критичной, чем сильнее настороженность» [246, с. 9].

По мнению Б. Ф. Поршнева, суггестия является исходным психологическим отношением между людьми. И в этом смысле недоверие «есть первый феномен из серии охранительных, психических антидействий», оно выступает как психическая защита личности от неограниченного действия суггестии, «...в более общем виде недоверие... может быть сведено к опасению, что нечто внушается кем-либо чуждым, чужим, и поэтому его влияние сле-

дует проверить, сопоставить с другим, иначе говоря, исток недоверия — встреча двух суггестий и тем самым возможность отклонить одну из них» [246, с. 13].

Таким образом, автор показывает, что доверие и недоверие существуют в диалектическом единстве, и если доверие выполняет функцию команды, то недоверие выступает охранительным механизмом психики. Б. Ф. Поршнев первым указал на фундаментальную функцию доверия, заключающуюся в том, что доверие есть исходное психологическое отношение между людьми. По его мнению, суггестия в чистом виде тождественна полному доверию к внушаемому содержанию. Далее, анализируя названные понятия с социально-психологической точки зрения, он называет еще одну функцию доверия — связи между людьми. Полное «... доверие тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному "мы", т. е. к чистой и полной социально-психологической общности, не осложненной пересечением с другими общностями, а конструируемой лишь оппозицией по отношению к "они"» [246, с. 14].

Согласно концепции, предложенной Б. Ф. Поршневым, суггестия и контрсуггестия существуют в человеческом сознании одновременно, при этом контрсуггестия выполняет защитную функцию от полной суггестии и в результате происходит дифференциация окружающих людей на авторитетных и неавторитетных. Следовательно, доверие, согласно Б. Ф. Поршневу, — признак, разделяющий людей на авторитетных и неавторитетных. Он считает, что в ходе развития, на основе своего исторического опыта человечество пришло к отказу в полном доверии большинству окружающих людей, за вычетом кого-либо одного, и «...это лицо переносится в потусторонний мир — превращается в божество» [246, с. 22]. Так автор связывает доверие с явлениями теологии, обусловленными дефицитом доверия в эмпирической жизни людей.

Несмотря на это у людей все же сформировались некоторые формы торможения контрсуггестии. Иначе говоря, люди выработали условия, формы воздействия, с помощью которых можно было противостоять недоверию, или контрсуггестии. Таким образом, появился некоторый набор средств, способных усиливать чувство принадлежности человека к социально-психологической общности, выражающейся в понятии «мы». Этими средствами автор считает принуждение, убеждение, насилие, веру и доказательство. При этом принуждение может быть как физическим, посредством насилия, так и психическим, с помощью авторитета. Все зависит от того, на какой основе строятся отношения людей в конкретной общности. Следует обратить внимание на то, что в данном контексте автор разделяет явления доверия и веры как

несовпадающие реалии. Вера у него выступает одним из средств, способов усиления доверия.

В. Вичев [58], развивая идеи Б. Ф. Поршнева, рассматривает доверие и недоверие как отличительные особенности социально-психологического взаимодействия людей в процессе общения. У него доверие — одна из форм нравственных потребностей людей. При этом доверие развивалось в неразрывной связи со своей противоположностью — недоверием. В. Вичев считает, что в результате продолжительного взаимодействия и на основе единых интересов и стремлений возникает социально-психологическая общность, которая «... характеризуется устойчивой духовной связью между общающимися, взаимопониманием, сплоченностью и доверием» [58, с. 54]. С его точки зрения, общность, с одной стороны, является предпосылкой и условием эффективного общения, а с другой — его результатом.

Итак, как Б. Ф. Поршнев, так и В. Вичев указывают на факт наличия в сознании людей разделения окружающих на «мы» и «они». При этом все приятное, все интеллектуальные и эстетические наслаждения связаны с мыслимым «мы» и, наоборот, неприятное, вызывающее неудовольствие — с «они». Б. Ф. Поршнев пишет о том, что социально-психологическая оппозиция «мы» и «они» проникает глубоко индивидуальной психики человека и превращается в ее сущность. По В. Вичеву, основным механизмом возникновения и существования общности «мы» является идентификация, основанная на взаимном понимании людьми друг друга: «...чтобы поступки и речь другого человека правильно понять, необходимо проникнуть "в его душу", уловить его настроения и планы, ход мыслей. А это предполагает идентификацию партнеров, осуществление своего рода взаимного перевоплощения» [58, с. 243].

Таким образом, для возникновения между людьми общности, чувства принадлежности к «мы» необходима определенная мера доверия, основанная на взаимопонимании и представлении о другом человеке, которая формируется в процессе взаимодействия с ним. Следовательно, по мнению данных авторов, доверие является основным исходным условием возникновения и существования общности. При этом доверие есть нравственная потребность в устойчивой духовной связи между людьми. В основе возникновения общности лежит позитивное принятие, взаимопонимание и знание доверяющими людьми друг друга.

В исследованиях философского и социологического плана доверие изучалось как важнейший фактор авторитета личности [114, 120, 135, 275, 292]. В работах, посвященных этой проблеме, выделяется два типа влияния одной личности на другую — *насильственное* и *ненасильственное*. Под ненасильственным влиянием

понимается «подчиняющее воздействие на поведение общественных групп (человека) в соответствии с коренными интересами объекта влияния и его волей» [135, с. 9]. При этом все авторы, занимающиеся разработкой философских аспектов проблемы авторитетности, отмечают, что основное условие ненасильственного влияния — это доверие субъекта к носителю авторитета. Поэтому доверие выступает основным индикатором подлинного авторитета.

В философско-социологических исследованиях имели место разработки, в которых отношение авторитета рассматривалось как разновидность ценностного отношения. Так, В. К. Калинин [114], выдвигая гипотезу о ценностной природе авторитета, пишет, что субъектов авторитета надо рассматривать с точки зрения того, носителями каких ценностей они являются, ибо важнейшим моментом оказывается не сама по себе объективная ценность чего-либо или кого-либо, а ее субъективная значимость для других людей. Личность как объект авторитета значима, ценна в силу того, что она способна удовлетворять потребности других людей, помочь им в тех ситуациях, когда у них не хватает собственных ресурсов, например, в ситуации неопределенности выбора, повышенной ответственности, сложности принятия самостоятельного решения. Исследователь выделяет критерии, в соответствии с которыми социальные ценности можно признать специфическими для явления авторитета, которые он называет «свойства-ценности». В.К. Калинин считает, что особую роль в качестве оснований авторитета выполняют нравственные свойства личности, так как позитивная оценка этих свойств является механизмом запуска доверия одного человека другому. И эта позитивная оценка обеспечивает возможность эффективной коммуникации с авторитетным человеком. По его мнению, лишь после этапа оценивания возникает следующая фаза коммуникативного процесса, заключающаяся в умозаключениях относительно того, можно ли обратиться к данному человеку и как повлияет обращение к нему на дальнейшие отношения. Автор считает, что во многих работах, посвященных изучению авторитета, в связи со значимостью второй фазы коммуникативного акта мало внимания уделялось изучению первой — фазы возникновения отношения доверия на основе позитивного оценивания нравственных качеств носителя авторитета. В этой связи, по мнению автора, нравственная сторона, на которой базируется отношение доверия, осталась малоизученной.

Анализ философских и социологических исследований, посвященных изучению авторитетности, показывает, что доверие в них рассматривалось как основное условие существования самого феномена авторитетности. Таким образом, автор пытается осмыс-

лить сущность данного явления с точки зрения ценностных отношений. Одной из основных заслуг В. К. Калининцева можно считать то, что еще в 1971 г. в основу ценностного базиса отношений авторитетности им были положены не объективные, а субъективные ценности.

Итак, теоретический анализ отечественных исследований в областях, смежных с психологией, в которых затрагивалась проблема доверия, показал, что она рассматривалась в качестве самостоятельной лишь в этике, где доверие традиционно относится к этическим категориям морали. В трудах по этике, посвященных разработке категории «доверие», оно рассматривалось как форма специфического отношения и взаимодействия между людьми. Были выделены основные критерии и функции доверия в этом взаимодействии. Практически все авторы, занимавшиеся изучением доверия как этической категории морали, указывают на социально-психологическую сущность данного явления.

В исследованиях философского, социологического и отчасти социально-психологического плана проблема доверия как самостоятельная фактически не ставилась. Однако в ряде работ доверие трактуется как «элементарное психологическое отношение между людьми» и рассматривается как первый и важнейший компонент возникновения и существования социально-психологической общности «мы» (Б. Ф. Поршнев). Наиболее важный вывод, который позволяет сделать анализ подобных исследований, заключается в том, что доверию придается смысл системообразующего фактора общности «мы». Таким образом, доверие выполняет, кроме функции, регулирующей отношения, еще и функцию связи между людьми, что позволяет рассматривать его в качестве фонового условия существования некоторых феноменов межличностного взаимодействия.

В целом проведенный анализ работ, посвященных изучению доверия в философской этике и социологии, позволяет сказать: несмотря на то, что доверию в философской этике придается категориальный статус, авторы по-разному трактуют сущность исследуемого явления, затрагивая лишь аспект, связанный с взаимоотношениями людей. Именно поэтому за рамками анализа оказались другие важные феноменологические характеристики исследуемого явления и осталась невыясненной сущность данного явления, которое имеет психологическую природу и распространяется на целостное взаимодействие человека с миром.

Г Л А В А 3

ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВЕРЫ
И ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ДОВЕРИЯ§ 1. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ
«ВЕРА» И «ДОВЕРИЕ»

Поскольку анализ изучения доверия как этической категории морали не позволяет сделать вывод обо всех его феноменологических характеристиках, а также сужает феноменологическое пространство данного явления, появилась необходимость осмыслить реальность, стоящую за психологическим понятием «доверие» и философской категорией «вера».

Категория веры в данном случае является базовым понятием, без анализа которого изучение доверия как относительно самостоятельного психологического феномена остается формально-логическим, теряет свою сущность и практически остается бессодержательным.

В русском языке существует несомненная этимологическая связь между словами «вера» и «доверие», однако разведение этих понятий представляет известную теоретическую трудность, поскольку феномен веры традиционно долгое время рассматривали в качестве категории, свойственной лишь религиозному мировоззрению, часто отождествляя понятия веры и доверия к Богу как «создателю и устроителю жизни». В то же время «доверие» как относительно самостоятельную научную категорию относили к этическим категориям морали, проявляющимся лишь в сфере общения людей, а потому рассматривали ее в рамках философской этики. При этом сколько-нибудь фундаментального анализа категории доверия не представлено ни в одной из классических философско-этических систем.

Определения понятий «вера» и «доверие», приводимые в толковых и даже философских словарях, как будет показано ниже, не позволяют четко разграничить смысл этих понятий (они час-

то используются как синонимы). Однако без постановки и рассмотрения вопроса о том, какая же реальность в них отражается, невозможно понять сущность доверия как психологического феномена. Поэтому, не обращаясь к работам, посвященным анализу содержания данных понятий в языковой культуре, в философии и философской этике, невозможно не только отдифференцировать ту реальность, которая стоит за словами «вера» и «доверие», но и осмыслить сущность доверия как феномена, имеющего психологическую и социально-психологическую природу.

Толковые словари русского языка [217, 297] не позволяют четко разграничить область употребления слов «вера» и «доверие». Отметим, что эти слова имеют общий корень лишь в русском языке, в то время как в английском они являются разнокоренными. При этом «вера» обозначается словами «belief» и «faith», а «доверие» — чаще как «trust».

В современном Оксфордском словаре 1995 г. [397] даются следующие толкования названных слов.

Belief — «вера».

1. Вера во что-то или в кого-то — чувство, что что-то или кто-то является реальным или действительным; доверие или уверенность в чем-либо, ком-либо.
2. Вещь, которая принимается как действительная или реальная. То, во что кто-то верит.
3. Религия или что-либо, проповедуемое как часть религии.

Faith — «вера».

1. Вера во что-то или в кого-то. Доверие, абсолютная уверенность.
2. Глубокая религиозная вера.
3. Религия.

Trust — «доверие».

1. Доверие к кому-то или к чему-то. Это вера или желание верить в возможность положиться на добродетельность, силу, способности и т.д. кого-либо, чего-либо.
2. Ответственность, забота.
3. Соглашение, в соответствии с которым группа людей или организация распоряжается деньгами или собственностью, принадлежащими кому-либо, и использует их для его блага.
4. Определенное количество денег или собственность, которое контролируется и используется определенным путем.
5. Группа людей или организация, которая распоряжается деньгами или собственностью, данной им другими людьми, и исполь-

зует их для общественного блага, поддержания культуры или сохранения старых зданий.

6. Ассоциация компаний, сформированных для контроля цен и уменьшения конкуренции [с. 1281].

Как видно из приведенных здесь толкований, в английском языке также нет четкого разграничения между понятиями «вера» и «доверие». В целом, в англоязычной литературе считается, что слово *faith* означает более сложное эмоциональное состояние и употребляется в случае, если речь идет о меньшей степени достоверности, поскольку в разговорной речи и в научной литературе его чаще употребляют в связи с религиозной верой. Для обозначения доверия в широком смысле слова, в том числе, например, в области коммерции, существует специальный термин *trust*. Однако слово *belief* часто употребляется для обозначения не только веры, но и доверия. Таким образом, *belief* и *trust* можно рассматривать как слова, близкие по смыслу. Для уточнения этого положения мы обратились к самому известному англоязычному толковому словарю Уэбстера 1914 г. [414], в котором даются примерно те же толкования названных слов: *belief* — вера, верование, убеждение, мнение; *faith* — вера, доверие, верность, лояльность, вероисповедание; *trust* — доверие, ответственность, вера, долг, надежда, опека, трест. При этом, как удалось узнать из содержания последнего словаря, слова *belief* и *faith* англоязычного происхождения, а слово *trust* скандинавского.

Таким образом, исходя из приводимых в различных словарях толкований слов «вера» и «доверие», оказалось невозможным провести их четкое смысловое разделение. Видимо, это происходит потому, что в словарях в основном даются толкования слов, употребляемых в разговорной речи.

Содержание статей в отечественных философских энциклопедических словарях также не позволяет разграничить смысловые оттенки понятий «вера» и «доверие», причем, статей, посвященных анализу категории «доверие», в них вообще нет, но анализ их содержания позволяет проследить развитие категории «вера» в отечественной философии.

Анализ развития представлений о сущности веры в отечественной науке в советское время показывает, что первоначально категории «вера» придавался лишь религиозный смысл, а если вера и распространялась на нерелигиозные сферы жизни, то это имело чаще всего идеологическую направленность. Однако постепенно происходило расширение семантического смысла данной категории.

Так, в Философском энциклопедическом словаре 1968 г. в статье, посвященной категории веры, говорится, что вера — это «слепая убежденность в существовании сверхъестественного мира (бо-

гов, духов, демонов и так далее), характерная особенность всякой религии» [301, с. 240—241]. Авторы статьи жестко противопоставляют веру и научное знание, ибо, по их мнению, «область веры начинается именно там, где кончается область знания». Лишь в конце статьи есть несколько слов о вере в нерелигиозном смысле: «Вера в правоту своего дела является источником высокой моральной стойкости людей... Такая вера основывается не на стремлении к какому-то потустороннему началу, а на осознании массами своих сил. Поэтому она в корне противоположна религиозной вере». Далее в статье идет речь о важности веры в сфере непосредственного общения людей, а «доверие к людям является основой таких высоких моральных чувств, как дружба, любовь и т.д.». Из приведенной цитаты видно, во-первых, что вере как важному явлению жизни придается прежде всего религиозный смысл, и, во-вторых, в статье не разделяются понятия «вера» и «доверие», а употребляются как синонимичные.

В Философском энциклопедическом словаре 1983 г. [302] уже приводится другая трактовка: — вера «... в некоторых религиозных системах — центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка...», т.е. рассматривается в тех же пределах, что и явление теологии. Данная точка зрения в настоящее время не разделяется исследователями, ибо она чрезмерно сужает феноменологическое пространство разнообразных проявлений духовной жизни человека, которые описываются обыденным языком с помощью понятия «вера».

Иногда авторы, придерживающиеся описанного взгляда, заменяют этот термин другими, близкими по значению, например, «убеждение», «уверенность» и т.п. Однако в настоящее время большинство исследователей феномен веры связывают с различными аспектами духовной жизни человека. Так, в Философском энциклопедическом словаре, вышедшем в 1989 г. [303], даются уже два определения веры: во-первых, она понимается как «вера в некоторых религиозных системах, как центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка», и, во-вторых, дается определение веры в гносеологии и методологии науки как «принятие какого-либо знания без непосредственного эмпирического и рационального обоснований» [303, с. 86].

Лишь в последние годы стали появляться исследования, посвященные анализу категории веры, в содержании которых наметился значительный сдвиг в сторону сущностного понимания рассматриваемой категории. В вышедшем в 1996 г. философском словаре [54] авторы, обобщив накопленный опыт изучения веры в богословии и светской науке, предлагают более гибкую и глубокую трактовку категории веры. По мнению авторов данной статьи, термин «вера» употребляется в нескольких значениях и по-

тому его собирательный смысл недостаточен «для дифференциации двух противоположных путей человека к сверхчувственному — (а) пути к скрытому миру через внешний опыт, знаки и понятия, и (б) пути к полноте бытия через прямое пребывание человеческой души в вездесущем духе, прообразах, познаваемых оригиналах» [с. 63]. Именно поэтому в англоязычной культуре и существует терминологическая бифуркация в употреблении двух терминов «фейтх» (faith)-веры и «билиф» (belief)-веры, которые авторы предлагают ввести в русскоязычный философский оборот как родовые понятия.

При этом под «фейтх»-верой предлагается понимать «духовную способность человеческой души непосредственно знать сокровенные слои бытия ("истины"), мистически пребывать в средоточии познаваемого предмета и интуитивно постигать сущности». Авторы отмечают, что духовная «фейтх»-вера всегда слита с оригиналом, ее предмет — ноуменальный мир. Эта вера устраняет противоречие души и духа, субъекта и объекта, порождает неутилитарное отношение человека к безусловным духовным ценностям, оборачивается высшими внутренними чувствами любви и красоты» [с. 64]. Выделяется три аспекта «фейтх»-веры: положенность души в духе, интуитивная представленность сущностей и внерассудочная оценка созерцаемого совестью.

Совершенно другой смысл придается «билиф»-вере. По мнению авторов, такая вера сопряжена с косвенным отношением субъекта к объекту и с противопоставлением человеческого «Я» внешнему миру. «Билиф»-вера всегда начинается с субъективной чувственной достоверности, т. е. с доверия к данным собственных ощущений и восприятия. Это первичная форма «билиф»-веры. Второе значение связано с образами сверхчувственной реальности и потому включено в структуру рационального познания (эталоны, идеалы культуры, авторитетные мнения и т.д.). Эта форма веры есть доверие, которое носит вероятностный характер, так как не знает прямо свой предмет. Без этой формы веры невозможно исполнение желаний, преследование целей и даже применение средств. Авторы определяют «билиф»-веру как веру, «ориентированную на товарный и качественно разнообразный мир, способность души относительно непосредственно (без достаточного основания) признавать истинность чувственных и рациональных образов в формах субъективной достоверности и доверия, уверенности и ожидания» [с. 65].

Проведенный анализ статьи показывает, что доверие можно отнести к одной из форм «билиф»-веры. С психологической точки зрения очень важно, что доверие и вообще «билиф»-вера связаны с отношением субъекта к объекту и предполагают их неотожествляемость.

По мере развития науки изменяются и представления о сущности и содержании категории «вера». Хотя в рассматриваемых статьях и не разделяются понятия «вера» и «доверие», в действительности доверие нередко выступает в роли частного случая веры.

Для выяснения этого предположения необходимо проследить, как происходило развитие представлений о сущности веры в философской и психологической литературе.

§ 2. РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ «ВЕРА» В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Вера издавна была предметом рассмотрения философии в связи с религиозным мировоззрением и поэтому ей приписывалась мистическая, необъяснимая сила. Для примера приведем высказывание русского философа Б. П. Вышеславцева о вере: «История творится верою, а не законом... Вера есть "гипостазирование надежд", она ставит перед нами желаемое и ожидаемое совершенство, не встречающееся ни в каком опыте и потому "невидимое", она всегда есть "стремление к лучшему, т.е. к небесному". Иначе говоря, вера есть аксиологическое отношение к Абсолютному, а не только онтологическое, она есть Эрос абсолютного совершенства» [63, с. 24].

Изучение веры в истории философии имеет длительную традицию. Философская литература, посвященная проблеме рассмотрения веры в религиозном смысле, огромна. Более того, на протяжении долгого времени такая трактовка понятия веры была не только традиционной в философии, но и практически единственной.

Не останавливаясь специально на существующих в истории философии теориях веры, отметим только, что историки философии, как правило, выделяют три вида теорий веры, причем все они являются модусо-центрическими:

1. Эмоциональные, в которых вера рассматривается преимущественно как чувство (Юм, Джемс и др.).
2. Интеллектуальные, трактующие веру как феномен интеллекта (Дж. Ст. Милль, Brentano, Гегель и др.).
3. Волевые, признающие веру атрибутом воли (Декарт, Фихте и др.) [67].

В целом понимание категории веры изменялось вместе с развитием науки. Так, П. А. Флоренский вычленил три существующих в истории философской мысли формулы подлинной веры, которые он впоследствии объединил в концепцию стадий веры, восходящих от «верую, ибо абсурдно» (К. С. Ф. Тертуллиан, 160—220 гг.) к «верую, чтобы понять» (Августин Блаженный, 354—430 гг.) и к

«пониманию, чтобы верить» (Ансельм Кентерберийский, 1033—1109 гг.) [54, 67].

Справедливости ради отметим, что впервые в истории философии отделил веру от религиозной традиции еще И. Кант, который понимал веру как позицию разума, принимающего то, что логически недоказуемо, но необходимо для обоснования морального императива. Веру он считал субъективным оправданием возможности достижения цели, ее реализации в процессе деятельности. Она — писал И. Кант, — «есть постоянное основоположение души — го, что необходимо предполагать как условие для возможности высшей моральной конечной цели и признавать как истинное ввиду обязательности этой цели, хотя возможность ее, но точно так же и невозможность, мы усмотреть не можем» [119, с. 511]. Таким образом, уже И. Кант показал, что вера есть необходимое условие, связывающее деятельность с поставленной целью.

В современной философии «вера» является одной из важнейших категорий, которым придается социально-психологический статус. В то же самое время в психологической науке понятие веры не получило значимого категориального статуса. А вот явление доверия выделено и традиционно присутствует в психологии как специфический относительно самостоятельный социально-психологический феномен, связанный со сферой общения людей. Однако в собственно психологической проблематике феномен веры был исключен из анализа либо в силу стереотипа, связывающего веру лишь с религиозным мировоззрением, либо из-за противопоставления категорий веры и знания, либо в силу того, что сущность веры не улавливалась с помощью принятой до недавнего времени в психологической науке естественно-научной методологии исследования.

Лить в последние годы в сообществе ученых-психологов в этом отношении произошел существенный сдвиг: стало очевидным, что «отказываясь от исследования феномена веры, моральных переживаний, социальная психология тем самым обрекает себя на постепенное увядание из-за возрастающего влияния психотерапии (что уже происходит), эклектизации знаний, растворения, с одной стороны, в когнитивной психологии (что видно на примере теорий атрибуции), с другой — в микросоциологии (что видно на примере символического интеракционизма), прогрессирующего падения интереса общества к науке, практически маломощной при рзшении экзистенциальных, в том числе и глобальных задач» [328, с. 59].

Поскольку собственно психологических исследований, посвященных анализу веры, во всяком случае, понимаемой в нерелигиозном смысле, в психологической науке практически не существует, пришлось обратиться к анализу довольно обширной, весьма

разнообразной и неоднозначной философской литературы, посвященной современным представлениям о сущности веры.

Как уже отмечалось, до недавнего времени в отечественной философской литературе понятие веры наиболее часто рассматривалось в двух смыслах: в узком — как религиозная вера и в широком — как специфический феномен психики человека, включающий в себя различные виды нерелигиозной веры (вера в определенные ценности, в реальность поставленных целей и т.п.). Содержание веры в широко понимаемом смысле может быть различным, представлять собой как иллюзорное, так и реальное отражение действительности.

В настоящее время большинство как отечественных, так и зарубежных авторов придерживаются той точки зрения, что между религиозной верой и другими ее видами нет существенных различий. Вера есть необходимое свойство человека, она всегда целенаправленна, эмоционально окрашена и имеет определенный объект, поэтому рассматривается исследователями как продуктивное состояние сознания, определяющее характер поведения человека. «Очевидно, — пишет один из наиболее авторитетных зарубежных исследователей П. Джонсон, — существует естественная тенденция верить. Каждый человек является верующим. Не все верят в одно и то же, но все верят во что-нибудь» [цит. по: 298, с. 14]. Американские исследователи М.Остоу и Б.Шарфстейн считают, что «верить почти так же необходимо, как есть...» [цит. по: 245, с. 20].

Среди классиков зарубежной психологии особое место в разработке понимания категории веры принадлежит У. Джемсу, который писал: «Вера — уверенность в том, что с теоретической точки зрения еще может возбуждать сомнения; а так как мерилom веры служит готовность к действию, то можно сказать, что вера — это готовность действовать ради цели, удачное достижение которой не гарантировано нам вперед» [83, с. 103].

На сегодняшний день наиболее общепринятым в зарубежной психологии является определение веры, которое еще в 1960 г. дал Г. Оллпорт. Он полагал, что все люди являются верующими, а неверие есть тоже форма веры: «Вера — это утверждение или уверенность, которые мы испытываем в отношении реальности объекта чувства. Любые позитивные чувства неизбежно влекут за собой какую-то степень веры, и эта вера всегда сопровождается действиями, поскольку то, во что мы верим, мы стремимся осуществить» [цит. по: 245, с. 17].

Важными являются рассуждения о сущности и функциях веры Э. Фромма. Он также считает, что вера не является лишь прерогативой теологии и не так уж противоречит рациональному мышлению. Э.Фромм солидарен с мнением о том, что человек не мо-

жет жить без веры: «Разве мы не должны верить нашим друзьям, тем, кого мы любим, и разве не должны верить в самих себя? Можем ли мы жить без веры в действенность норм нашей жизни?» И далее отвечает: «Действительно, без веры человек становится пустым, теряет надежду и боится самого своего существования» [311, с. 154]. Таким образом, Э.Фромм связывает веру с чувством безопасности, надежности самого человеческого существования. С точки зрения Э. Фромма, ответить на все эти вопросы можно, лишь рассматривая веру как базисную установку человека, «как его характерную черту, пронизывающую собой и определяющую весь его опыт, позволяющую ему относиться к реальности без иллюзий и при этом жить по вере». По мнению Э. Фромма, вера — это внутреннее состояние человека. Он пишет, что даже в Ветхом завете термин «вера» (*Emunah*) означает стойкость, т.е. определенное качество человека, а не содержание веры.

В отличие от других авторов Э. Фромм рассматривает рациональную и иррациональную веры. При этом он проводит довольно жесткое различие между ними. *Иррациональная вера* — это убежденность, суть которой в подчиненности кому-либо или чему-либо авторитетному, а рациональная вера предполагает независимость убеждений, основанных на продуктивном собственном наблюдении и размышлении. Таким образом, *рациональная вера* — это вера человека, базирующаяся на его личном опыте и убеждениях, т.е. фактически это вера в самого себя, основанная на самополагании, в отличие от иррациональной веры, которая зиждется на зависимости и подчинении другим. Иными словами, иррациональная вера основана на подчинении силе, которая воспринимается как непреодолимая. Рациональная вера имеет место как в сфере рассудка и разума (т.е. рациональная вера является важной составляющей рационального мышления), так и в сфере человеческих отношений.

Рассуждения Э. Фромма в основном относятся к области веры человека в себя, которая, по его мнению, и составляет ту реальность, которую мы осознаем за словом «Я» и на которой основана наша уверенность в собственной идентификации. Когда у человека подорвана вера в себя, он рискует впасть в зависимость от других людей, чье одобрение становится основой самоидентификации. «Вера в себя является одним из условий человеческого существования», — заканчивает свои рассуждения Э.Фромм [311, с. 159].

Другой аспект понятия веры, рассмотренный Э.Фроммом, заключается в анализе веры человека в возможности других людей, в свои собственные и даже человечества в целом. Таким образом, он чрезвычайно широко рассматривает феномен веры. Одно из

основных достоинств размышлений Э. Фромма по поводу веры заключается в том, что он рассматривает веру человека в себя как рациональный феномен, связанный с одним из основных условий жизнедеятельности. И все же, согласно современным представлениям о сущности веры, у Э. Фромма речь идет скорее о доверии, чем о подлинной вере.

В целом авторы, занимавшиеся анализом зарубежных концепций категории веры, отмечают, что рассуждения психологов и философов о природе веры, как правило, не выходили за рамки общепсихологических наблюдений и потому анализ содержательного аспекта веры оставался за рамками их интересов. В то же время цели исследования концентрируются преимущественно вокруг индивидуально-психологических особенностей субъекта в связи с соотношением эмоциональных, рациональных и волевых компонентов установок веры [245].

Среди русских философов особая роль в осмыслении категории веры принадлежит С. Л. Франку. Он, в частности, писал, что вся практика жизни человека основана на вере, ибо в своей жизни мы руководствуемся убеждениями и мнениями, подлинную истинность которых не в состоянии доказать. С его точки зрения, «такой же характер носят убеждения, на которые мы опираемся во всей практике жизни нашей в области общения с людьми, т.е. в области расчета действий наших ближних. Как возможна была бы жизнь, если бы мы не имели уверенности, что люди, с которыми мы связаны или встречаемся, в своем поведении обеспечивают нам условия мирной жизни (отсутствие обмана, предательства и т.п.). На достоверностях такого рода базируется вся наша жизнь; но все это не может быть "доказано", и в отдельных случаях действительность опровергает наши ожидания и расчеты, что есть свидетельство того, что мы имеем здесь дело не с очевидностью в логическом смысле слова, а только с "моральной" достоверностью, т.е. с чем-то только вероятным, а не безусловно необходимым. В этом смысле вся наша жизнь основана на "вере" — на убеждениях, истинность которых не может быть доказана с неопровержимой убежденностью» [308, с. 222]. Развивая эту мысль, С. Л. Франк говорит о том, что не считает феномен эмпирической веры людей иррациональным, а скорее вероятностным, ибо человек постоянно поставлен в условия, в которых он вынужден выбирать между более вероятным и менее вероятным, что является мыслительной задачей. Опытным путем происходит проверка таких, по его словам, «гипотетических», знаний, он называет такое знание знанием «возможного», в отличие от знания «необходимого» (например, математического). Такую веру он называет верой-достоверностью, ибо она основана на опытном знании.

Таким образом, С. Л. Франк утверждает, что вера является одной из составляющих знания даже в точных, достоверных науках. Однако, выделяя веру-достоверность, он говорит о доверии, а не о вере, ибо только доверие нуждается в опытной проверке. Истинная вера не нуждается в этом. В целом представление С. Л. Франка об истинной вере состоит в том, что у человека есть первичное непосредственное знание. Или «первичный внутренний свет», который он и называет духом. Он отличает его от внешнего «тусклого» света, благодаря которому образы восприятия получают субъективную достоверность. Эта позиция С. Л. Франка, идущая еще от Платона, доказывалась им тем аргументом, что подлинной достоверностью обладает лишь наше знание о незнании.

Как уже было показано, анализ развития представлений о сущности веры в отечественной науке в советское время свидетельствует, что первоначально категории «вера» придавался лишь религиозный смысл, но постепенно происходило изменение представлений как о сущности, так и о содержании веры.

В современных философско-психологических работах показано, что понимание веры как религиозного сознания сужает сущность данного феномена, а потому такой подход не является правомерным. Даже наиболее авторитетный в области психологии религии исследователь К. К. Платонов, который в 1967 г. в известной работе «Психология религии» писал: «Я считаю, что "вера вообще" и "религиозная вера" — это одно и то же чувство. Двух вер нет» [240, с. 94], почти через 20 лет, в 1982 г., меняет свою позицию и утверждает: «Вера — это чувство, создающее иллюзию познания и реальности того, что создано фантазией. Религиозная вера — это только ее частный случай» [239, с. 170].

Сегодня правомерность истолкования понятия веры в широком смысле ни у кого не вызывает сомнений. Но среди ученых есть расхождения по многим вопросам, касающимся оценки места и роли веры в познавательной и практической деятельности, что обусловлено сложностью, многоплановостью данного феномена и трудностями его анализа. Общеизвестно, что феномен веры связан с различными аспектами деятельности и занимает важное место в обыденном сознании человека. Поэтому разные авторы выделяют не только гносеологические, но наряду с ними аксиологические и праксиологические основания веры. С точки зрения большинства современных отечественных исследователей, феномен веры обнаруживается в любой практической и познавательной деятельности и представляет собой акт принятия чего-либо как истинного, ценного, справедливого, целесообразного при отсутствии или невозможности достаточного обоснования.

Отметим, что отечественная традиция советского периода понимания сущности веры базировалась на других гносеологических

позициях, истоки которых находятся в философии Гегеля (согласно которой никакого непосредственного знания сущности быть не может).

В отечественной философской литературе советского периода есть множество определений веры. Приведем некоторые из них. «Верить, — пишет В. И. Носович, — значит признавать что-либо истинным» [212, с. 5]. «Вера — это внутреннее принятие человеком чего-либо как истинного и согласие с ним» [50, с. 10]. Действительно, вера есть внутреннее принятие человеком чего-либо, но не только как истинного. Это также внутреннее принятие чего-либо как правильного, справедливого, нужного, хорошего или плохого, целесообразного, возможного. «Вера есть принятие сведений за истинные без достаточного доказательства их истинности» [15, с. 5]. Итак, как видно из приведенных здесь определений, *вера есть феномен сознания, психологически связанный с актом принятия.*

Понятие веры многозначно, имеет разные смысловые оттенки и порой обозначает совершенно непохожие друг на друга реалии, поскольку верой пронизаны все сферы жизни человека, она является одним из основных условий его жизнедеятельности.

Анализ категории веры самостоятельная и сложная в методологическом и гносеологическом планах задача. Поэтому остановимся лишь на некоторых аспектах феномена веры, которые помогают понять сущность доверия, ибо феномен доверия, несомненно, связан с верой.

В отечественной философии вера была предметом анализа различных исследователей (А.Д.Александров, М.Т.Андрюшенко, Ю. Ф. Борунков, В.Р.Букин, Б. А. Ерунов, В.И.Губенко, Е. А. Евстифеева, А. К. Козырева, П. В. Копнин, В. И. Носович, Л. А. Смирнов, А. А. Старченко, Д. М. Угринович, Г. В. Щербаков и др.). Практически все отечественные исследователи категории веры советского периода придерживались одной традиции. Внимание уделялось в большинстве случаев лишь гносеологическим аспектам веры, изучению соотношения понятий веры и знания. Анализ большинства исследований показывает, что существенные разногласия возникают при рассмотрении отношения понятия веры к понятиям знания, убеждения, сомнения. Некоторые авторы жестко противопоставляют друг другу понятия веры и знания (А.Д.Александров, А.К.Козырева). Другие же, и их большинство, наоборот, считают, что вера, понимаемая в нерелигиозном смысле, составляет обязательный момент процесса познания и потому всегда связана со знанием (П. В. Копнин, В. И. Губенко, Д. М. Угринович, Ю. Ф. Борунков, Г. В. Щербаков, Л. А. Смирнов). Существуют и некоторые другие точки зрения. Например, есть мнение, согласно которому понятие «вера» логически одно-

значно противостоит понятию «неверие», а не понятию «знание» (В. Р. Букин, Б. А. Ерунов, Е. А. Евстифеева). Так, Е. А. Евстифеева пишет: «Неточно считать, что противоположным вере является сомнение. Противоположностью веры является неверие как решительное внутреннее непринятие чего-либо. Сомнение же не исключает в принципе внутреннего принятия, оно как бы находится посередине между принятием и непринятием» [98, с. 74]. В целом Е. А. Евстифеевой показано, что логические неувязки при определении отношений между понятиями веры и знания возникают в силу того, что понятие веры ограничивается лишь его гносеологическим планом без учета связи с аксиологическим и праксиологическим аспектами веры.

Из современных авторов наиболее конструктивный подход развивает М. Т. Андриющенко, считая, что для полноценного изучения такого сложного феномена, как вера, необходим комплексный подход, в который будут включены имеющиеся знания всех наук о человеке, ибо «без него невозможна выработка модели действий, направленных на решение стратегических и тактических задач обучения, воспитания, просвещения, лечения и администрирования» [15, с. 8]. По его мнению, с методологической точки зрения для понимания веры необходим субъект-объектный подход, который позволяет выделить три аспекта веры: познавательный, эмоциональный и преобразующий. Тем не менее, он не нарушает устоявшейся традиции, сконцентрировав внимание на познавательном аспекте веры, и показывает, что результаты исследований познавательного аспекта веры в общем виде сводятся к двум следующим положениям. Во-первых, вера выступает как проблема доверия к показаниям органов чувств, и, во-вторых, как проблема различения достаточно и недостаточно обоснованного знания. В познавательной сфере вера может выступать как средство доказательства (если она связана со ссылкой на авторитет), а в некоторых случаях — как средство обмана или заблуждения.

В целом М. Т. Андриющенко показал, что основаниями веры являются достаточное субъективное и недостаточное объективное основания. Им выделены процессы, из которых складывается вера, они включают: соотнесение суждения с целью субъекта, формирование убеждения в его ценности, соотнесение суждения с базисом осмысления субъекта, формирование констатации правдоподобия суждения, формирование сомнения в установлении истинности суждения. С точки зрения данного автора, формами проявления веры являются уверенность и доверие, причем первая связана с получением субъектом исходного суждения на основе творческой способности его сознания, а второе — с его получением на основе общения.

Таким образом, автор показывает, что доверие связано с верой и является формой ее проявления в сфере общения. Следует отметить, что предлагаемый подход традиционно сужает онтологическое пространство феномена доверия и ограничивает его лишь сферой общения людей, не распространяя на другие стороны жизнедеятельности человека.

Итак, феномен веры в нерелигиозном смысле реально существует в общем процессе развития человеческого познания и практики. Вера не противостоит знанию как его принципиальный антипод. Нерелигиозная вера может опираться на знания, основываться на них, являясь при этом особым личностно-заинтересованным отношением субъекта к выводам из знания, которые несут гипотетический характер, так как относятся к будущему.

В целом анализ работ российских исследователей советского периода, посвященных рассмотрению категории веры, показывает, что в отечественной философии сложилась традиция изучения веры преимущественно с точки зрения ее гносеологического аспекта, в связи со знанием, убеждением, уверенностью и некоторыми другими близкими понятиями. Сложилась парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что практически все авторы, указывая на полифункциональность, интегративность феномена веры, связывая ее со всеми основными структурами субъективной реальности человека (познавательные, ценностные, эмоционально-волевые, преобразующие), указывая на отсутствие интегрального изучения веры, включающего наряду с гносеологическим аксиологический и праксиологический пласты, вычленяют лишь гносеологический аспект веры, оставляя изучение других аспектов за рамками анализа, чаще всего лишь обозначая их как задачу.

Кроме того, до последнего времени не было найдено достаточных оснований для различия веры и доверия как двух родственных реальностей.

§ 3. СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА СУЩНОСТЬ ВЕРЫ И ДОВЕРИЯ

В последние годы наметился значительный сдвиг в сторону сущностного понимания категории веры. Ранее уже отмечалось, что в вышедшем в 1996 г. философском словаре [54] авторы, обобщив Накопленный опыт изучения веры в богословии и светской науке, предложили более гибкую и глубокую трактовку категории веры, введя в русскоязычный философский оборот два термина, обозначающие веру: «фейтх» (faith)-веру и «билиф» (belief)-веру как родовые понятия.

В современных философских исследованиях такая точка зрения постепенно становится все более общепризнанной. Исследователи выделяют две формы веры: «Вера в нерелигиозном смысле означает субъективную уверенность при отсутствии объективных оснований для ее оправдания, т.е. без возможности удостовериться в ее истинности. В этом смысле можно верить, что затеянное дело удастся.

"Вера" может означать и совсем другое: достоверность особого порядка, не доказуемую обычным рациональным путем, но непосредственно усматриваемую в опыте особого духовного порядка. В этом смысле можно верить своему другу, верить, что человек, непосредственно интуитивно воспринимаемый, является честным человеком. Религиозная вера в литературе понимается в этом втором смысле: она есть "вещей невидимых обличье", непосредственное удостоверение в том, что обычным путем, из чувственного опыта или из мысли обычно не подтверждается» [67, с. 141]. Эти значения веры «впрямую связаны с терминологической бифуркацией во многих языках», в частности в греческом и латинском. В латинском языке эти два понятия обозначаются словами «credere» и «fides». Разделяя данные виды веры, авторы дифференцируют и две сферы веры: «собственная сфера веры — это вера-понимание, прямое усмотрение сокрытого через сопричастность системе ценностей. Другая же вера (обычно ее называют косвенной) проявляется как рефлексия по поводу какой-то деятельности или ее результата. Если в первом случае не только она сама, но и то, во что верят, предписывает, как жить, определяет всю жизнедеятельность, то во втором случае вера является одной из рефлексивных оценок» [67, с. 146]. Последние рассуждения служат прямым доказательством того, что вера и доверие — слова, отражающие не просто различные оттенки одного и того же явления, но совершенно различные реалии, стоящие за ними. Вера связана с целостным процессом жизнедеятельности, т.е. с ценностями и смыслами, которыми руководствуется человек в своей жизни, а второй вид веры (доверие или, в терминологии некоторых исследователей, «косвенная вера») связан с рефлексией результата какой-либо активности человека.

Наиболее полное представление о двойственной природе веры, позволяющее осмыслить различия между понятиями «вера» и «доверие», развивает израильский философ М. Бубер, который выделяет так называемую веру «что» и веру «в» [48]. В своем труде он говорит о двойственном характере веры, подчеркивая, что, несмотря на все многообразие содержания, есть только два образа, или типа, веры. При этом обе формы имеют место как в религиозной вере, так и в повседневной жизни: «Одна форма веры выражается в том, что я доверяю кому-либо, пусть даже у меня нет "достаточного основания" доверять этому человеку. Другая форма

веры обнаруживается в том, что я тоже без достаточного основания признаю истинность чего-либо» [48, с. 234].

М. Бубер также указывает, что невозможность обоснования свидетельствует не о недостатке интеллектуальных способностей, а о «существенной особенности моего отношения к человеку, которому я доверяю, или к содержанию, которое я признаю истинным». По мнению М. Бубера, вера не является иррациональным феноменом, так как причина всегда «отыскивается задним числом». Вера, считает он, связана с тем, что бытие в субъективном мире человека стремится к целостности, поэтому вера есть чувство, указывающее, что личное бытие человека готовится стать целостным, потому оно чаще вводит в заблуждение, создает видимость целостности там, где на самом деле ее еще нет.

По мнению М. Бубера, вера основана на двух составляющих: состоянии соприкосновения («моей целостности с тем, к чему я испытываю доверие») и акте принятия («моя личностная целостность принимает то, что я признаю истинным»). При этом он считает, что в одном случае первично существующее соприкосновение, в другом — совершившееся принятие. Доверие имеет начало во времени, хотя сам доверяющий не знает об этом, он обычно отождествляет его с началом соприкосновения. Признающее имеет другую структуру: признаваемую истину человек воспринимает не как нечто новое, возникшее и утверждающее себя именно сейчас, а как нечто вечное, лишь актуализированное сегодня. Поэтому в первом случае решающим актом является состояние, а во втором — сам акт принятия.

Философ выделяет еще одну особенность веры, которая особенно важна с точки зрения поставленной задачи разведения веры и доверия как двух разных реальностей. Он пишет, что состояние человека есть состояние соприкосновения с партнером, т.е. это близость, но предполагающая дистанцию, которая принципиально неустранима. Акт признания истины также предполагает дистанцию между субъектом признания и ее объектом, но именно здесь зарождается отношение, которое может перерасти в теснейшую близость и даже в чувство слияния. Таким образом, только акт признания чего-то истинным может устранить дистанцию между субъектом и объектом веры, т.е. отождествить их.

С психологической точки зрения это очень важная мысль, которая означает фундаментальность акта принятия и отождествления содержания принятого с субъектом веры. Очевидно, таким образом происходит усвоение (т.е. принятие) человеком различных ценностей, вплоть до отождествления себя с их содержанием (тогда известные ценности становятся смыслами или смысловыми образованиями). Осуществляется это, видимо, путем их оценки, что в конечном счете является делом веры человека и потому цен-

ности воспринимаются им как вечные, неизменные, «правильные», истинные, т.е. значимые. Одно дело верить в то, что другой говорит правду, и совсем другое — верить в правдивость и искренность как важные, «правильные», значимые, т.е. ценные качества личности и на этой основе самому быть честным и искренним. Следовательно, именно на основе акта веры, но веры как принятия, происходит обретение ценностей человеком, которые из известного значения переходят в принятое содержание, что в конечном итоге может приводить к отождествлению своей личности с принятым содержанием и превращением этого содержания в содержание собственного сознания.

Итак, в основе веры лежит *акт принятия*, в основе доверия — *специфическое состояние* (или переживание), связанное с отношением, возникающим при взаимодействии (соприкосновении) субъекта и объекта. Следовательно, веру и доверие можно разграничить как две реалии, основанные на различных критериях психологического порядка: в основе веры лежит психологический акт принятия чего-либо за истинное без достаточного на то основания, а в основе доверия — акт состояния (или переживания), связанного со специфическим отношением субъекта к объекту доверия. Поэтому подлинная вера, основанная на акте принятия, не нуждается в опытной проверке (верю и все), в отличие от доверия, т.е. формы веры, связанной с отношением субъекта к объекту веры, лежащим в основании их взаимодействия (или соприкосновения).

М. Бубер, будучи религиозным философом, считает, что эти два типа веры имеют место и в религиозном случае, так как в одном случае человек «находится» в отношении веры, в другом — «обращается к» отношению веры. Автор делает вывод, что между образом или типом веры и ее содержанием существует внутренняя связь. Отсюда следует, что вера — доверие или вера «в» может наполняться лишь таким содержанием, с которым принципиально невозможно отождествление, к которому можно лишь относиться, но невозможно принять, а другая форма веры — вера «что» наполнена содержанием, с которым принципиально устранима дистанция между субъектом и объектом, т.е. содержание веры может стать сущностью (содержанием субъективной реальности) верующей личности. Видимо, в русском языке это отразилось таким образом, что две формы веры обозначаются разными, но близкими по звучанию словами. Есть феномен веры и есть феномен доверия, т.е. до-веры, не в смысле предшествования вере, а как обозначение как бы не истинной веры, основанной лишь на отношении субъекта и объекта. Поэтому доверие иногда предшествует акту веры, но это случается лишь в отношении сверхчувственных объектов, в отношении же чувственно осязаемой реальности возможна лишь одна форма веры — доверие.

Далее М. Бубер анализирует два сущностных состояния человеческого бытия — «верить» и «мочь». Он пишет, что высказывание «я верю, что я могу...» означает внутреннюю уверенность, как и всякое сочетание типа «верить, что...». Вера здесь существует как реальность того отношения, которое по своей природе выходит за пределы мира личности. Поэтому вера и связана с отношением к себе как субъекту активности, что предполагает наличие особого явления — доверия по отношению к себе.

С точки зрения М.Бубера, вера получает не одночленное, а двучленное определение, обе части которого свободно соположены, это: «уверенность в ожидаемом» и «убежденность в вещах невидимых» [48, с. 252]. Он пишет, что без соотнесенности с будущим, без ожидаемого природный человек вообще не может жить. Вторая часть веры связана с «доказательством» или «доказанностью». При этом «предмет первой части определения веры — нечто грядущее, еще-не-сущее, что как таковое пока не ощутимо; предмет второй части определения веры — вообще не воспринимаемое Сущее, незримое, и значит, вечное, в противоположность временному...» [48, с. 253]. Таким образом, в рассуждениях М. Бубера контекстуально заложена мысль о том, что вера выполняет функцию связи времен, обеспечивая непрерывность воспринимаемого времени и соединяя настоящее с будущим. На эту функцию веры указывали и некоторые другие исследователи. Так, Э. Фромм писал: «...вера не предрекает будущего, это видение настоящего, чреватого будущим» [311, с. 229].

Интересны рассуждения М. Бубера относительно выбора между верой и неверием. Он считает, что такого выбора вообще не существует, ибо каждый во что-то верит, без этого невозможно жить: «Разделение совершается между теми, кто осуществляет свою веру в мире, и теми, кто свою веру не осуществляет. Осуществление веры происходит не в одночасье, когда человек принимает решение, которое имеет решающее значение для принимающего это решение, но во всецелой жизни всецелого человека, в актуальной целокупности его отношения, — и не только к Богу, но и к отведенной ему области мира и к себе самому» [311, с. 257].

Из приведенной цитаты становится понятно, что, во-первых, автор связывает веру с отношением к миру и самому себе. Здесь, видимо, речь идет не о вере, а о доверии как форме веры. И, во-вторых, автор подводит к мысли, что воплощение веры в жизни, в деятельности человека — необходимый элемент, существующий во всех сферах жизни, ибо вера связана с будущим человека, в том числе и по отношению к самому себе.

Итак, основываясь на рассуждениях М. Бубера и работах некоторых других авторов [54, 67], можно сделать вывод о наличии водораздела между верой и доверием: доверие связано с актом

соприкосновения, или, другими словами, с взаимодействием, происходящим на основе определенного отношения, а подлинная вера связана с актом принятия, что потенциально может предполагать устранимость дистанции между S и O веры и их отождествление в отличие от доверия, где это принципиально невозможно. Эти рассуждения соотносимы с приводимыми ранее различиями между «faith»-Верой и «belief»-верой в англоязычной культуре. Авторы, предлагающие ввести в понятие веры различия между ее формами, пишут, что понятие «фейтх»-вера не различает S и O, а «билиф»-вера — различает и потому носит вероятностный характер.

Феномен веры наиболее продуктивно изучался представителями современной зарубежной герменевтики: «Вера с точки зрения современной западной философии — это субъективное отражение сложного, противоречивого, рационально непрозрачного отношения современного человека к социальной реальности. Ценность такого понимания веры состоит в том, что веру можно не просто феноменологически описать (что характерно для нашей религиозоведческой литературы), но и объяснить» [67, с. 2]. Хотя представители герменевтического подхода и не различали форм веры, они внесли существенный вклад в понимание сущности веры. Лидеры современной философской герменевтики Поль Рикер и Ханс-Георг Гадамер существенно расширили понимание феномена веры в нерелигиозном смысле. Так, Х.-Г. Гадамер показал значение веры в гносеологии, проанализировав связь веры с проблемами понимания и историзма. Данный автор указывает, что вера входит в структуру любого реального акта познания и самопознания.

П. Рикер, развивая сходные идеи, связанные с так называемым герменевтическим кругом о соотношении понимания и веры, показал, что вера есть ничто иное как экзистенциальное понимание в отличие от понимания объективного, связанного со строгим знанием. По его мнению, проблема состоит в том, чтобы объединить их. Он также показал значение веры для ценностных ориентации личности, ибо ценности человека, по его словам, — ни субъективны, ни объективны, они значимы. Но вот оценка значения ценности — дело веры человека [258]. П. Рикер в работе «Конфликт интерпретаций», рассматривая антирелигиозные концепции Ницше и Фрейда, пришел к выводу, что религия — продукт слабости и зависимости человека, а так как «в основе бытия лежит изначально противоречивая структура: с одной стороны, это стремление к целостности, к самоутверждению, а с другой — отчужденность, невозможность это стремление реализовать, то и понимание и вера служат специфическими моделями для описания структуры "индивидуализации—социализации"» [190, с. 165].

В этой связи вера есть один из способов осознания человеком своей социальности.

В настоящее время все чаще появляются работы, в которых показана роль веры в жизни любого человека, любой эпохи: «...вера в те или иные истины культуры (коей он прирожден) является фундаментальным условием его существования в этой культуре» [цит. по: 173, с. 16].

Опираясь на веру, человек может понять и принять свое бытие в качестве значимого и осмысленного. С точки зрения П. Рикера, «вера есть механизм соотнесения субъективного и объективного, позволяющий преодолеть их абсолютное метафизическое противопоставление, характерное для классического мышления» [цит. по: 173, с. 174].

Итак, анализ современных представлений о сущности веры показывает: вера является феноменом психологическим, так как по своей природе она субъективна и выступает неотъемлемым атрибутом субъективной реальности человека. Верой «пронизаны» все сферы человеческого существования, именно она осуществляет функцию моделирования целостности бытия, без нее невозможно ни творческая активность, ни развитие личности в целом. Авторы выделяют два вида, или формы, веры, которые психологически отличаются между собой. При этом доверие является специфической относительно самостоятельной формой веры, которая, однако, проявляется не только в сфере общения, но и в тех видах верований, где субъект и объект веры принципиально несоединяемы, неотожествимы. Таким образом, если изучать веру с точки зрения субъект-объектных отношений (что предлагает М. Т. Андрищенко), можно найти четкую границу между феноменом веры и феноменом доверия.

Проведенное теоретическое исследование позволяет также представить взаимоотношения субъекта и объекта веры следующим образом. Когда речь идет о доверии, то предполагается установление или наличие определенного ценностного отношения субъекта к объекту веры, чем и обуславливается неустранимость дистанции между ними, и тогда отношения выглядят как субъект-объектные. Когда речь идет о вере (подлинной вере), тогда первоначально отношения выглядят как субъект-объектные (S-0), но они могут перейти в отношения S-0-S'.

Это означает, что, совершив акт принятия, т.е. подлинной веры, высший уровень которой предполагает отождествление субъекта с содержанием того, во что человек верит, некоторые содержательные (ценностные, смысловые) образования субъекта изменяются, т.е. меняется содержание его сознания, которое теперь можно обозначить как S'. При этом содержание веры становится сущностью (т.е. содержанием субъективного мира личности) или

оно до такой степени принимается субъектом, что происходит акт отождествления субъекта с содержанием веровательной установки. Таким образом, можно предположить, что вера (подлинная вера) является важнейшим механизмом социализации личности. Форма веры, существующая в виде доверия, выполняет другие функции, ибо отождествление субъекта и объекта принципиально невозможно при доверительной форме веры, поэтому важнейшая функция доверия — это соотнесение субъективного и объективного, позволяющее человеку целостно воспринимать свое бытие. Доверие может предшествовать акту веры, но лишь в отношении сверхчувственных объектов, в отношении же чувственно определенной реальности, товарного мира возможна лишь вера, существующая в форме доверия, ибо в этом случае субъект и объект веры принципиально неотожждествимы.

Сложившаяся в философии традиция отнесения доверия к ряду этических категорий морали автоматически послужила тому, что доверие стали рассматривать лишь в сфере общения и взаимодействия людей. Существует также доверие к себе, так как человек единственное существо, которое может занять позицию по отношению к самому себе, ведь психика человека диалогична (М. М. Бахтин) и способна к самоотстранению (В. Франкл). Человек может относиться к себе как к другому. Если бы это было не так, не существовало бы проблемы самообмана и связанной с ней проблемы использования многочисленных психологических защит личности. Если бы это было не так, человек был бы лишен способности к самодетерминации. Более того, человек, сталкиваясь в своей жизни с различными проблемами, доверяет не только себе или другим людям, он доверяет, например, свою безопасность, садясь в машину, самолет, он может доверить другому свое имущество или какую-то его часть, он может, наконец, доверять или не доверять жизни или миру в целом. Кроме того, человек, в целом не доверяя другому, может верить, что тот говорит правду, т.е. состояние доверия, вызванное актом соприкосновения (или взаимодействия) с другим здесь не соответствует акту принятия получаемой информации за истинную. Информация принимается как истинная, но автоматически это не вызывает доверия к данной личности.

Итак, проведенный анализ современного состояния изученности категории веры в философии позволяет не только развести понятия веры и доверия, построить теоретическую модель изучаемого феномена, основанную на имеющейся сумме знаний, но и продвинуться в понимании доверия как рефлексивного феномена, влияющего на все сферы жизни человека.

ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ ДОВЕРИЯ К МИРУ И ДОВЕРИЯ К СЕБЕ

§ 1. ДОВЕРИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ, ИМЕЮЩЕЕ ДВУХПОЛЮСНУЮ ПРИРОДУ

В предыдущих разделах было показано, что понять сущность доверия можно только при рассмотрении этого в более широком контексте, а не ограничиваясь рамками сферы общения людей. Более того, психологический смысл и сущность доверия при анализе его с точки зрения нравственной категории, как это принято в этике, до конца не постигаются. Недостаточным является и ограничение социально-психологическим контекстом, внутри которого доверие рассматривается в психологии. Глубинная, собственно психологическая природа доверия, ограничиваемая описанием лишь наиболее ярко проявляемых феноменологических характеристик, постоянно «ускользает», теряясь в других феноменах межличностного взаимодействия, выступая лишь как фоновое условие их существования, и в результате оставаясь не выявленной.

Доверие как самостоятельное социально-психологическое явление в отечественной психологии специальному анализу не подвергалась. Этой проблеме не только было отведено второстепенное место, его психологический смысл был упрощен и сведен к некоторому одномерному представлению о доверии как отношении (включенному в другие виды отношений либо имеющем некую автономию, не наделенную собственными характеристиками). Все это привело к тому, что в отечественной психологии да и в ряде зарубежных исследований доверие не было вычленено в качестве самостоятельного предмета социально-психологического анализа. Однако логика развития психологии, ее методологические основы указывают на то, что неправомерно сводить сущность данного явления лишь к сфере общения людей, так

как доверие включено в целостное взаимодействие человека с миром.

Анализ работ показал, что в различных направлениях психологической науки речь шла о трех самостоятельных областях, где доверие чаще всего называлось в качестве условия существования какого-либо другого явления: это *доверие к миру*, *доверие к другим* и *доверие к себе*. Каждый из этих аспектов изучался обособленно. Доверие к другому изучалось в контексте социально-психологических проблем; доверие к себе выступало предметом психотерапевтических и психокоррекционных процедур; доверие к миру рассматривалось как базовая установка личности, причем психологические механизмы этого явления до настоящего времени не изучались.

Исходя из понимания доверия как специфической формы социально-психологического отношения, предшествующего акту взаимодействия человека как с внешним, так и с внутренним миром, доверие необходимо изучать, придерживаясь S-O парадигмы (в том числе и рассматривая взаимодействие субъекта с другими людьми, так как все S-O взаимодействия человека являются социальными).

Впервые выделил доверие человека к миру как базовую установку личности, связанную со становлением идентичности и формирующуюся на самых ранних этапах онтогенеза, представитель американского социального психоанализа Э. Эриксон [340, 374, 375]. Не останавливаясь на анализе его целостной концепции (она получила достаточно полное освещение в отечественной психологической литературе [17, 215, 293], рассмотрим лишь его взгляды относительно доверия к миру как базовой установки личности.

Э. Эриксон считается наиболее компетентным исследователем проблемы изучения целостного жизненного пути личности. Им создана так называемая эпигенетическая концепция развития личности. Основная идея его концепции сводится к поиску таких путей «включения в конкретно-историческую жизнь общества, которые позволили бы ей разрешать свои внутренние конфликты и противоречия, порожденные столкновением ее с социальным окружением на ранних этапах становления» [17, с. 213]. В результате большой психотерапевтической практики американский исследователь выдвинул в качестве одного из главных условий «психического здоровья» личности твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности с окружающим миром и соответствующими формами поведения. Такой образ себя он назвал «идентичностью», или психосоциальной тождественностью личности. По мнению Э. Эриксона, при резких изменениях отношений личности с окружающей средой наступает так называемый «кризис идентичности», в результате

чего личность вступает в новую фазу развития путем формирования новой личностной идентичности.

Э. Эриксон, будучи представителем психоаналитической ориентации, считает, что переживания детства, связанные с особенностями раннего воспитания, фатально предопределяют поведение взрослой личности. Автор выделяет восемь стадий развития личности, которым соответствует восемь кризисов идентичности, и каждый раз, переживая такой кризис, индивид должен сделать выбор между двумя противоположными отношениями к миру и к себе, чем определяется ход дальнейшего развития личности. Первую стадию, на которой, согласно концепции Э. Эриксона, происходит выбор между доверием и недоверием к миру, он называет корпоративной, или вбирающей. В основе этой стадии лежит обращение младенца с миром. Основное противоречие этой стадии заключается в том, что ребенок должен сделать выбор между доверием и недоверием к миру. Э. Эриксон придавал огромное значение этой стадии психосоциального развития личности и называл ее «краеугольным камнем жизнеспособности личности» [375, с. 96].

Доверие, по Эриксону, формируется из органической связи ребенка с матерью, а первый индикатор возникновения личностного качества доверия — готовность ребенка без особой тревоги переносить исчезновение матери из поля зрения. Таким образом, доверие к миру автор связывает с возможностью самостоятельного, автономного физического пребывания ребенка. Эриксон выделяет причины, от которых зависит возникновение и дальнейшее развитие базового доверия к миру: «...количество доверия, проистекающего из раннего детского опыта, по-видимому, не зависит от абсолютного количества пищи или демонстрации любви, но, скорее, от качества материальной связи с матерью... Родители должны иметь не только определенные способы управления запрещением и разрешением, они еще должны быть способны репрезентировать ребенку глубину определенного внутреннего убеждения, что их назначение (смысл) состоит в том, что они делают. В этом чувстве традиционной системы заботы о детях должен быть фактор, создающий доверие» [375, с. 103—104].

Поскольку Э. Эриксон принадлежал к психоаналитически ориентированным психологам, с его точки зрения, начало доверия имеет различные определения, но физиологическая сущность «...первой целостности заключается в установлении равновесия между потребностью ребенка получать и потребностью матери давать... Мать должна обращаться с ребенком на безошибочном языке внутренней связи, тогда ребенок сможет доверять ей, миру и самому себе... Только таким образом возникает первое Я, называемое чувством базового доверия — это первая и основная целост-

ность, которая, по-видимому, подразумевает, что внутри и извне должен находиться опыт, взаимосвязанный с добротой» [375, с. 82]. По мнению Э. Эриксона, если нет такого личного опыта, то результатом является базовое недоверие к миру, а раннее недоверие сопровождается тотальной злостью, фантазиями разрушения и вандализма.

Он пишет: «Самой фундаментальной предпосылкой психической жизни яставляю чувство базового доверия, которое распространяется на все аттитюды и особенности получаемого опыта на первом году жизни» [375, с. 96]. Для него доверие означает доверчивость по отношению к другим, формирующую фундаментальное чувство собственного доверия к себе. Недостаток базового доверия к миру в раннем детстве может быть выявлен во взрослой психопатологии: «Во взрослости радикальное ухудшение базового доверия и преобладание базового недоверия выражается, в частности, в резком отчуждении, которое характеризует индивидов как "уходящих в себя", когда они не ладят с собой или с другими» [375, с. 97].

Воззрения Э. Эриксона справедливо подвергались критике за то, что, описывая каждую стадию психосоциального развития, он ее как бы прерывал, не прослеживая дальнейшее ее становление на последующих стадиях онтогенеза [17, 293]. Это относится и к пониманию базового доверия к миру как фундаментальной установки личности. Автор не отслеживает, какие стадии проходят дальнейшее развитие базового доверия к миру, зависит ли оно от культуры и традиций, в которых развивается ребенок, могут ли изменившиеся условия жизни разрушающе влиять на данную установку или, наоборот, способствовать компенсации возникшего на ранних стадиях онтогенеза недоверия, как связано доверие к миру с доверием к людям и к самому себе, о которых говорит Э. Эриксон. В своих работах он лишь указывает, что «доверие затем становится способностью для веры — что является жизненной потребностью, для которой человек может находить некоторое удовлетворение...

Старейший и самый последний институт, который служит ритуальным возобновлением чувства доверия в форме веры и обещает вооружить и защитить человека — религия» [375, с. 106]. Сюда он относит все ритуальные формы веры, а также все виды нерелигиозной веры, например, сообщества молодежи, политические сообщества и т.п. Таким образом, Э. Эриксон считает, что если у младенца сформировалась в раннем детстве фундаментальная установка, ориентирующая на базовое доверие к миру, то позднее она трансформируется в потребность в вере, которая находит свое удовлетворение в различных трансформированных содержаниях веры.

В целом изложенные здесь взгляды Э. Эриксона на природу доверия человека к миру позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, доверие к миру формируется или не формируется в зависимости от того, удовлетворяются или не удовлетворяются физиологические потребности ребенка на первом году жизни человеком, который за ним ухаживает. Поэтому изначально базовое чувство доверия к миру связано с удовлетворением физиологических потребностей, точнее, с чувством комфорта от их удовлетворения. Следствием является возникающее на этой основе чувство безопасности, выражающееся, по мнению Э. Эриксона, в способности ребенка не испытывать тревожности, когда ухаживающий за ним человек исчезает из поля зрения. Таким образом, Э.Эриксон с самого начала связывает доверие к миру с формирующейся первоначальной автономностью ребенка. Следовательно, доверие к миру есть база, которая формируется одновременно с другой фундаментальной установкой, направленной на доверие к себе. Другими словами, с одной стороны, доверие направлено на мир, а с другой — на себя. Чувство доверия к миру, возникающее на первом году жизни ребенка, является фундаментальным психологическим образованием, от которого во многом зависит психическое здоровье человека, позволяющее ему жить и испытывать удовольствие от процесса жизни в результате удовлетворения своих потребностей. Тем не менее, описав данный феномен в связи с первичной психосоциальной идентичностью личности, Э. Эриксон нигде специально не исследовал его в содержательном психологическом плане. Впервые возникнув на ранних стадиях онтогенетического развития личности, доверие к миру не может быть устойчивым, т.е. ригидным, образованием личности. Оно продолжает развиваться, видоизменяться, наполняться новым содержанием и иногда даже переходить в свою противоположность в зависимости от меняющихся условий жизни человека, поскольку является чрезвычайно динамичным образованием, нуждающимся в постоянной опытной проверке. Э. Эриксону принадлежит мысль о том, что доверие к миру необходимо рассматривать в его целостности, поскольку оно связано с доверием к себе и другим людям как части мира, а возникновение такой личностной целостности предполагает гармоническое единство этих сторон личностной идентичности.

Для того чтобы понять, содержательно описать и определить место доверия в сложных взаимоотношениях человека с миром, необходимо проанализировать имеющиеся в отечественной психологии исследования, посвященные проблеме взаимодействия человека и мира.

Итак, доверие к миру в разной мере проникает во все сферы бытия, с которыми соприкасается или взаимодействует субъект,

но везде между субъектом и объектом оказывается непреодолимая граница. Хотя мир и человек взаимопроникают друг в друга, они никогда не сливаются, человек никогда не отождествляет себя с миром, он лишь соприкасается, взаимодействует с ним, граница же остается непреодолимой, а потому речь идет именно о доверии, а не о вере.

В соответствии со сказанным, чем более сложен, вариативен, непредсказуем объект, с которым взаимодействует или предполагает взаимодействовать человек, тем сложнее возникает отношение доверия к нему, тем более динамичным образованием будет само это доверие.

Первая задача — найти место доверия в сложном процессе взаимодействия человека с миром, для чего необходимо предварительно проанализировать, как рассматривается проблема соотношения человек и мир в методологическом и теоретическом планах, ибо решение этого вопроса во многом зависит от того, на каких позициях стоит тот или иной исследователь. Поэтому вначале кратко остановимся на основных положениях, имеющих место в различных подходах к решению проблемы соотношения человека с миром, существующих в настоящее время в отечественной психологии. Во-первых, это идеи, высказанные С. Л. Рубинштейном, во-вторых, подход, разрабатываемый Ф. Е. Василюком (1984) и Д. А. Леонтьевым (1989, 1990), в-третьих, идеи, сформулированные Л. Я. Дорфманом (1993), в-четвертых, некоторые методологические положения теории инициативных систем, разработанные Е. В. Ключко (1995).

Вторая задача заключается в том, чтобы очертить пространство, где во взаимодействии человека с миром проявляется доверие, и вычленив составляющие части или относительно независимые фрагменты этого пространства, так как отношения доверия будут проявляться по-разному, в зависимости от того, о какой стороне действительности или бытия идет речь.

Приоритет в постановке онтологического подхода к человеку в отечественной науке принадлежит С. Л. Рубинштейну. Именно он впервые ввел категорию «мир» и положил начало философско-антропологическому его осмыслению: «Мир — это совокупность вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится в силу своей сущности, что может быть для него значимо, на что он направлен» [265, с. 295]. Как видно из приведенной цитаты, во взаимодействии человека с миром как основной был выделен параметр значимости. Очевидно, что значимость объект приобретает еще до взаимодействия, так как это одно из важнейших условий будущего (предполагаемого) взаимодействия. Человек не вступает во взаимодействие с объектами, к которым равнодушен, но в то же время он избегает

взаимодействия с объектами, которых боится, которые могут нанести ему вред.

Монография «Человек и мир» как бы состоит из двух частей, в одной из которых С. Л. Рубинштейн анализирует онтологический аспект бытия, а во второй — характеризует человека как субъекта жизни. Самое существенное в работе С. Л. Рубинштейна состоит в том, что мир и человека автор рассматривает в соотношении друг с другом, впервые высказав мысль о взаимопроникновении человека в мир и мира в человека.

В работах современных отечественных психологов имеет место тенденция расширения онтологии личных жизнезначимых отношений, входящих в структуру категории «мир», так, например, все настойчивее ставится проблема об отношении человека и культуры [108, 173], а также человека и природы (имеются в виду проблемы, связанные с разработкой вопросов экологии).

Все это позволяет не только выделить уже известные классы жизнезначимых отношений, но и расширить границы представлений о существовании целостного феномена доверия как относительно самостоятельного психологического явления, связанного с взаимодействием человека и мира. Чтобы успешно взаимодействовать с разными сторонами мира, человек должен испытывать и доверие к природе (если бы не существовало проблемы нарушения оптимальных границ доверия к природе, возможно, не возникали бы многочисленные экологические проблемы), и доверие к культуре. Имеются в виду как чувственно отражаемые вещные предметы материальной культуры, к которым человек может испытывать или не испытывать доверие, так и различные сверхчувственные символы, мифы и идеалы культуры, существующие в форме различных социальных знаний, как легитимизированных, так и нелегитимизированных, но эмпирически присутствующих в жизни человека (в частности, в сфере нравственности). Но очевиднее всего феномен доверия проявляется во взаимодействии с другими людьми.

Доверие к миру и различным его частям всегда сопряжено с доверием к себе, именно это обстоятельство делает человека субъектом жизни. В каждом из выделенных пространств проявление доверия будет обладать своей спецификой, т.е. своими феноменологическими особенностями. Изучение особенностей феноменологических проявлений доверия человека в каждом из выделенных пространств могло бы стать предметом отдельного Исследования. Для примера можно упомянуть некоторые работы из англоязычной психологии, связанные с изучением особенностей доверия к предметам материальной культуры, в частности, работу Б. М. Мьюэр [396], в которой автор формулирует концепцию доверия между человеком и машиной. В исследовании пока-

зано, что для эффективного сотрудничества человека и машины необходимо как доверие к автоматизированной системе управления, так и самодоверие к своим способностям, и только в комплексе они будут способствовать эффективности управления автоматизированными системами.

Итак, доверие к миру относится к проблеме жизнензначимых отношений человека. В отечественной психологии сложилась традиция, заключающаяся в том, что, выделяя жизнензначимые личные отношения, структурируя их, обычно указывают на три класса этих отношений — отношение к миру, отношение к другим людям и отношение к себе (В. Н. Мясищев, Б. Г. Ананьев и др.). Эти же классы отношений выделял и С. Л. Рубинштейн. Согласно идеям, развиваемым С. Л. Рубинштейном, человек и мир представляют собой единую систему, в которой человек, будучи лишь компонентом системы, в то же время выполняет особую роль — является системообразующим компонентом. М. С. Каган в статье, посвященной столетию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, пишет, что человек занимает особую по отношению к бытию позицию — является «отправной точкой всей "системы координат" в силу своей активности, т.е. способности изменять действительность, сознательно ее преобразовывать» [112, с. 230]. Но преобразование действительности — это уже следующий этап. На первом же этапе происходит осмысление различных объектов действительности с точки зрения их значимости, т.е. ценности для субъекта. И отражает человек не все свойства объекта, о которых он знает, а лишь наиболее значимые, актуальные для него в настоящий момент. На это обстоятельство обращал внимание и А. Н. Леонтьев, который разделял понятие вещи и предмета, о чем упоминает Ф. Е. Василюк, строя концепцию жизненного мира.

Проблему онтологии человека с точки зрения теории деятельности развивал Ф. Е. Василюк. Он использовал понятие жизненного мира, введенное в философский оборот еще Э. Гуссерлем. Под жизненным миром Э. Гуссерль понимал «...некое "нетематизированное" целое, служащее фоном, горизонтом для понимания смысла человеческих действий, целей, интересов, в том числе и любых "частных" (профессиональных) миров, включая и научно-теоретические построения» [цит. по: 66, с. 131]. В этой связи Э. Гуссерль писал: «Жизненный мир неизменно является предданным, неизменно значимым как заранее уже существующий, но он значим не в силу какого-либо намерения, какой бы то ни было универсальной цели. Всякая цель, в том числе и универсальная, уже предполагает его, и в процессе работы он все вновь предполагается как сущий» [цит. по: 66, с. 131]. Главная особенность жизненного мира заключается в том, что он всегда отнесен субъекту, это его «собственный» мир, все элементы которого соотно-

сятся с целеполагающей деятельностью субъекта. Таким образом, жизненный мир человека — это его субъективный мир, это та субъективизированная реальность, которая «задана» человеку извне и частью которой является он сам.

Ф. Е. Василюк одним из первых ввел понятие онтологии жизненного мира в психологию, противопоставляя его классической для психологии онтологии изолированного индивида. Он указывает, что в рамках онтологии «изолированного индивида» деятельность определяется «постулатом сообразности». Но, как известно, в этом случае всякая активность субъекта носит индивидуально-адаптивный характер, и в результате поведение получает свое объяснение либо с когнитивистской, либо бихевиористской позиций. Лишь онтология «жизненного мира» оказывается, по мнению Ф. Е. Василюка, в состоянии противостоять гносеологической схеме «субъект—объект», внутри которой они жестко противопоставляются друг другу [52].

Далее в своих рассуждениях, ссылаясь на А. Н. Леонтьева, ф. Е. Василюк пишет о фундаментальном различии предмета и вещи: «Предмет... это не просто вещь, лежащая вне жизненного круга субъекта, а вещь, уже включенная в бытие, уже ставшая необходимым моментом этого бытия, уже субъективизированная самим жизненным процессом до всякого специального идеального (познавательного, ориентировочного, информационного и т.д.) освоения ее» [52, с. 85—86]. Если далее развивать понятие субъективизированной вещи, то можно сказать, что человек, отражая какую-либо вещь и придавая ей определенный статус, отражает не предмет сам по себе, а предмет вместе с его субъективной значимостью.

Здесь мы позволим себе сослаться на обобщения В. А. Петровского о том, что в образе восприятия психологи выделяют три слоя: «Первый слой — "чувственные впечатления": ощущения, доставляемые органами чувств и образующие то, что иногда называют "чувственной тканью сознания". Второй слой — это "значения", приписываемые воспринимаемому объекту, запечатленные в общественном или индивидуальном опыте идеальные "меры" воспринимаемых вещей, общественно-обусловленные категории сортировки элементов чувственного опыта. Они не отделимы от соответствующих знаков — в человеческом обществе преимущественно языковых (слова). Третий слой — "смыслы", определяющие место воспринимаемого объекта в человеческой деятельности, шире — в его жизни. Восприятие есть такой процесс чувственного отражения действительности, в ходе которого индивид не только приобретает те или иные чувственные Данные, но и категоризует ("означивает"), не только категоризует, но и осмысливает (в частности, оценивает) их. Восприятие Никогда не есть только синтез ощущений, это еще и понимание,

выявление личного отношения к воспринимаемому» [237, с. 68—69]. Таким образом, уже в процессе восприятия объекта формируется или объективируется, актуализируется отношение, точнее личное, субъективное отношение к объекту восприятия, детерминированное, с одной стороны, свойствами объекта, а с другой — личной значимостью этих свойств объекта для субъекта. Итак, жизненный мир человека детерминирован и человеком и миром: «Жизненный мир, — пишет Л. Я. Дорфман, — это не только мир, в котором живет человек, но и человек, который создает свой жизненный мир. При таких исходных установках жизненный мир следует понимать как взаимоотношения и взаимодействия человека и мира, причем детерминированные и человеком и миром» [91, с. 31].

Все это согласуется с идеями о том, что взаимопроникновение мира и человека осуществляется посредством веры. Причем вера и доверие, оставаясь разными формами веры, здесь тесно переплетаются, хотя и не переходят одна в другую. Итак, оценка значимости объекта (его осмысление) носит субъективный характер и основана на вере. Здесь уместно еще раз вспомнить положения представителей философской герменевтики о том, что ценности ни объективны, ни субъективны, они значимы и принимаются человеком на веру. Значимость объекта придается ему самому, в результате чего он из вещи преобразуется в предмет, или субъективизируется. Пока речь идет о вере, но не о доверии, и потому данные предположения носят скорее гипотетический характер. Однако без такого допущения невозможно понять, как, посредством каких механизмов человек и мир способны взаимопроникать друг в друга, и лишь такой подход дает возможность разграничить веру и доверие как две различные формы веры.

Человек живет в мире. Он может «проникать» в него, наделяя объекты, имеющие отношение к нему, различными ценностями и смыслами, изменять, конструировать и реконструировать, но при этом никогда не сливаясь с миром. Придавая объектам окружающего мира значимость, т.е. ценность и смысл, человек как бы «выносит» часть себя, своей сущности, своей субъективности за пределы себя самого в мир и наделяет «собой» его объекты. Поэтому только такой мир, с которым он связан в единую систему, в единую онтологию, может вызывать у него доверие. Эту особенность взаимоотношений человека с миром отмечал еще Н. Бердяев, который писал, что, живя в мире, человек может переживать мир и его ценности двумя способами: трансцендентно (когда объекты мира представляются «трансцендентно далекими и вызывают враждебные чувства, как что-то чужое и насилующее») и имманентно, переживая мир, в котором он живет, и его ценности имманентными себе [31, с. 138].

Для понимания сущности доверия как базового отношения к миру сделаем одно важное дополнение. Среди базовых потребностей человека есть и его собственная безопасность, которая для различных людей имеет разную ценность. Поэтому, когда человек наделяет объекты окружающего мира различной значимостью или ценностью для себя, одной из важнейших ценностей остается его собственная безопасность. Именно поэтому человек, трансцендентно переживающий мир, враждебен миру. Но одного этого чувства мало, ибо человек, уверенный в своей безопасности, в остальном беспристрастен, т.е. равнодушен к объектам окружающей действительности, которые должны быть не только безопасными, но и значимыми в зависимости от каждой конкретной ситуации. Только в этом случае человек, не боясь, вступает с ними во взаимодействие. Лишь в таком мире человек может чувствовать себя укорененным. Однако, как уже отмечалось, в субъективном мире человека всегда остается четко осознаваемая граница между миром и человеком. Иначе можно сказать, что человек всегда отграничивает себя от мира и осознает это отграничение. Соединяет человека и мир в единую систему именно доверие, но не вера, другими словами, доверие оказывается тем способом, тем механизмом, который объединяет человека и мир в единую систему и позволяет им взаимопроникать друг в друга, т.е. быть имманентными друг другу. Таким образом, *важнейшей функцией доверия является функция связи человека с миром в единую систему, в единую онтологию.*

Все вышесказанное дает возможность выделить универсальные условия возникновения отношения доверия к той или иной стороне действительности. В самом обобщенном виде таких условий два. Любой объект окружающего человека мира и мир в целом вызывают отношение доверия только в том случае, если они обладают свойствами безопасности (надежности) и полезности, то есть значимости (имеющими смысл и ценность) для человека. Здесь целесообразно употребить слово «полезность», так как это наиболее общий термин, с помощью которого можно определить значимость объекта как с учетом ценностей, так и потребностей, в нем запечатленных (образующих индивидуальные смыслы для человека) и связанных с возможностью активности человека. Ибо именно человек — активное звено в этой системе.

Исходя из этого, доверию можно дать следующее определение: Доверие есть способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости). В данном случае априорное знание не является априорным в Подлинном смысле слова (как знание, предшествующее опыту),

так как оно может включать предшествующий опыт, а может и не включать.

Именно в силу наделения объектов окружающего мира названными свойствами до акта взаимодействия доверие превращается в фундаментальное условие этого взаимодействия. Поэтому доверие и можно определить как условие или модус взаимодействия человека с миром, предшествующее самому взаимодействию, т.е. активности. Доверие как отношение к миру существует во внутреннем субъективном мире личности, а потому оно есть субъективный феномен личности. Доверие позволяет человеку активно взаимодействовать с новыми людьми и с незнакомыми или малознакомыми объектами окружающей действительности. Благодаря его основному свойству — априорности — этот феномен, с одной стороны, связан с риском, а с другой — требует опытной проверки (чего, кстати, не требует подлинная вера). Поэтому можно сказать, что доверие, первоначально возникая в субъективном, внутреннем мире личности (как переживание или как особого рода отношение), может проявиться лишь посредством активности человека. В момент взаимодействия оно как бы «выносятся» в сам акт взаимодействия, и потому существует и в человеке и между человеком и объектом взаимодействия. Акт взаимодействия служит опытной проверкой первоначально существующего доверия, и в зависимости от получаемого опыта уровень доверия постоянно корректируется человеком.

Эти положения можно проиллюстрировать хорошо известными экспериментами с маленькими детьми. Так, в экспериментах А. В. Запорожца (1964), проводимых по схеме, предложенной американскими исследователями Р. Уокером и Э. Гибсоном (1959), изучавшими реакции младенцев на видимую глубину, было показано, что не все дети отказывались двигаться по той части поверхности, под которой они видели «обрыв», отказывались лишь дети постарше, причем их отказ сопровождался отрицательными аффективными реакциями на глубину, сопровождающимися мимикой страха, криком и слезами. Происходило это потому, что, как позже оказалось, эти дети имели опыт падения с высоты. Маленькие же дети, которых звала мать, стоящая со стороны обрыва, лишь на несколько мгновений затормаживали движение, а затем интенсивно продолжали ползти на зов матери [102]. Эти эксперименты можно проинтерпретировать с точки зрения анализируемого явления следующим образом. Дети, не имеющие отрицательного опыта падения, но получившие базовую установку на доверие к миру, не испытывают страха, чувствуют себя в безопасности и реагируют на значимый раздражитель до тех пор, пока не получают отрицательного опыта. Дети, имевшие отрицательный опыт, начинают избирательно относиться к объектам окружаю-

щего мира, и уровень доверия к определенным свойствам объекта, несущим в себе опасность, у них снижается.

Свойства полезности (значимости) и безопасности, которыми субъект наделяет объект, могут быть в разной мере выражены в объекте вплоть до противоречивых отношений между ними. Если полезность (значимость) объекта для субъекта преобладает над безопасностью, тогда вступление во взаимодействие с объектом становится рискованным. Это можно проиллюстрировать работами В. А. Петровского, в которых он изучает феномен риска [237]. В.А.Петровский, в частности, показал, что в случае так называемого бескорыстного риска риск оказывается не таким уж бескорыстным, ибо выбор рискованного поведения или способа решения задачи детерминируется не просто желанием решить задачу, а другой, более значимой для субъекта задачей. Этот феномен можно объяснить следующим образом. Живя в мире и доверяя ему, человек продолжает оставаться автономным суверенным субъектом активности, для чего он должен доверять не только миру, но и себе самому. Именно благодаря доверию к себе человек может не просто соединиться с миром в единую систему, а видоизменить, конструировать и переконструировать его. Лишь свойство человека доверять себе делает возможным «выход» человека за пределы ситуации, позволяя разомкнуть «постулат сообразности». Поэтому случаи неадаптивной активности можно рассматривать как проявление способности человека доверять самому себе. Однако доверие к себе невозможно без доверия к миру, иначе распадается вся система «человек и мир», которая может существовать лишь как целостная система.

§ 2. МЕРА ДОВЕРИЯ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В данном разделе речь пойдет о том, как человек, будучи включенным в мир, составляющий с ним единую онтологическую систему, строит свое поведение в зависимости от того, какую меру доверия он испытывает к той или иной части мира.

Наиболее полное представление о возможном взаимодействии человека и мира в единой системе, т.е. о возможности существования антиномии доверия к миру и одновременно доверия к себе дают работы последних лет, посвященные изучению мыслительной деятельности, в которых она представлена как деятельность саморегулирующаяся (О. К. Тихомиров, А. М. Матюшкин, А. В. Брушлинский, Д. Б. Богоявленская и др.). В этих работах предметом исследования стал поиск источника творческой активности человека. Можно считать, что интеллектуальная твор-

ческая активность — частный случай творческой активности вообще.

С этой точки зрения наибольший теоретический и методологический интерес представляет «теория инициативных систем», разработанная В. Е. Ключко [121, 122]. Основные ее положения позволили вскрыть механизм, имеющий отношение к интеллектуальной активности. Методологические идеи, заложенные в основу концепции, можно распространить и на понимание сущности творческой самоорганизации жизнедеятельности в целом. Основные идеи названной концепции позволяют определить место и роль доверия в сложной системе взаимодействия «человек и мир». Основные положения теории сводятся к следующему.

Исходное понятие в концепции, предлагаемой В. Е. Ключко, — это понятие саморегуляции, достаточно полно разработанное в отечественной психологической науке (К. А. Абульханова-Славская, П. К. Анохин, О. А. Конопкин, Л. П. Гримак, В. А. Ядов, В. В. Селиванов, Л. М. Веккер и др.). Однако согласно развиваемым В. Е. Ключко представлениям широко применяемое понятие саморегуляции может объяснить лишь приспособительную, адаптивную форму функционирования, оно неприменимо к анализу творческой, преобразующей деятельности человека, а также к личности, понимаемой как развивающееся явление, ибо саморегуляция — принцип, который объясняет лишь целостность и устойчивость деятельности и личности. В основе понимаемой таким образом саморегуляции лежит принцип гомеостазиса.

Если проанализировать явление доверия с точки зрения принципа саморегуляции, то, действительно, доверие к миру, формируемое на ранних этапах онтогенеза, постоянно изменяет свои границы по мере познания мира и вступления человека во взаимодействие со все большим количеством чувственно определенных и сверхчувственных объектов, находящихся вовне. Когда человек приобретает опыт взаимодействия с определенными объектами, можно считать, что с ними установлена связь, ибо человеку уже известно, до какой степени можно доверять той или иной части мира. Уровень доверия к себе соответствует уровню доверия к миру. Поэтому здесь можно говорить об активности, связанной с репродуктивными, уже известными видами деятельности, т.е. об относительной устойчивости и целостности как личности, так и деятельности.

В основу своей концепции В.Е.Ключко положил методологический принцип творческой социальной позиции личности, понимаемый как важнейшее качество зрелой личности, ибо существуют лишь два способа, посредством которых личность включается в деятельность: творческий и репродуктивный. Таким образом, позиция зрелой личности обладает двумя переменными — она дол-

жна быть одновременно творческой и социальной. В этом положении контекстуально присутствует мысль о том, что такая позиция обеспечивает стремление человека к гармоничному сочетанию доверия к себе и доверия к миру и позволяет быть активным, творческим, суверенным субъектом деятельности и одновременно быть включенным в мир.

Анализируемая концепция в целом направлена на поиск того специфического образования, в котором происходит пересечение внешней и внутренней детерминации и которое представляет собой индивидуальную внутриличностную форму соотношения индивидуальной и социальной детерминации. Такое соотношение внешних условий и внутренних возможностей, интегрируясь в личностные установки, определяет творческую или репродуктивную позицию человека. Именно это индивидуальное соотношение (внешних условий и внутренних возможностей) и определяет эмпирический уровень (или меру) соотношения доверия к миру и доверия к себе у каждого конкретного человека в каждой конкретной ситуации. Таким образом, можно говорить еще об одной функции доверия — именно оно является механизмом, способом, интегрирующим внешнее и внутреннее, делая их соотносительными друг другу в субъективном мире каждого конкретного человека.

По мнению В. Е. Ключко, для понимания механизма регулирования сверхадаптивной деятельности недостаточно принципа гомеостазиса, поэтому он предлагает использовать более высокий уровень саморегуляции — гетеростаз. Согласно этому принципу взаимодействие человека и мира или той частью мира, с которой взаимодействует человек в каждом конкретном случае, можно рассматривать внутри единой системы, которую он называет «психологической системой», а сам принцип — принципом соответствия. Он пишет: «Эта часть мира и выступает для человека как действительность, которую имел в виду А. Н. Леонтьев, вводя понятие "образ мира"» [122, с. 28].

В соответствии с рассматриваемой концепцией на «пересечении» человека с окружающим миром рождается психологическая ситуация, элементы которой воспринимаются человеком как в их объективном вещном составе, так и в их сверхчувственных характеристиках. Таким образом, отражаемый мир имеет двойственную характеристику. В обычных случаях психологические ситуации в полной мере соответствуют человеку, и тогда ему свойственны устойчивые формы поведения, привычные способы осуществления деятельности, что предполагает определенный, уже сформированный Уровень доверия к себе. Все это соотносится с механизмом такого Поведения, когда доверие к данному объекту или ситуации уже сформировано в прошлом опыте взаимодействия и потому уровень доверия миру соответствует привычному уровню доверия к себе.

Но у человека возникают и такие потребности и ситуации, по отношению к которым нет готовых форм поведения, известных способов взаимодействия, но возможность создания которых человек переживает как реальность. Расширение представлений человека о своих возможностях лежит в основе повышения уровня доверия к себе, в результате чего и происходит трансформация деятельности, которая обеспечивается противоречиями, возникшими в психологической системе (или несоответствиями между представлениями человека о своих возможностях и требованиями, предъявляемыми ему ситуацией).

Возникновение такой ситуации создает проблемную ситуацию, которая всегда означает несоответствие между человеком и миром, предполагая, однако, и возможность его устранения. По мнению автора концепции, это единственный способ, позволяющий понять, как человек может «выходить за пределы» заданного, самостоятельно определяя познавательные или какие-либо другие цели: «Эту "систему координат", эту единственную "призму видения" и обеспечивает понятие "психологическая система". Без этой призмы психологическая мысль (а за ней — педагогическая) будет метаться между разорванными частями единства, "прописывая" источник побуждения деятельности по разным "адресам": находя его то в предмете ("побудительная сила предметов" у К. Левина и его последователей), то в субъекте ("интеллектуальная инициатива", "чувствительность"), то в самой деятельности (как ее способности "выходить" за собственные пределы, "надситуативная активность" у представителей деятельностного подхода)» [122, с. 33]. Другими словами, «выходит за пределы» не личность, не деятельность, не психика, а вся психологическая система.

Если проанализировать выдвигаемые В. Е. Клочко принципы с точки зрения изучаемого явления и принять, что человек всегда стремится одновременно соответствовать миру и самому себе, т.е. устранять возникающее несоответствие, можно выделить два типа или два способа, посредством которых человек стремится к устранению возникшего несоответствия между ним и миром: повысить уровень доверия к себе либо — к миру. В первом случае (при повышении значимости, ценности собственной субъектности, собственных переживаний, влечений, желаний, интересов и потребностей) мы имеем неадаптивные формы активности, связанные с риском, с творческой инициативой. Если достигнут положительный результат в виде удовлетворенной потребности, желания и т.д., то результатом такой активности является и автоматическое повышение уровня доверия к миру. Если же человек, стремясь обрести соответствие, усиливает доверие к миру (повышает значимость, ценность условий, предоставляемых миром), то он снижает уровень доверия к себе, а в результате — к миру. Однако

и в том, и в другом случае человек получает желаемое соответствие себя миру.

Понятие «гетеростаз» означает, что в ситуациях, которые требуют от человека меньше, чем он может, человек начинает действовать в пределах своих возможностей и выходит за пределы требований, предлагаемых ситуацией, т.е. повышает уровень доверия к себе. В результате получается, что доверие человека к миру и доверие человека к себе постоянно находятся в состоянии подвижного равновесия. Абсолютизация любого из полюсов приводит к дезадаптации личности, к патологическим последствиям. И вместе с тем это равновесие должно быть подвижным, иначе нет движения, нет развития.

В психологической системе центральной, т.е. активной подсистемой является развитая личность, а потому эти системы и являются сверхадаптивными, гетеростатическими. В. Е. Ключко показал, что движущей силой перехода от гомеостатического функционирования к гетеростатическому является противоречие внутри ценностно-смысловой структуры ситуации, между тем, что необходимо и что возможно. Результат этой борьбы и приводит к трансформации всей психологической системы. Таким образом, В. Е. Ключко удалось снять дихотомию субъекта и объекта, доказать возможность их взаимодействия только при включенности в единую онтологию.

В этой связи он пишет: «... сложности теории С. Л. Рубинштейна и теории А. Н. Леонтьева заключаются в том, что ни одна из них в полной мере не учитывает "порождающий" эффект взаимодействия — каждый акт взаимодействия человека с миром приводит не просто к отображению мира субъектом деятельности, а к производству новой онтологии, несводимой ни к человеку, ни к миру, а выступающей как единство человека и мира и как истинная действительность для самого человека. Эта сложнейшая психологическая онтология и есть то, "откуда все начинается". Однако обнаруживается она только в рамках системного и диалектического подхода, в рамках целостной психологической системы» [122, с. 65].

Итак, подход, предложенный В. Е. Ключко, позволяет понять, что доверие человека к миру и доверие человека к себе сосуществуют в единой неразрывной системе, они всегда взаимосвязаны, ибо человек одновременно обращен и в мир, и в себя. Проблема заключена в пропорции (или уровне, количестве) доверия, адресованного миру и себе. В процессе жизнедеятельности человек постоянно реализует определенную пропорцию между ними, разрешая одно и то же противоречие, соотнося внешние условия активности, заложенные в мире, которому он не может не доверять, и свои личные возможности при возникновении той или иной потребности или проблемной ситуации.

В одних ситуациях человек идет путем минимизации доверия к себе, а в других — доверия к миру. Данное положение можно проиллюстрировать, ссылаясь на содержание статьи Д.А.Леонтьева, посвященной анализу взаимодействия системы «человек и мир», где он выделяет две группы феноменов, подтверждающих понимание личности как автономного субъекта, самостоятельно осуществляющего различные формы деятельности, сформировавшиеся в ходе общественного развития, причем эти группы феноменов как бы расходятся в противоположные стороны. Если говорить о первой, то известно, что младенец психологически неотделим от матери, находится с ней в событийной общности и иначе существовать не может. На определенном этапе онтогенетического развития личность начинает обособляться от взрослого, постепенно становясь автономной. Вторая группа феноменов свидетельствует о способности личности отказываться от личностной автономии, в этом случае личность проявляет тенденцию «слипаться» с другими людьми, что приводит к эффекту толпы, который наиболее ярко проявляется в феноменах паники, конформности и стаи. Эти феномены характеризуются временным отказом человека от собственной личности, отказом принимать на себя ответственность за личностный выбор [169].

Можно предположить, что в последнем случае в наиболее общем виде описаны крайние варианты отказа личности в доверии к себе и, соответственно, гиперболизация доверия к миру. Поэтому антиномия остается всегда. Но в то же время человек и мир всегда одна онтология (одна система). И в какую сторону в каждой конкретной ситуации сам человек (как центр активности) сместит центр тяжести, определяется его способностью к самоорганизации собственной активности, т.е. соотношением значимости собственных внутренних потребностей, взглядов, идеалов и т.п., одним словом, его отношением к собственной субъектности как ценности более значимой, более высокого порядка, чем ценности, которые проецируются в данной ситуации извне. Итак, человек взаимодействует не только с миром, но и с собой как частью мира, в котором он живет, в который он «вживлен». И одно не существует без другого. Доверие к миру и доверие к себе всегда находятся в отношениях диалектической взаимосвязи.

Доверие к миру сопряжено с доверием к себе как части этого мира. Однако нельзя думать, что в одних случаях человек полностью полагается на мир, а в других — доверяет только себе как автономному субъекту деятельности. Такая дихотомия ведет к упрощенной онтологической картине. Человек всегда доверяет и себе и миру одновременно. Все дело в том, что мир, как внешний, так и внутренний, — не однородная среда. Поэтому человек и стре-

мится к устранению возникающего противоречия в каждой психологической ситуации определенным способом, а доверие к миру и доверие к себе стремятся к постоянному динамическому равновесию. В одних случаях человек больше полагается на мир, в других — на себя. Крайние формы выхода из равновесия ведут к патологическим последствиям: человек либо утрачивает связь с миром, либо отчуждается от самого себя (утрачивая связь с собой, со своими желаниями, потребностями, ценностями и смыслами и полагаясь на мир, в результате он становится зависимым от него).

Итак, во взаимодействии человека с миром человек всегда стремится к тому, чтобы оставаться одновременно имманентным к себе и миру. Но это соответствие, эта имманентность постоянно нарушается, и тогда возникает проблема выбора — отдать предпочтение условиям, предоставляемым миром, или реализовать собственные возможности, повысив уровень доверия к себе.

Поэтому доверие как специфический субъектный феномен обладает формально-динамическими свойствами или характеристиками, которые мы назвали избирательностью и парциальностью. Именно потому, что мир не является для человека однородной средой, которая в зависимости от меры знакомости, знаемости вызывает отношение доверия, разные объекты или фрагменты мира и разные составляющие собственного внутреннего мира вызывают у человека разную меру доверия, ибо в каждой конкретной ситуации они имеют разную меру значимости, в чем и проявляются названные свойства. Поэтому в одних случаях человек может стремиться к обретению доверия к миру и тогда он действует в логике «сообразности», т.е. адаптивности. В других случаях все может быть иначе — человек стремится к обретению доверия к себе, и тогда он способен «выйти» за рамки ситуации, проявляя надситуативную активность. В целом гипотетически можно предположить, что преобладание доверия к миру в одних ситуациях или картинах жизненного мира ведет к репродуктивным, предзаданным кем-то или чем-то формам активности, иначе, соответствует «постулату сообразности», однако активность все равно принадлежит человеку, поэтому преобладание доверия к миру происходит на фоне уже имеющегося уровня доверия к себе.

В некоторых случаях преобладание доверия к себе — условие творческой нерепродуктивной активности, но происходит оно лишь на фоне имеющегося уровня доверия к миру. Преобладание доверия к себе не означает отсутствия доверия к миру. Одно невозможно без другого и постановка вопроса «или-или» упрощает как онтологию, так и феноменологию изучаемого явления. Доверие к миру и доверие к себе стремятся к гармоничному сочетанию, иначе наблюдается либо безрассудный риск, либо полное отчуждение личностной индивидуальности от самой себя.

Как уже было обозначено, мир — понятие обобщенное, из которого субъект в зависимости от ситуации в каждый момент времени отражает лишь отдельные фрагменты, соответствующие ситуации, и относится он к этим фрагментам по степени доверия неоднозначно: одним доверяет полностью, другим — в меньшей степени, третьим — не доверяет вообще. Точно так же человек относится и к своей собственной субъектности — в зависимости от ситуации или сферы жизнедеятельности, в которой он действует «здесь и сейчас». Но все эти отношения, видимо, в субъективном мире личности обобщаются и конструируют базовую установку, заключающуюся в базовом ощущении доверия или недоверия к миру, а также к самому себе. Осознает же человек наличие этой базовой установки лишь при резком изменении ситуации, когда рушатся привычные для человека смыслы. В целом же человек не может доверять себе, не доверяя миру, и не может доверять миру, не доверяя себе самому как автономному субъекту активности, так как в каждый момент времени человек «вживлен» в мир и составляет с ним единую систему, оставаясь при этом самостоятельным суверенным субъектом активности.

Эти идеи согласуются с мыслями Л. Я. Дорфмана о двойственности качественной определенности человека по отношению к миру, ибо «человек по отношению к миру выступает одновременно в двух ипостасях: как подсистема мира и как относительно автономная от него система... Двойственность качественной определенности по отношению к миру обуславливает двойственный характер его взаимодействий с ним. В соответствии с этим и сам мир приобретает двойственность качественной определенности» [91, с. 32—33]. Двойственность качественной определенности, согласно идеям Л. Я. Дорфмана, заключается в том, что человек взаимодействует с миром как часть видо-родовой системы, и в этом отношении он является подсистемой мира, воспроизводящей своей деятельностью способы существования мира. Но человек взаимодействует с миром и как самостоятельная система в соответствии с логикой и законами своего собственного существования. В этом случае мир превращается в подсистему человека, понимаемого как система. Данное обстоятельство и позволяет выделить феномен доверия человека к миру и феномен доверия человека к себе, которые всегда сочетаются в определенной пропорции, и поэтому каждый из них имеет лишь относительно самостоятельный психологический статус. Проблема состоит в нахождении оптимальной пропорции, или меры, между доверием человека к миру и его доверием к себе. Проблема доверия человека к себе как относительно самостоятельный феномен до сих пор не была предметом специального рассмотрения, она обсуждалась лишь в контексте психотерапевтических и психокоррекционных проблем, а ее существование обосновывается различ-

ными авторами, работающими в рамках гуманитарной парадигмы, путем организации разнообразных практик стимуляции творчества [284, с. 39]. Однако такой феномен реально существует, является чрезвычайно важным, поскольку именно наличие доверия человека к себе дает ему возможность быть суверенным самостоятельным субъектом активности. Таким образом, доверие к себе является одним из важнейших условий субъектности человека.

Итак, понять специфику доверия человека к миру можно, лишь рассматривая человека и мир в единой системе. Как было показано рядом авторов, человек и мир, вступая во взаимодействие, образуют особую онтологическую реальность, ибо человек «продлен в мир», так как он наделяет объекты этого мира различными смыслами, делает их ценностными. И эта, другая, онтологическая реальность и есть субъективный мир человека. Эти смыслы и ценности кажутся человеку, во-первых, более или менее устойчивыми, а во-вторых, существующими не в его субъективном мире, а в мире внешнем, объективном, но человек об этом не знает, а просто верит во все это, потому что считает эти ценности и смыслы адекватными, т.е. «правильными» и объективными, а также присущими не ему, а миру.

На самом деле принадлежат эти смыслы и ценности не миру, а человеку. Он не осознает, что объекты окружающего мира сами по себе «равнодушны» по отношению к нему и имеют смысл и ценность лишь в его субъективном мире, в той особой субъективной реальности, в которой он живет и действует. Сами эти смыслы и ценности, присущие человеку, обретены им под действием веры (подлинной веры, но не доверия), ибо смыслы и ценности вначале усваиваются человеком как известные, а затем присваиваются, принимаются им (что соответствует акту веры) и в конце концов становятся содержанием, сущностью, смысловым полем его собственной личности (Б. С. Братусь). Однако, лишь вынося эти смыслы и ценности за собственные пределы и наделяя ими объекты окружающей действительности, человек может доверять внешне противостоящему ему миру и лишь на этой основе считать его своим (или освоенным). Здесь как раз и переплетаются обе формы веры. Вера (как обретение смыслов и ценностей) как бы предшествует доверию, и обе они предшествуют акту взаимодействия. Однако, будучи уже наделен смыслами и ценностями, человек этого не осознает. Он вновь и вновь как бы «выносит» эти смыслы и ценности вовне и «приписывает» их объектам окружающей действительности в зависимости от своих актуальных нужд и на этой основе доверяет миру.

Когда в жизни человека происходит что-то очень важное, резко меняющее, рушащее привычные внутренние смыслы, доверие к миру утрачивается, потому что, с точки зрения человека, смыс-

лами наделен мир, а не он сам. На самом же деле, потеря доверия к миру всегда сопряжена с потерей доверия к себе, ибо в критической ситуации старые смыслы «умирают», а новые еще не созданы. Такие предельные ситуации, как известно, в отечественной психологии проанализированы Ф. Е. Василюком, который описал, какие стратегии предпринимает личность в критических ситуациях, когда переживает потерю привычных смыслов, а исходя из анализируемого здесь явления — потерю доверия к миру и одновременно к себе самому.

Чтобы снова обрести доверие к миру, нужны новые смыслы. Но смыслы нельзя передать, их можно только обрести, обретаются же они посредством веры. Эти положения наглядно иллюстрирует В. Франкл, описывая свой опыт работы психолога в концлагерях. Он упоминает, что, несмотря на нечеловечески трудную жизнь, у заключенных практически не было попыток самоубийства. А психотерапевтическая работа с заключенными в концлагерях сводилась к поиску смысла для тех, кто его утратил. Приведем для примера следующую цитату: «...как-то раз в лагере передо мной сидели два человека, оба решившие покончить с собой. Оба твердили стереотипную формулу, которую то и дело слышишь в лагере: "Мне больше нечего ждать от жизни". Нужно было попытаться произвести в них своего рода коперниканский переворот, чтобы они уже не спрашивали, ждать ли и что им ждать от жизни, а получили представление о том, что, наоборот, жизнь ожидает их, что каждого из них, да и вообще каждого, что-то или кто-то ждет — дело или человек. Действительно, очень скоро обнаружилось, что — вне зависимости от того, чего оба узника ожидали от жизни, — их в жизни ожидали вполне конкретные задачи. Выяснилось, что один из них издает серию книг по географии, но эта серия еще не завершена, а у второго за границей есть дочь, которая безумно его любит... Оба в равной мере получили тем самым подтверждение своей уникальности и незаменимости, которая может придать жизни безусловный смысл, невзирая на страдания» [309, с. 151—152]. В приведенном отрывке наглядно показана роль веры в обретении человеком смыслов. Достаточно было человеку поверить, что он зачем-то нужен на свободе, кому-то еще нужен в жизни, как он отказывался от попытки к самоубийству. Это и есть обретение смысла, и связано оно с верой.

Итак, человек верит в смыслы, в их адекватность и устойчивость, которыми наделяет окружающую действительность, и отражает он ее не просто так, а вкупе с этими смыслами, благодаря чему обретает возможность доверия к миру, ибо в мире есть «часть» его самого. И это единственная «объективно» существующая для человека реальность. Только в таком мире человек может жить и активно действовать, доверять миру и самому себе как части мира.

Таким образом, анализ доверия как психологического явления позволил **определить доверие к миру как специфический субъектный феномен, сущность которого состоит в специфическом отношении субъекта к различным объектам или фрагментам мира, заключающимся в переживании актуальной значимости и априорной безопасности этих объектов или фрагментов мира для человека.** В целом проведенный теоретический анализ понятия доверия к миру показывает, что именно благодаря такому отношению к миру возможен сам акт взаимодействия с миром. Но действует **не мир, действует человек, а потому взаимодействие с миром предполагает у каждого человека определенный уровень доверия к себе.**

В каждом акте взаимодействия человека с миром человек одновременно обращен и в мир, и в себя, благодаря чему становится возможным одновременное доверие к себе и к миру. Однако соотношение (соответствие) уровня доверия к себе и доверия к миру постоянно меняется, вплоть до противоречивых отношений между ними. Возникающее несоответствие всегда стремится к равновесию, которое можно обрести, лишь изменив имеющийся уровень доверия либо к миру, либо к себе. Именно поэтому феномен доверия обладает чрезвычайной динамичностью.

Данные положения позволяют построить типологию возможных стратегий поведения в зависимости от пропорции или уровня доверия к миру и к себе: равные пропорции доверия к себе и к миру лежат в основе уже сложившихся известных форм поведения и обеспечивают относительную устойчивость как личности, так и деятельности; преобладание доверия к миру является основой адаптивных форм поведения, позволяющих человеку приспосабливаться к миру; преобладание доверия к себе — основа неадаптивных форм активности, связанных как с риском, так и с творческой преобразующей деятельностью. Преобладание доверия **к себе** по сравнению с доверием к миру предполагает самостоятельный целетворящий характер деятельности, который, кстати, может быть как конструктивным, так и деструктивным, и, наконец, отсутствие или потеря доверия к миру всегда сопряжены с потерей доверия к себе. Последнее положение является важным свидетельством того, что человек и мир — единая онтология, из которой отдельные стороны рассматриваемого явления можно вычленить лишь теоретически.

Итак, в каждый момент времени человек имеет две конкурирующие позиции — социальную и личностную, которые и определяют двойственную направленность психики человека, что Предполагает, с одной стороны, доверие **к миру** как условие взаимодействия с ним, а с другой — доверие к себе как условие активности личности.

ДОВЕРИЕ К СЕБЕ - СУБЪЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ

§ 1. ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ОБ АНТИНОМИИ РОДОВОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ

Проведенный анализ позволил выделить относительно самостоятельный субъектный феномен — доверие к себе. Но ставилась ли проблема доверия к себе в наиболее известных философских учениях? Каким образом, в системе каких координат выделялся подобный параметр в философских антропологических теориях и в чем состояли попытки его обоснования?

В истории философской мысли проблема доверия человека к себе прямо не ставилась. Исключением является этико-философское эссе американского философа-идеалиста, основоположника трансцендентальной школы Р. У. Эмерсона, которое так и называлось «Доверие к себе» [338]. Основные положения эссе можно свести к следующим. Во-первых, в его рассуждениях заложена идея бесконечности человека, его возможностей: «В духовной жизни каждого человека наступает момент, когда он приходит к убеждению, что силы, заложенные в нем, не имеют подобных в природе, и лишь ему самому дано узнать, на что он способен, а это не проясняется, пока он не испытает себя. Мы выражаем себя лишь наполовину и стыдимся той божественной идеи, которая запечатлена в каждом из нас. Ее можно без опасений принять как идею благотворную и сообразную, иначе ее было бы нельзя доверить нам; человеку весело и легко на сердце, когда он вложил душу в работу и сделал все, что мог; но если он поступил противоположным образом, ему не найти покоя; это освобождение, которое не освобождает» [338, с. 26]. Р. У. Эмерсон считал, что человек дол-

жен верить себе, как это умеют делать животные и дети, которые не препятствуют проявлению своих чувств. С его точки зрения, совесть мешает самостоятельности духа, ибо «священно лишь одно — неповторимость твоего собственного духовного мира. С чем бы ни сталкивался человек, пусть он ведет себя так, словно все несущественно и эфемерно, кроме него самого» [338, с. 27]. Как видно из последней цитаты, Р. У. Эмерсон придерживался взглядов крайнего индивидуализма.

В своем эссе он делает попытку описать феноменологию доверия к себе. Согласно его представлениям, довериться себе человеку мешает, во-первых, страх перед мнением большинства, ибо он вынуждает человека к неискренним поступкам, во-вторых, страх оказаться в противоречии с самим собой, между тем, что говорил и делал раньше, и тем, что он хочет совершить теперь, ибо это изменит отношение к нему окружающих, которое уже сложилось. В этой связи философ пишет: «Я живу, чтобы жить, а не для того, чтобы являть собой некое зрелище. Самое существенное, чтобы я жил, как велит душа. Меня занимает лишь одно то, что я считаю нужным делать, а не то, что считают нужным другие. В свете легко жить, разделяя мнения света, а в одиночестве — следуя собственному мнению, но велик тот, кто и в окружении толпы сохраняет в полной неприкосновенности закаленную одиночеством независимость» [338, с. 31].

Основания доверия к себе философ видит в интуитивном переживании. По своим воззрениям Р. У. Эмерсон был спиритуалистом. Единственной реальностью он считал дух. А главное устремление души — самосовершенствование человека. В отличие от других философов, придерживающихся индивидуалистической точки зрения (М. Штирнер и др.), Р. У. Эмерсон не отрицал добро, нравственность как атрибуты Высшей причины: «Самоосуществление — атрибут Высшей причины, и границы добра определяются степенью его проникновения во все низшие формы. Все по-настоящему ценное становится ценным лишь в меру заключенной в нем добродетели» [338, с. 33]. С точки зрения обсуждаемой нами проблемы интересны рассуждения Р. У. Эмерсона о собственности. Он считает, что доверие человека к собственности, а также к государственным институтам, правительству свидетельствует о недостатке у человека доверия к себе. Самая же большая ценность — это сам человек, ибо «то, что человек собою представляет, он с необходимостью приобретает сам, а приобретенное самим собой — это живая собственность, которой ничего не грозит, пока человек не испустит дух» [338, с. 39]. Основной вывод, который Делает Р. У. Эмерсон, заключается в том, что в любом деле человек должен опираться только на самого себя, на свои собственные силы. Таким образом, Р. У. Эмерсон противопоставляет дове-

рие человека к миру и доверие к себе как разнонаправленные тенденции, которые принципиально несовместимы.

В целом, несмотря на то, что доверие к себе как самостоятельный феномен в истории философской мысли не изучался, идею его существования можно усмотреть в работах практически всех выдающихся представителей философской антропологии с момента, когда антропологическая рефлексия оформилась в самостоятельную дисциплину, т.е. начиная с немецкой классической философии. Эта идея потенциально (или контекстуально) заложена в стремлении большинства мыслителей решить проблему соотношения естественных и нравственных устремлений человека. Наметим основные линии или основные «векторы» развития философско-антропологической мысли относительно внутренней сущности человеческого «Я» и отношения человека к своей свободе. В истории философской мысли отчетливо выделяются два ведущих направления, представители которых по-разному решали этот вопрос.

Первое направление берет начало с системы философских взглядов И. Канта (1724—1804), в которой, как известно, человек провозглашен высшей ценностью. Однако, видя противоречие между естественными и нравственными стремлениями человека, Кант обращается к идее Бога и подкрепляет свои философские воззрения религиозными догматами [118]. Продолжением философии И. Канта являются воззрения И. Г. Фихте (1762—1814), который в своем учении тоже особое место уделял идее двойственности человека, которая проявляется в борьбе между высшими (нравственными) и низшими (материальными) устремлениями [304]. При этом первые он считал родовыми, а потому самыми глубинными потребностями человека. В свое учение Фихте вводит наличие у человека двух различных «Я»: одно из которых тождественно индивидуальному сознанию, а другое (абсолютное «Я») — не тождественно ему. Идеал, по И. Г. Фихте, заключается в движении и развитии в направлении совпадения индивидуального и абсолютного «Я», но достижение этого идеала невозможно, а вся человеческая история — лишь бесконечное приближение к идеалу. Философ главное место в человеке отводит духовному началу, считая, что реально существует только род, а отдельный индивид — лишь носитель родового бытия. Таким образом, И. Г. Фихте не просто усилил мысль И. Канта о двойственной природе человека, а сосредоточил свои размышления вокруг родового сущности человека как единственной реально существующей человеческой онтологии, а идею приближения человека к своей родовой сущности считал высшим предназначением человека.

Дальнейшее развитие подобные воззрения получили в философии другого представителя немецкой классической философии

Ф. Шеллинга (1775—1854), изучавшего проблему соотношения свободы и зла. В своем понимании природы человека он так же, как и его предшественники, делал акцент на двойственной природе человека. По Ф. Шеллингу, и то и другое у человека от Бога, однако зло есть лишь искажение добра как результат своеволия человека [324]. Ф. Шеллинг не отрицает индивидуальности в человеке и не порицает ее, выступает он лишь против индивидуальности, пытающейся поставить свое «Я» на место всеобщего, абсолютизировать его посредством своеволия свободы, т.е. зло у Шеллинга неизбежно сопутствует свободе. Однако, в отличие от своих предшественников, Шеллинг хоть и отдает приоритет родовой сущности человека, все же считает, что от зла избавиться невозможно, ибо без него нет развития и нет добра, а следовательно, и самого Бога. «Чтобы не существовало зла, необходимо было бы, чтобы не существовало и самого Бога» [324, с. 63].

Под влиянием воззрений Канта, Фихте, а позже и Шеллинга формировалась и система философских взглядов Гегеля (1770—1831), который в еще большей мере абсолютизирует примат родового начала в человеке. По Гегелю, индивид — лишь форма существования рода, носитель же разума — объективный дух [69]. «Объективный дух» у Гегеля проявляет себя в праве, морали и нравственности (т.е. во всем том, что объединяется под родовым началом). Таким образом, Гегель не просто абсолютизирует родовую сущность человека, но считает ее единственной абсолютной реальностью.

Гуманистические принципы, заложенные в концепции человека, разрабатываемые самыми яркими представителями немецкой классической философии, их явная антропологическая ориентация в дальнейшем, по мнению историков философии, в наиболее полном виде сохранилась в философии Л. Фейербаха (1804—1872). В своем основном труде «Сущность христианства» Фейербах также рассматривает человека как существо двойственное. Однако к соотношению проблемы рода и индивида он подходит с исторической точки зрения. В истории человечества Фейербах выделяет два этапа: языческий и христианский, по-разному относившиеся к роду и индивиду. Язычники строго дифференцировали индивид и род, рассматривая индивида лишь как часть целого, которая подчиняется его законам. По мнению Фейербаха, христианство, напротив, не считалось с целым (родом) и признавало только индивид. «Древние поступались индивидом для рода; христиане жертвовали родом ради индивида» [300, с. 184]. Фейербах утверждал, что там, где прекращается отличие рода от индивида, «прекращается и история, разум, смысл истории» [300, с. 187], ибо, «если человек непосредственно отождествляет род с индивидом и считает это тождество своим вне-

шим существом, своим богом ... пропадает потребность в культуре» [300, с. 193].

Таким образом, если обобщить рассмотренные здесь взгляды на сущность человека, можно сделать вывод, что основная проблематика воззрений, имеющих отношение к рассматриваемому нами феномену, сводилась к выявлению меры или пропорции между свободой отдельного индивида (как его индивидуальной сущности) и его зависимостью от общества, культуры, рода. Однако представители данного направления философской мысли индивидуальную сущность человека признавали вторичной, относительно общеродовой, поэтому феномен доверия человека к себе не мог быть выделен. Оптимальная мера доверия к себе (понимаемая как мера или количество допустимой индивидуальной, личной свободы) не находилась в эмпирической жизни, ибо не были определены ее критерии, поэтому мера внутренней индивидуальной свободы была как бы вынесена «за пределы человека», обращенного к Богу, к абсолюту, который и выполнял функцию этих критериев. Поэтому можно считать, что мера доверия человека к себе как пропорция оптимального соотношения родовой и индивидуальной сущности человека была персонализирована в идее Бога, имеющего человеческий облик и концептуализирована в идеях его учения (слова Божьего).

Логическим завершением этой линии философских взглядов стали философско-антропологические идеи К. Маркса и Ф. Энгельса с утверждением примата родовой социальной сущности человека, приоритета общественного над индивидуальным. И, видимо, в этом и заключена одна из причин, почему феномен доверия человека к себе не был отрефлексирован представителями отечественной психологии, развивающейся в рамках марксистской идеологической парадигмы, игнорировавшей индивидуальную свободу личности.

На смену антропологической (социоцентрической) парадигме, заложенной представителями немецкой классической философии, пришла философия индивидуализма (антропоцентризма), внутри которой развивались идеи противоположного толка. Наиболее ярко эта тенденция впервые проявилась в философском учении М. Штирнера (1806—1856), жившего почти одновременно с Л. Фейербахом. Основная мысль его главной книги «Единственный и его собственность» [333] сводится к тому, что всякая эмпирическая личность единична, а потому все, что относится к человеку вообще, не может относиться к конкретному эмпирическому индивиду. Потому понятия «человек», «мораль», «нравственность», «право» есть отчужденные формы индивидуального сознания. А первоисточником права и морали являются сила и могущество отдельной личности. С точки зрения данного автора, существует

единственный критерий истины — это собственное «Я» человека. Согласно воззрениям Штирнера, индивид должен ориентироваться на собственную свободу, а не искать ее в социальном обществе, так как за каждым социальным образованием стоят эгоистические интересы отдельных лиц. Право на существование, по мнению Штирнера, имеет только одна ценность — ценность собственной личности.

Свое учение Штирнер провозглашает началом новой эры в истории человечества, он отрицает культуру, призывая отказаться от нее, полностью отбрасывая понятие «род». Единственным центром он считает индивидуальную сущность человека. В учении Штирнера впервые прозвучала идея неповторимости человека, идея реализации этой неповторимости в осуществлении себя как личности. Однако индивид при этом мыслится вне связей с другими людьми. Идеи, связанные с человечеством, с родом, Штирнер называет отчужденными от человека призраками и призывает человечество освободиться от них, ибо только так человек сможет стать самим собой.

Таким образом, можно считать, что Штирнер в своем учении абсолютизировал идею доверия человека к себе. Иногда он употреблял это словосочетание, но специально такого явления не выделял. Учение Штирнера дает основание говорить о том, что идею полного доверия к себе мыслитель возвел в ранг ничем не ограниченной свободы, что и есть крайнее проявление индивидуализма. По мнению историков философии, именно эта абсолютизация крайнего индивидуализма в дальнейшем стала основным препятствием на пути распространения его теории.

Философскую традицию индивидуализма продолжал развивать идеалист А. Шопенгауэр (1788—1860). В его основном произведении «Мир как воля и представление» [331] изложена система философских взглядов, в которой он опирается на философию Канта. У него человек тоже существо двойственное, которое осознает свою индивидуальность и одновременно является частью рода. Однако, в отличие от других представителей философской антропологии, философия А. Шопенгауэра является в большей мере модусо-центрической, ибо, согласно его воззрениям, разум олицетворяет индивидуальное начало человека, а воля — родовое. Все поступки человека он объясняет как борьбу между волей и разумом, как индивидуальным и родовым началом в человеке. Именно таким способом Шопенгауэр пытается определить меру доверия человека к себе, возникающую в результате этой борьбы.

С точки зрения Шопенгауэра, свобода воли как реализация родового начала приобретает человеком лишь посредством отказа от себя, от своего индивидуального характера. Таким образом, в рассуждениях Шопенгауэра четко прослеживается нераз-

решимое противоречие: с одной стороны, человеческое существование предполагает «волю к жизни», что означает крайний индивидуализм и эгоизм, т.е. «войну всех против всех», ибо каждый индивид свое собственное существование и благополучие предпочитает всему другому. С другой стороны, Шопенгауэр видит выход в отказе от «принципа индивидуальности», так как этот принцип скрывает от человека истину, ибо истинное познание мира возможно лишь с точки зрения рода, а не отдельного индивида. Преодоление эгоистических импульсов, по мнению философа, возможно лишь в сфере искусства и морали.

Именно в силу этих причин в целом философия Шопенгауэра пессимистична, так как путь к спасению он видит в аскетизме, отказе от всего эгоистического путем подавления в себе «воли к жизни», по сути, он призывает подавлять жизнь в самом себе, а потому называет этот мир «худшим из миров», ибо законы природы направлены на сохранение рода, а не индивида, они противоречат сущности отдельного человека. Шопенгауэр признавал главным родовое в человеке, которое существует вне времени и пространства, тем самым отрицая конкретного человека, отказывая ему в доверии к себе, и считая, что только такой путь, путь отказа от самого себя дает человеку возможность реализовать свою родовую сущность.

По мнению историков, изучавших наследие Шопенгауэра, его иррационалистическая и пессимистическая философия во второй половине XIX в. получила распространение и явилась одним из источников философии жизни, предвзяря ряд концепций глубинной психологии.

Считается, что идеи трагической сути индивидуализма Шопенгауэра легли в основу философских взглядов Ф. Ницше (1844—1900). Идее Шопенгауэра о «воле к жизни» Ницше противопоставил идею «воли к власти», носившей крайне индивидуалистический характер. Ницше в роде человеческом, в массе людей видел лишь безликую толпу и делил человечество на «господ» и «людей». Ф. Ницше призывал своих современников к «переоценке всех ценностей», предлагая сделать это путем избавления общества от морали. Особенно настойчиво философ выступал против добра, сострадания и совести, считая их вредными. По его мнению, эти качества, свойства не являются созидательными, так как они не создают ценностей, а только повторяют их и, в конечном счете, ослабляют силы человека, его «личную мощь» [209].

Ницше ратует за крайний индивидуализм, за сосредоточенность человека лишь на самом себе, ибо главное для него реализовать себя, свою личность, причем неважно, к чему это будет сводиться, к созиданию или к разрушению. Рисуя философию «сверхчеловека», Ницше приходит к мысли, что над человеком

лет высшей инстанции и главный судья себе — он сам, фактически человек у Ницше становится Богом для себя самого.

Мир совершенен только для сильных, для абсолютного меньшинства, для тех, кто стоит «по ту сторону добра и зла». Жизнь и есть «воля к власти», это и есть само бытие. Таким образом, создавая миф о сверхчеловеке, Ницше проповедует культ сильной личности, преодолевающей все противоречия мира, игнорируя моральные нормы. Не трудно заметить, что идея крайнего индивидуализма привела Ницше к идее абсолютизации доверия к себе. Из его философских воззрений становится понятным, что абсолютизация доверия к себе приводит к «эффекту Заратустры», к потере связи с социумом, с родовым началом в человеке, что в итоге связано с отрицанием всякой морали.

По мнению ряда исследователей, философия Ницше весьма противоречива и лишена какой-либо целостной системы, ибо, отбрасывая мораль, он призывает пользоваться эстетикой, а свою философию называет «эстетическим имморализмом».

Таким образом, анализируя философские воззрения Ницше в рамках интересующей нас проблемы, можно сказать, что им было крайне абсолютизировано доверие человека к себе, осуществление которого возможно лишь путем игнорирования социума и существующей в нем морали. Лишь личность, способная на это, по мнению Ницше, и есть сильная личность, способная подчинить себе мир.

Философия Ницше оказала большое влияние на другие направления философии XX в. — философию жизни, прагматизм и экзистенциализм.

Концепцию индивидуалистической личности проповедовал С. Кьеркегор (1813—1855) — главный предшественник экзистенциализма. Впервые в истории философской мысли Кьеркегор выдвигает принцип субъективности как принцип, делающий человека личностью, предпринимая попытку создать антропологическую философию человека. Особая заслуга Кьеркегора состоит в том, что акцент его мысли переносится на анализ внутренней жизни индивида.

Основной категорией философии Кьеркегора является категория выбора, а одно из его первых произведений так и называется «Или — или», ибо лишь акт выбора придает смысл человеческой активности, человеческой деятельности и делает ее бесконечной. С точки зрения философа, свобода присуща не истории, а внутренним деяниям отдельного человека. Он пишет: «История не создается исключительно свободными действиями свободных индивидов. Индивидуум действует, но это действие подчинено общему Порядку вещей во вселенной; последствий данного действия не Может с точностью предвидеть и сам действующий индивидуум.

Этот же общий порядок вещей, который, так сказать, перерабатывает в себе свободные деяния людей и подводит их под вечные законы вселенной, есть необходимость и составляющая импульс всемирной истории. Вот почему философия, если и имеет вообще право применить к области истории принцип примирения, то лишь относительно, а не абсолютно» [161, с. 243—244]. В приведенной цитате важно, что Кьеркегор поставил проблему свободного выбора деяний с точки зрения непредсказуемости их результата. Именно эта непредсказуемость и дает основание говорить о роли доверия, ибо заранее никогда не известен результат, его невозможно с точностью предсказать. Потому непредсказуемость результатов деяний предполагает наличие определенного уровня доверия к себе, иначе нет активности, нет действия. Таким образом, Кьеркегор впервые в противовес объективной диалектике выдвинул принципиально иную — субъективную, или экзистенциальную, диалектику. По его мнению, не внешняя действительность определяет человеческую жизнь, а, наоборот, внутренняя духовная жизнь и душевная работа определяют жизнь человека и человеческого общества в целом, ибо именно выбор заставляет человека стать самим собой. Главная задача философии помочь человеку в этом.

Будучи глубоко религиозным философом, Кьеркегор считал, что есть только один путь к Богу и по этому пути человек проходит три качественно различные стадии — эстетическую, этическую и религиозную. Им была фактически построена типология личности, в основу которой он положил различное отношение людей к жизни, различия их идеалов и смыслов существования.

Тип эстетически живущего человека представлен в работе «Наслаждение и долг» на примере римского императора Нерона. Эстетическое отношение к жизни сводится к философии наслаждения. Но наслаждение уводит человека от обретения истины собственного существования, в результате чего человек приходит к отчаянию и осознанию бессмысленности жизни. Однако истинное отчаяние возможно лишь на следующей этической ступени существования. С. Кьеркегор проводит психологический анализ данного типа личности и показывает ее несостоятельность.

В других работах он исследует противоположную концепцию жизни, критикуя духовное и нравственное опустошение, которые ведут к потере личностью своего «Я», к разладу с самим собой, ибо наслаждение и накопление материальных благ лишь ускоряет разрушительный процесс, ведет к деградации. Поэтому главная задача человека — совершенствование своей личности, осуществляемое душевной работой и трудом. Таким образом, Кьеркегором была поставлена проблема выбора человеком самого себя.

Важное место в концепции Кьеркегора занимает анализ человеческой личности и особенностей ее отношения к самой себе. На этой основе Кьеркегор выстраивает положительную концепцию христианства, чему посвящена работа «Смертельная болезнь». Смертельная болезнь — это отчаяние, которое присуще человеку в любом состоянии, это критическое состояние страха перед ничто, перед утратой самого себя. Абсолютное большинство людей не выдерживает испытания и теряет самих себя, мало кто может противостоять соблазнам и сохранять самого себя, оставаться самим собой, для этого необходимо обладать развитой рефлексией.

Кьеркегор считал, что личность есть свобода, понимаемая как диалектическое сочетание возможности и необходимости, чтобы стать самим собой, в равной мере нужны и возможность и необходимость. Отсутствие либо одного, либо другого приводит личность к отчаянию. Таким образом, в философии Кьеркегора была сформулирована мысль о том, что при выборе человеком самого себя необходима мера или гармоничное сочетание между тем, что необходимо, и тем, что возможно. По нашему мнению, здесь контекстуально с помощью другого категориального аппарата заложена идея невозможности абсолютизации ни одного из полюсов — доверия к себе или недоверия к себе, ибо абсолютизация любого из них порождает страх перед ничто, ведет к самоутрате и к отчаянию. Большое значение Кьеркегор придает категории возможности. Возможность — это единственная сила, которой обладает человек; обрести возможность — значит обрести веру. Кьеркегор связывает свободу с религией: Бог включает в себя все возможности, поэтому поиск Бога и веры — это стремление найти бесконечное количество возможностей. Только так человек может реализовать себя, стать человеком, личностью. Именно в этом заключается основное отличие философии Кьеркегора от философии Ницше. У Ницше сильная личность сама по себе становится как бы Богом для себя. В этих идеях, на наш взгляд, вновь заложена идея меры человеческой свободы, меры доверия к себе, персонализированная в образе Бога.

Кьеркегор считает, что противоположностью отчаяния может быть только вера, дающая человеку не просто. Но без веры человек пребывает в вечном обмане в образе надежды и воспоминания.

В целом философия Кьеркегора подводит к выводу, что человек строит себя сам, ибо постоянство личности — в ее непостоянстве, в этом — автономия личности, к которой надо стремиться. Кьеркегор считает мерой «человеческого Я» «Я», стоящее перед Богом. Бог не есть что-то внешнее по отношению к человеку, он внутри него. Только в таком случае человек всегда с Богом, а Бог всегда с ним. Бог в концепции Кьеркегора не вынесен «за пределы» человека, а является мерой человеческого в человеке. Итак,

можно считать, что эмпирическая мера доверия человека к себе была Кьеркегором возвращена человеку, вновь «помещена» в него, однако персонализирована как бы в количестве веры, которую смог обрести человек и которая стала его смыслом, его внутренней субъектной сущностью.

Особо важной проблемой Кьеркегор считает проблему веры. Бог вытесняет смысл жизни, так как сам становится смыслом. Отметим, что, на наш взгляд, в своих рассуждениях Кьеркегор подошел к пониманию подлинной веры как отождествления субъекта с объектом веры. Для него подлинная вера становится сущностью личности — мысль, которую позже развил М. Бубер в работе «Два образа веры». Если для Достоевского и Ницше смерть Бога означает вседозволенность, то для Кьеркегора вера — спасение от релятивизма эмпирического бытия. Перед лицом Бога человек хочет остаться самим собой, т.е. человеком. Человек у Кьеркегора, обретая смысл в вере, берет ответственность на себя за то, чтобы быть человеком во всех ситуациях и во всех отношениях. Таким образом, идея Бога у Кьеркегора как бы переносится, перемещается «внутри» человека, в его субъективный внутренний мир. И именно слияние с этой идеей, отождествление с ней, дает человеку новый смысл, который спасает его от вседозволенности или от абсолютизации доверия к себе.

Философия Кьеркегора подготовила почву для смены парадигмы рассмотрения человека, которая произошла в XX в., когда философия постепенно становилась подлинно антропоцентрической. По мнению ряда авторов [79], если философия XIX в. была рационалистической, проблема человека рассматривалась с точки зрения соотношения (диалектики) родовой и индивидуальной сущности и их всевозможных сочетаний, то в XX в. философы во главу угла поставили проблемы, связанные с человеческой субъектностью, с всевозможными переживаниями человека. Человек впервые стал рассматриваться источником личных устремлений, различных видов активности и деятельности, а также источником отношения к самому себе и к миру. Первым, кто перенес центр активности в субъективный внутренний мир, мир человеческих переживаний, был Кьеркегор, который включил в человеческую субъектность эмоциональное и духовное содержание. Итак, в истории антропологической философской мысли существовало несколько подходов к пониманию сущности личности и ее свободы. Одно направление связано с социоцентрическими концепциями, параллельно с ним развивалось направление модусо-центрической философии, ставящей во главу то разум, то волю, то эмоции, и, наконец, в XX в. вместе с возникновением экзистенциализма философия становится антропоцентрической.

§ 2. ИДЕЯ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Экзистенциализм не был однородным направлением философии. Каждый из его представителей внес в понимание сущности человека, свободы и его возможностей собственный вклад. В этой связи остановимся на наследии лишь тех философов-экзистенциалистов XX в., которые занимались изучением проблем человека, связанных с интересующим нас вопросом отношения человека к себе (прежде всего — доверия к себе), а также свободы, выбора и возможностей человека.

Считается, что одним из наиболее выдающихся философов, продолжателей «философии жизни» Шопенгауэра и Ницше, был испанский философ Хосе Ортега-и-Гасет (1883—1955). Философы, анализировавшие творчество этого мыслителя, считают, что он не принадлежит ни к одному из направлений философии, ибо на его творчество оказали влияние идеи «философии жизни», кантианства и экзистенциализма [301].

В самой известной своей работе «Восстание масс» [221] Ортега приходит к выводу, что современная ему эпоха нивелирует человека, обезличивает его и его судьбу. Причину этого автор видит в «огосударствлении» человеческой жизни. Ортега выводит новый тип человека — «человека массы» или «среднего человека», который, господствуя в обществе, характеризуется исключительной посредственностью. Человеку более не нужна ответственность, ибо он может выступать от имени государства, быть представителем государственной машины, государственной власти, стоящей над обществом. Ортеге принадлежит мысль о том, что культура и цивилизация развиваются в противоположном направлении, ибо с развитием цивилизации человек теряет свою целостность, уникальность, что сопровождается падением общего уровня культуры. В целом философия Ортеги пессимистична, так как, по его мнению, государство превращает людей в роботов, делает их придатками сложных технических устройств, выполняющих чужую волю, что отчуждает их от самих себя.

По его мнению, в буржуазном мире человека подстерегают две опасности: не быть человеком и не быть самим собой. С точки зрения изучаемой нами проблемы эти две опасности, обозначенные философом, и заключаются либо в абсолютизации доверия к себе, которая в результате совпадает с нивелированием человеческой сущности, с отчуждением от всего общества, от других людей, от культуры, либо в абсолютизации недоверия к себе, которая приводит человека к утрате собственной индивидуальности, т.е. к отчуждению от самого себя.

Положение, в которое попадает человек, заставляет его обращаться к самому себе, к своему внутреннему миру, развивать рефлексию. Благодаря этому он упорядочивает мир вещей, формирует собственную целостность. Лишь после этого он снова может «погрузиться в действительность» и не бояться отчуждения, потому что теперь он действует по заранее составленному плану. Поэтому основа человека, по мнению Ортеги, лежит в «трансцендентной реальности». Однако ситуация человека в любом случае крайне безнадежна, ибо он всюду находится вместе со своим одиночеством, погруженностью в себя и с отчуждением от внешнего мира, себя и других людей.

В связи с подобными рассуждениями философ делает попытку феноменологического анализа отношений между людьми, опираясь на категории «Я», «Ты», «Другой», «Близкий», и приходит к выводу, что «Я» принципиально одиноко, ибо «Я» есть «Я», а «Ты» есть «Ты», а потому каждое «Я», каждая человеческая жизнь остается замкнутой на себе самой монадой, существующей в среде других таких же монад.

Подлинный субъект включен в коллективную жизнь, а потому становится исполнителем правил, традиций и предписаний общества. Только в этом случае он будет «социализированным» субъектом, но тогда он должен отказаться от себя самого. Таким образом, «чтобы существовать, человек должен отказаться от своего собственного существования, он должен потерять себя, чтобы сохранить себя» [цит. по: 86, с. 125].

Анализируя структуру человеческой жизни, Ортега выдвигает четыре момента. Первое, «...человеческая жизнь в подлинном и первоначальном смысле — это жизнь, рассмотренная из самой себя, это всегда есть моя жизнь — личная жизнь. Второе, жизнь заключается в том, что человек вынужден, не зная, как и почему, под угрозой гибели делать всегда что-нибудь в определенных обстоятельствах, что мы назовем обусловленностью обстоятельствами; третье, обстоятельства представляют нам всегда разные возможности деятельности, следовательно, бытия. Это заставляет нас осуществлять, хотим мы этого или нет, свободу. Мы вынуждены быть свободными. Благодаря этому жизнь есть вечное перекрещивание или сомнение. Мы должны в каждое мгновение выбирать, будем ли мы в ближайшее или в более отдаленное мгновение теми, кто делает то или это; следовательно, каждый выбирает свой род деятельности, свое бытие непрерывно. Четвертое, жизнь непередаваема. Никто не может заменить меня в деле решения моего рода деятельности, а это включает в себя мою личную муку, ибо страдание, которое приходит ко мне извне, я должен принять, моя жизнь является поэтому постоянной и неизбежной ответственностью перед самим собой. Необходимо, чтобы то, что я делаю,

что я думаю, чувствую, желаю, имело здравый смысл для меня. Если мы резюмируем эти атрибуты ... то получается, что жизнь всегда является личной жизнью, жизнью в обстоятельствах, жизнью непередаваемой и ответственной» [цит. по: 86, с. 129—130].

Рассуждения Ортеги приводят к мысли о необходимости человека доверять самому себе, так как в каждое мгновение своей жизни человек обречен на выбор и несет за это ответственность. Но и за отчуждение от самого себя человек тоже отвечает сам, даже если оно обусловлено какими-то обстоятельствами. Таким образом, Ортега связывает идею доверия к самому себе с проблемой личного выбора и ответственности за него, ибо, как им было показано, жизнь человека непередаваема.

Экзистенциализм и феноменологию в своих философских воззрениях соединил Ж. П. Сартр (1905—1980). Направление философии, в рамках которой были написаны его основные произведения, так и называлось — экзистенциальная феноменология. В своей основной философской работе «Бытие и ничто» [271] Сартр много внимания уделяет анализу категории свободы. По его мнению, именно свобода делает возможным бытие, она присуща бытию. Человек «приговорен к свободе» — она является масштабом измерения человека, определяет мотивы, цели, побуждения. Человек есть некий абсолют, который ограничивает свою свободу через сознательный выбор, поэтому любой выбор есть ограничение. Человек имеет бесконечную возможность выбора, но это и обесценивает любой выбор. С точки зрения философа, абсолютная свобода, как и абсолютный выбор абсурдны, ибо они реально невозможны, как все абсолютное. Подобные рассуждения Ж. П. Сартра можно проинтерпретировать в связи с интересующей нас проблемой следующим образом: абсолютная свобода невозможна, как невозможно и абсолютное доверие к себе. Таким образом, уровень доверия к себе определяет масштаб индивидуальной свободы, которая всегда конечна, ибо ограничивается выбором. Итак, представители экзистенциальной философии искали разрешение проблемы соотношения родовой и индивидуальной сущности человека, включив в философский анализ новые категории: выбора, свободы, ответственности. Экзистенциализм выдвинул проблему человека и его свободы как главные проблемы философии, однако и немецкий, и французский экзистенциализм так и не нашли выхода из антиномии свободы и необходимости, а потому остались в позиции пессимистического тупика.

В истории экзистенциализма имели место попытки создания позитивной философии. В этом плане интерес представляют воззрения итальянского философа Николы Аббаньяно (1901—1977), который остается на позициях экзистенциальной философии. Ос-

новой категорией позитивного экзистенциализма Аббаньяно делает категорию возможностей, которую возводит в методологический принцип, называя формулой — «возможность возможностей» и «трансцендентальная» возможность. Данная категория заменяет у него категорию исторической необходимости, в чем исследователи, анализирующие философию Аббаньяно, видят глубоко гуманистическую позицию философа [68].

Основными категориями, определяющими философию Аббаньяно, являются «выбор» и «свобода», по-своему проинтерпретированные философом. По мнению философа, человек не пассивное, а активное существо, способное сохранять верность самому себе, чем и определяется его судьба. Выбор, который составляет судьбу, это не выбор одной возможности — это выбор самого себя, существующий как решение решать. Выбирая самого себя, человек выбирает бытие. Другая характеристика существования, выдвигаемая Аббаньяно, — категория свободы. Структура человека определяется его свободой, понимаемой им как нормативность, долженствование. Таким образом, Аббаньяно по-своему толкует категорию свободы. Если, с точки зрения Сартра, человек обречен быть свободным, то Аббаньяно видит, что человек связан с другими людьми, живет с ними, именно поэтому свобода должна иметь какие-то основания. Разум, ни объективный, ни субъективный, не может быть фундаментом свободы. Свободу определяет само существование, а основной признак существования — трансценденция. Человек реализует самого себя посредством бытия, поэтому существование уже есть свобода. Быть свободным или не быть свободным означает для человека возможность фундаментального выбора. Поэтому свобода обуславливает человеческое «Я».

Итак, Аббаньяно понимает свободу как существование, он вносит в философский анализ категории свободы вектор долженствования, который связывает человека с другими людьми, делает возможной жизнь в обществе. Кроме того, Аббаньяно, анализируя категорию выбора, по существу, говорит о том, что выбирая, человек исходит из своих возможностей, благодаря чему осуществляет себя и свою судьбу. Эти идеи перекликаются с основными идеями, разрабатываемыми в настоящее время представителями гуманистической психологии. Эти же идеи имеют отношение и к обсуждаемой проблеме, поскольку уровень доверия человека к себе связан с его индивидуальной свободой, которую он, действительно, ограничивает сам, и не только потому, что выбирает, но еще и потому, что выбирая, действительно, опирается на какие-то основания, определенные смыслы. Поэтому введенный в философскую концепцию Аббаньяно вектор долженствования нельзя понимать как основание, ограничивающее свободу, а нужно по-

нимать как основание, составляющее один из смыслов, детерминирующих выбор.

Идеей веры человека в самого себя проникнуто творчество французского философа А. Камю (1913—1960), которого считают близким к экзистенциализму. В своих работах, особенно ранних («Изнанка и лицо» [116] и др.), он показывает, что у человека есть единственное богатство, единственная ценность — это он сам, его личность, дух, его творчество. Человек должен уметь оставаться верным себе, и это единственное условие осознания полноты бытия.

Одна из наиболее существенных работ А. Камю «Миф о Сизифе» [117] посвящена анализу наследия крупнейших философов XIX и XX вв. Автор показывает, что в прежние эпохи смыслообразующим фактором был Бог. Однако конец XIX и начало XX вв. ознаменовались идеей «богоутраты», что приводит Ницше и Достоевского к идее вседозволенности. Камю придерживается другой позиции: именно в идее «богоутраты» заключается смыслообразующий фактор, потому что ответственность за все, что происходит в мире, возлагается теперь на человека. Однако человек не в состоянии справиться со столь трудной задачей, ведь в связи с «богоутратой» рушатся все нормы и социальные ценности.

Анализ современного общества приводит философа к выводу, что тоталитарно-бюрократическая машина обесчеловечивает людей, делает бессмысленной их жизнь. Происходит отчуждение человека от самого себя, он не может больше распоряжаться своей судьбой, не может творить мир в соответствии со своими идеалами и ценностями. Человек становится вещью среди других вещей [115]. Как легко заметить, идея Камю об отчуждении человека от самого себя перекликается с мыслями Ортеги-и-Гасета.

Взяв за основу идеи Кьеркегора об отчаянии и абсурде как факторах, приводящих человека к истинной вере, Камю заменяет понятие веры понятием красоты, без которой не может быть ни добра, ни справедливости, ни свободы.

Камю считает наиболее слабым местом истории человеческой мысли противопоставление мира природы миру человека, ведь он сам ее органическая часть. Основное же противоречие заложено не между природой и человеком, природой и культурой, а в самом человеке, в его культуре, идеологии, политике, морали, науке. Человек един с миром, и, лишь образуя это единство, он способен осознать свою свободу и противостоять абсурду. Таким образом, Камю оказался первым, кто в экзистенциальной философии соединил человека и мир в единую онтологию, в единую форму существования, в единое бытие.

Бессмертие человека в религиозном понимании связано с отказом от земной жизни. В противовес этому Камю отстаивает жизнь

человека «здесь и сейчас». Все высшие ценности покоятся на одной основе — красоте природы и красоте человека как ее части. Однако красота не дается человеку легко. Человек становится человеком, личностью, лишь испытывая себя. Для этого необходимо пройти все стадии духовного становления. Только так человек сможет осознать себя и окружающий мир во всей его неприглядности, но он уже человек, он больше никогда не откажется от своей свободы, не согласится быть рабом.

В связи с отказом от религии, по мнению А. Камю, возникает новая история — эпоха «десакрализации», что означает переоценку всех ценностей, по крайней мере, отказ от абсолютных и вечных ценностей. И тогда возникает вопрос о новых ценностях и о новой нравственности, которую должен создать и испытать человек. Если Бога нет, то все зависит от самих людей, ибо Богом становится сам человек. Жизнь человека в постоянном и непрерывном творчестве, которое возможно лишь в условиях осознанной свободы [115]. В этих рассуждениях Камю, как и во всем его творчестве, заключено важное положение, имеющее отношение к поиску философского обоснования интересующей нас проблемы. В творчестве Камю наиболее ярко, даже гротескно выражена идея необходимости доверия человека к себе. Только доверяющий себе человек может быть человеком бунтующим, не соглашающимся быть рабом, отчужденным от себя самого. Однако подлинное доверие к себе возможно лишь у личности, осознавшей свою свободу и направившей свою активность в творческое, созидательное русло. Необходима переоценка ценностей, иначе идея доверия к себе ведет к идее вседозволенности, ибо вместе с идеей богоутраты место, которое занимал Бог, теперь должен занять сам человек, потому что больше никому нести ответственность за все происходящее в его жизни.

Прежде чем закончить анализ развития философской мысли о детерминантах человеческой свободы в поисках меры доверия к себе, нельзя хотя бы кратко не остановиться на творчестве русских философов Серебряного века, в чьих работах задолго до западноевропейской философии были проявлены черты экзистенциализма. Наиболее яркими представителями экзистенциализма в России начала века считаются Н. А. Бердяев (1874—1948) и Л. Шестов (1866-1938).

Русский экзистенциализм возник и сформировался как течение на пересечении немецкой классической философии и христианской традиции [76]. Однако, в отличие от западноевропейского экзистенциализма, он формировался под влиянием русской художественной литературы, особенно Ф.М.Достоевского и Л. Н. Толстого.

Наибольшие споры в научной критике всегда вызывали философские воззрения Л. Шестова, определяемые им самим как «копыт

адогматического мышления». В основных своих работах «Апофеоз беспочвенности» и «Достоевский и Ницше (философская трагедия)» [325, 326] Л. Шестов задолго до Камю утверждал идею абсурдности человеческого существования, требовал переосмысления традиций всей предшествующей философии, изменения акцентов с проблем мироздания на субъекта. Он отказался от рациональности, или идеи «разумности», как подхода, способного понять и описать духовную жизнь человека. С его точки зрения, коренной порок всех философских систем — их служение разуму, науке, логике: «Неужели и теперь, когда все так ясно осознали бессилие разума, имеет смысл считаться с его потребностями?... философия с логикой не должна иметь ничего общего, философия — есть искусство, стремление прорваться сквозь логическую цепь умозаключений и вынести человека в безбрежное море фантазии» [325, с. 102].

С точки зрения Л. Шестова, рационализация познания дискредитирует сам акт познания, уводит познающего человека от «подлинного бытия», поэтому в центр познания должен быть поставлен не объект, а субъект, ибо основной экзистенциальный принцип, выдвинутый Л. Шестовым — субстанциальность «Я». Разум препятствует подлинной свободе, поэтому его надо устранить не только из познания, но и из жизни, ибо любая взаимосвязь и последовательность препятствуют свободной мысли, вживанию, эмпатии, истинному переживанию.

Выдвигая принцип подлинной свободы личности, Л. Шестов приходит к провозглашению «антиэтического» императива. Однако отрицание этического Шестов, в отличие от Ницше, пропагандирует на фоне религиозности. Он вновь обращается к идее Бога, в которой, по его мнению, заключается абсолютное этическое. Согласно его представлениям, человеческая этика посягательства мира оборачивается конформизмом (т.е. зависимостью человека от добра и зла на земле) или с точки зрения рассматриваемого вопроса — отсутствием личной свободы и недоверием к себе. Философская концепция Л. Шестова парадоксальна, свобода у него — это выбор, но не между добром и злом, а между тем, быть злу или не быть. Поэтому у него этическое выступает против этического. В целом Л. Шестова нельзя упрекнуть в имморализме, ибо в конечном итоге он призывает придерживаться этических принципов, но в их религиозном понимании. Таким образом, у Л. Шестова идея абсолютного божественного вновь выступает мерой свободы или мерой доверия человека к себе.

Более последовательные идеи экзистенциализма заложены в Философских воззрениях Н. А. Бердяева. Центральная идея философии Н. Бердяева — идея творчества, которую он связывал с Идеей творения мира. Для этого человеку нужна свобода. Суть фи-

лософии Н. Бердяева, в отличие от ортодоксально-философских воззрений, сводится к тому, что смысл человеческой жизни нельзя свести к личному спасению, человек призван к творчеству. Главные работы Н. Бердяева — «Смысл творчества», «Смысл истории», «Философия свободного духа». Н. Бердяева считают одним из основных представителей русского персонализма. Его философские воззрения сформировались так же, как и воззрения Л. Шестова, под влиянием русской художественной литературы и русской философии Вл. Соловьева и К. Леонтьева. Философское наследие Н. Бердяева огромно, а потому остановимся кратко лишь на идеях, имеющих отношение к предмету обсуждения.

Онтология у Н. Бердяева — это двойственная картина реальности, два противоположных начала — «дух», «ноумен» (личное «Я»), свобода и мир феноменов — объективный мир. Эти две реальности постоянно взаимодействуют между собой. Мир объектов создается в творческой деятельности человека, творчество требует свободы. Но осуществленная в вещах и продуктах творчества духовная сущность отчуждается от человека и начинает жить по своим законам, поработав, в свою очередь, человеческий дух, лишая его свободы. Этот процесс Н. Бердяев назвал «объективацией». Ради душевного спокойствия, надежного бытия человек уступает свою свободу. Однако у него всегда есть выбор жить в свободном Царстве Духа или быть рабом у объективированного царства феноменального мира (царства Кесаря).

Н. А. Бердяев всем своим творчеством призывает к свободе, ибо согласно его основному философскому принципу «личность первичнее бытия». В его творчестве много места отводится идее о том, что человека ничто не может освободить извне, он должен быть свободен прежде всего изнутри. Однако «объективация» стремится поработить человека, сделав его частью общества. Этот процесс Н. А. Бердяев считает «принудительной социальностью», так как именно она лишает человека свободы. Он приходит к такому выводу: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, то есть возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы» [32, с. 46]. Таким образом, Бердяев утверждает идею личной ответственности человека, призванного нести «бремя свободы».

Н. А. Бердяев пророчески выступал против идеи коммунизма, уже в первые годы советской власти увидев основные пороки в способах воплощения коммунистической доктрины: «Что я противопоставлял коммунизму, почему я вел и продолжаю вести войну против него? Прежде всего, принцип духовной свободы, изначальной и абсолютной, принцип личности, как высшей ценности, ее независимости от общества и государства, от внешней среды. Коммунизм, как он обнаружил себя в русской революции, —

это отрицание свободы, личности, духа... Я сторонник социализма, но мой социализм персоналистический, не авторитарный, не допускающий примата общества над личностью, исходящий из духовной ценности каждого человека...» [32, с. 214]. Таким образом, Н. А. Бердяев утверждает идею самоценности каждого конкретного человека, каждой личности, не впадая при этом в другую крайность, связанную с проявлением индивидуализма и эгоцентризма. Анализируя героев Ф. М. Достоевского, он называет их «предельной формой человекобожества», «уродливым самообожествлением», «сатанократией» — или властью сатаны [31, с. 123—139]. Поэтому у Н. А. Бердяева свобода — это не анархия, она невозможна без самоограничения, самообладания и самодисциплины.

В отличие от традиционных идей обращения к Богу, он видит выход в идее «соборности», понимаемой как свободная, в отличие от принудительной, социальность, как «внутреннее духовное изящество, стоящее за внешней церковностью, единение людей между собой и всех вместе с церковью» [31, с. 235]. Таким образом, основная антиномия в творчестве Н. А. Бердяева заключается не в поиске оптимального соотношения родовой и индивидуальной сущности человека, а в антиномии внутренней свободы и сострадания к человеку.

Размышления Н. А. Бердяева позволили ему пророчески определить три возможных пути развития культуры на перепутье в зависимости от выбора, который сделает человечество. Как в сказке, каждый путник может выбрать одну из трех возможностей: «Если пойдешь прямо "на механическом коне цивилизации", потеряешь себя, свою личность, которая увязнет в рамках жестких правил и стандартов. Пойдешь направо — это путь к невозможному, к чуду преображения, внутренней свободы и подлинного творчества; путь налево ведет к тоталитарному варварству и к "сатанизму" вседозволенности» [цит. по: 99].

Итак, философские взгляды выдающихся представителей русского экзистенциализма являются свидетельством концептуальной разработанности понятий творчества, свободы, личности. Ими были в качестве наиболее актуальных для всего человечества поставлены проблемы «внутренней свободы», человеческого самоопределения и самодетерминации. Более пристальное внимание к философским взглядам этих мыслителей позволяет убедиться, что именно их творчество является предтечей современных представлений о сущности личности, о ее свободе, саморазвитии и самоосуществлении. На основании этих идей можно выделить субъектный феномен — *доверие к себе* как один из центральных психологических феноменов, лежащих в основе активности человеческой личности, делающих личность подлинным субъектом жизни.

Итак, проведенный теоретический анализ позволил переосмыслить некоторые положения классической немецкой философии относительно понимания сущности человека и взглянуть на проблему поиска соотношения родовой и индивидуальной сущности человека как на проблему поиска оптимального уровня доверия человека к себе. Ибо, как было показано всем ходом развития философской мысли, абсолютизация любого из названных полюсов ведет либо к личностной самоутрате, либо к утрате своей индивидуальности. Можно предположить, что поскольку меру доверия к себе не находили в эмпирической жизни, ее вынесли за пределы человека и персонифицировали в образе Божьем, а содержание религиозного учения составляло ничто иное, как концептуализацию меры доверия человека к себе.

Кроме того, проведенный анализ показывает, что вместе с идеей богоутраты и возникновением идеи вседозволенности возникла ситуация философского тупика, безысходности, выход из которой был найден экзистенциальной антропоцентрической философией. Ее представители перенесли центр активности человека и его личной ответственности в субъективный мир, мера доверия человека к себе была «возвращена» человеку, а поиск его сущности переместился в пространство категориального анализа философии человеческих возможностей, творчества, свободы, выбора, ответственности за самого себя и свою жизнь, т.е. тех категорий, которые в обобщенном виде имеют прямое отношение к тому тонкому субъектному образованию, которое можно определить как меру доверия человека к себе.

§ 3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ КАК ОТНОСИТЕЛЬНО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ

В предыдущих разделах было показано, что «человек и мир» образуют единую онтологию, которую невозможно разорвать. Поэтому выделенные и рассматриваемые феномены {*доверие к миру, доверие к себе и доверие к другим людям*) имеют статус лишь относительно самостоятельных социально-психологических явлений. Человек одновременно обращен и в мир и в себя, к обьектам реальности он относится пристрасно, с одной стороны, выделяя лишь значимые для себя свойства и качества объектов внешнего мира, а с другой стороны, осознавая лишь те влечения и потребности, которые имеют для него смысл и ценность в данный конкретный момент времени, в данной конкретной ситуа-

ции. Человек никогда до конца не знает мир, его свойства и качества, и он также до конца не знает себя, поэтому человека и мир объединяет в единую онтологию вера в форме доверия. Именно доверие позволяет человеку не бояться вступать во взаимодействие с миром, который он не знает до конца, самостоятельно выбирать цели собственной деятельности и реализовывать их, относясь к себе, к своим переживаниям, одним словом, к своей собственной субъективности как к ценности.

Цель данного раздела состоит в том, чтобы осмыслить, возможен ли феномен доверия к себе как относительно самостоятельное психологическое явление и почему до сих пор такой феномен не был отрефлексирован теоретической психологией среди других феноменологических проявлений человеческой личности. Для реализации поставленной цели необходимо рассмотреть, как решалась проблема личности в отечественной науке, выделить направления и подходы, внутри которых возможно достижение поставленной цели.

История изучения личностной проблематики в отечественной психологии до последнего времени имела устоявшиеся и еще недавно казавшиеся незыблемыми традиции, суть которых заключалась в признании непререкаемого приоритета общественной сущности личности над индивидуальной. Находясь на таких позициях, отечественная психология личности тем не менее была и остается одним из самых развитых направлений психологической науки. Разработке психологии личности посвящены многочисленные исследования и теоретические разработки известнейших представителей отечественной психологической науки, среди которых Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Д. Н. Узнадзе, В. Н. Мясищев, Б. Г. Ананьев, А. В. Петровский, А. А. Бодалев и многие другие.

Наиболее полное представление об истории развития идеи личности в отечественной психологии дает исследование, принадлежащее И. Б. Котовой [152]. В истории развития концепций, парадигм, теорий личности в отечественной науке за последнее столетие ею выделены четыре этапа: на первом этапе (конец XIX — 20-е гг. XX в.) появляется идея личности, осуществляется как бы превращение человека в личность как "идеальную модель", как социально желаемый итог ее развития» [152, с. 10]. Здесь имеются в виду идеи В. М. Бехтерева, А. Ф. Лазурского, Н. Н. Ланге, А. И. Нечаева и других ученых.

Второй этап (30-е — середина 60-х гг.), по словам И. Б. Котовой, отличается тем, что «проблема личности ...приобрела дисциплинарный характер». Этот этап развития идеи личности характеризуется противоречивыми тенденциями, связанными с уничтожением «личностного» в человеке, с одной стороны, и

созданием редукционистских философско-методологических оснований для построения теории личности самого правильного «советского» человека, продиктованной политико-идеологическим социальным заказом, — с другой. Однако необходимо признать, что, несмотря на сложнейшие идеологические условия, внутри которых развивалась наука о личностном в человеке, именно в это время были заложены основные концептуальные идеи, которые впоследствии составили базис дальнейшего осмысления сущности человеческой личности. Сюда, в первую очередь, следует отнести работы таких выдающихся отечественных психологов, как Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, В. С. Мерлин, М. Я. Басов, А. Г. Ковалев и многих других.

Третий период (середина 60-х — конец 80-х гг.) — период создания обозначенных выше теорий — И. Б. Котова характеризует так: «Идея личности трансформируется в личностный принцип, личностная феноменология пополняется "статусом", "социальными ролями", "уровнями притязаний", "установками", "референтностью", "направленностью" и др. Делается попытка построить структуру личности, иерархизировать ее подструктуры, дать новое, более обобщенное понятие о личности. Вновь смешиваются психологический и социологический уровни исследования личности... "Возрождение" идеи личности в проявлении менталитета научного сообщества исследователей обнаруживает себя следующими процессами: превращением понятия "личность" в фоновое условие обсуждения любых психологических проблем (укореняется традиция "приговаривания" слова "личность" в любых контекстах); пониманием личности как особой ценности и условия осмысления целостности психического ("стягивание" к проблеме личности всех проблем реализацией "структурного", "комплексного", а затем и "системного" подходов); проблематизацией понятия "личность", поиском "мира человека и человека в мире", феноменологических коррелятов существа "личностного" (в виде вопросов о пространстве существования, о начале личностной истории, развитии как имманентном условии бытия личности, о соотношениях понятий "индивид", "индивидуальность", "личность"» [152, с. 12]. Однако именно этот период характеризуется поиском и обнаружением нового, иного феноменального поля существования человека как личности, как уникального сущего. К этому периоду относятся работы К. А. Абульхановой-Славской, Б. Ф. Ломова, Л. И. Божович, Д. Б. Парыгина, Е. В. Шороховой, В. А. Ядова, К. К. Платонова, А. Н. Леонтьева и многих других.

В психологических исследованиях этого периода можно найти работы, авторы которых вплотную подошли к выделению того понятийного поля, внутри которого существует интересующий

нас феномен доверия личности к себе, но эти работы выполнены, как правило, в контексте других проблем с использованием другого понятийного тезауруса. Изучались проблемы социальной регуляции и прогнозирования поведения [35, 251, 252]; развитие способности к самоуправлению, самоконтролю и саморазвитию личности как способа расширения возможностей и психологических резервов индивида [77, 219, 220]; стилевые особенности саморегуляции деятельности [4, 149]; формирование морального поведения в детском возрасте [294, 295, 343, 344]; саморегуляция и самоконтроль деятельности в экстремальных условиях [52, 101].

Анализ этих и других работ показывает, что несмотря на то, что полученные в них данные несомненно обогатили психологическую науку интересными и важными эмпирическими сведениями, они сложно сопоставимы, их невозможно «втиснуть» в прокрустово ложе господствующих в то время методологических принципов отечественной науки, на их основе невозможно выделить факторы, способствующие саморазвитию и самопрогнозированию поведения, их индивидуальные и возрастные характеристики. В психологических исследованиях последних лет неоднократно отмечалось, что сложившаяся административно-командная система стремилась к созданию определенного типа личности — «идеального исполнителя», что породило глобальное противоречие, заключающееся в том, что на уровне лозунгов декларировалось развитие индивидуальности, самостоятельности, творческой активности, свободы личности, а на самом деле социально одобряемыми качествами считались исполнительность, жесткая нормативность, адаптивная активность, которые служили социальному заказу общества. Естественно, в таких условиях в феноменологическое поле личностных параметров не мог быть включен феномен доверия личности к себе, изучение которого предполагает выявление механизмов творческой, инициативной, самостоятельной активности личности. Однако именно в этот период были заложены основные положения, позволяющие изучать личность как самостоятельный субъект жизнедеятельности (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Б. С. Братусь) с точки зрения взаимоотношений субъекта и мира (С. Л. Рубинштейн), в которых развивались идеи, высказывавшиеся в работах классиков отечественной психологии о «пристрастности» отношений человека к миру.

Именно С. Л. Рубинштейн выдвигает положение о том, что сознание человека является специфическим способом регуляции Деятельности и поведения человека. И с развитием сознания связано решение проблемы свободы и необходимости для каждого Конкретного человека. Он связывает свободу с центральным феноменом сознания — репрезентативностью результата поступка в

сознании до его совершения. «Отличительная особенность человека — детерминированность через сознание: иными словами, преломление мира и собственного действия через сознание, вот основное для понимания свободы человека и детерминации бытия» [265, с. 194]. В работе «Человек и мир» он предлагает развернутую философско-психологическую концепцию человека как субъекта, способного целенаправленно строить условия жизни и отношение к ней. Последователи идей С. Л. Рубинштейна, изучая личность в качестве субъекта жизни, исследуют ценности, смыслы и способы их реализации в реальной жизни человека как субъекта своей жизнедеятельности. Наиболее конструктивные подходы к изучению внутренней регуляции поведения личности содержатся в работах тех лет К. А. Абульхановой-Славской [2, 3], А. Г. Асмолова [21], М. И. Бобневой [35], Ш. А. Надирашвили [203], О. А. Конопкиной [148], В. А. Ядова [270] и многих других авторов.

Продолжением этой тенденции в поисках сущности личности характеризуется последний, четвертый, этап, отмеченный И. Б. Котовой (конец 80-х — 90-е гг.). К этому периоду относятся в первую очередь работы А. В. Петровского [231, 232], В. С. Мухиной [195, 196], А. Г. Асмолова [22], Н. И. Рейнвальд [257], В. В. Столина [293], В. Э. Чудновского [321], И. С. Кона [138, 141], В. А. Петровского [236, 237, 238], Б. С. Братуся [44, 45], В. П. Зинченко [104, 105, 106], В. И. Слободчикова [280, 281] и других.

В последнее десятилетие психологическая наука характеризуется сменой парадигмальных и методологических оснований и подходов, которые позволили выдвинуть в качестве наиболее актуальных изучение таких проблем, которые длительное время либо не были предметом исследования вообще, либо их изучение ограничивалось рамками марксистско-ленинской этики и философии (духовность, выбор, свобода, ответственность, нравственность, культура и др.). К числу этих проблем относится и проблема доверия. Основной методологический сдвиг произошел благодаря тому, что идея признания приоритетной детерминации развития под воздействием общественных отношений сменилась логикой идеи «самоосуществления», «самостроительства "личности" в со-бытийной общности» (В. И. Слободчиков).

Таким образом, ранее феномен доверия к себе как субъектное свойство личности не выделялся, да и не мог быть выделен, так как лишь в последнее десятилетие появились, «вызрели» методологические предпосылки, позволяющие не только выделить, но и построить теоретическую модель искомого феномена.

В последнее десятилетие в психологии утвердился субъектный подход к изучению человеческой психики (А. В. Брушлинский, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков). Такой подход направлен на изучение человека как конкретного носителя деятельности и пси-

хики, он предполагает «изучение субъектности как высшей системной целостности человека, всех его сложнейших и противоречивых качеств, психических процессов и свойств, его сознания и бессознательного» [46, с. 10]. По мнению многих авторов, понятие субъектности является методологически важным для психологии, так как «именно субъект является носителем всего субъективного и объективного в человеке (отражения, деятельности, сознания Я т.д.) и в этом заключается суть смысловой нагрузки данного понятия в психологии» [287, с. 11].

Последнее десятилетие характеризуется поиском характеристик субъектности и субъективности в психике и поведении человека (К. А. Абульханова-Славская, Е. Ю. Артемьева, Б. С. Братусь, А.-В. Брушлинский, Ф. Е. Василюк, В. К. Вилюнас, В. П. Зинченко, В. С. Мухина, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, В. И. Слободчиков, В. А. Петровский, Б. А. Сосновский, А. Б. Орлов). Можно констатировать, что в последние годы реализуется субъектный подход к психологическому пониманию человека, который предполагает интеграцию видового, социального и уникального в единый, целостный носитель жизни, деятельности, переживания, общения, т.е. всех специфически человеческих форм активности: «Личность становится субъектом, когда она выступает центром самоорганизации и саморегуляции, который позволяет ей соотноситься с действительностью целостным, а не парциальным способом» [250, с. 363]. Большинство авторов различает субъективность и субъектность как две самостоятельные реальности. Б. А. Сосновский дает следующее определение субъектности: «Под субъектностью понимается принадлежность психики единично взятому, т.е. живому, реальному субъекту как действительному ее носителю и фактическому исполнителю деятельности» [287, с. 12].

Когда говорят о субъективности, как правило, имеют в виду все качества психического отражения, заложенные в его научно-мировоззренческом понимании, и прежде всего факт «пристрастности» отражения человеком объективной реальности, иными словами, субъективность понимается как неперменный атрибут сознания и психики (К.А.Абульханова-Славская, Б.Г.Ананьев, А. Г. Асмолов, В. К. Вилюнас, А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов).

Еще одним методологическим основанием, позволяющим выделить субъектный феномен доверия к себе как относительно самостоятельное явление и обосновать его онтологический статус, являются также положения психологической антропологии, развиваемые В. И. Слободчиковым и Е.И.Исаевым [282], предлагающими изучать субъективный внутренний мир человека в качестве основного предмета психологической антропологии. Согласно представлениям данных авторов субъективность — исходная ка-

тегория психологии человека, так как именно она выражает сущность внутреннего мира человека и именно реальность существования субъективности принципиально отличает человеческий способ существования от всякого другого. В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев в указанной работе определяют феноменологическое пространство внутреннего мира человека, в которое включают:

1. Мировоззрение, состоящее из картины мира и образа себя в мире.

2. Пристрастность — мир эмоциональных переживаний, высших чувств человека.

3. Активность устремлений в качестве движущих сил поведения, это — желания, стремления, интересы, потребности.

4. Бессознательные явления — влечения, автоматизмы, привычки, интуиция.

Изучение субъективности как исходной категории психологической антропологии предполагает использование не сциентистской, построенной на естественно-научном подходе методологии, на которой до сих пор базировалась отечественная психологическая наука, а гуманитарной, основанной на изучении целостной человеческой реальности, где человек понимается как «свободное существо, творчески воздействующее на объективные сферы бытия» [282, с. 84]. В этой связи авторы пишут: «Именно в силу своей противоположности миру объектов, субъективность принципиально непознаваема в качестве объекта, непознаваема при подходе к ней с мерками естественно-научного объяснения. Субъективность познается методами ей имманентными, вырабатываемыми в гуманитарных науках» [282, с. 76]. Центральным феноменом человеческой субъективности В. И. Слободчиков считает феномен рефлексии, понимаемой как «специфически человеческая способность, которая позволяет ему сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего себя предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и практического преобразования...» [282, с. 78].

Исходя из принятых в настоящее время методологических подходов к изучению сущности человека, можно предположить, что доверие к себе есть рефлексивный феномен личности, позволяющий человеку занять определенную ценностную (пристрастную) позицию по отношению к самому себе и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию. Доверие к себе сложно измерить эмпирически, оно проявляется в бесчисленных поступках человека, прежде всего в тех, которые соответствуют ценностным представлениям человека о себе и не вступают с ними в противоречие. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с предложенным В. Е. Ключко принципом соответствия, который в данном контексте можно выразить следующим образом: будучи авто-

номным суверенным субъектом активности, человек в то же время стремится соответствовать самому себе, т.е. своим ценностным представлениям о себе. Другими словами, в самом обобщенном виде доверие к себе выглядит как специфическое отношение человека к своему внутреннему миру, к своей субъектности как к ценности.

Доверие к себе, как и доверие вообще, является чрезвычайно динамичным образованием, но его можно осознать в рефлексивной работе с самим собой или в специально организованных психотренинговых процедурах и расширить его границы в психокоррекционной работе, на что и ориентированы самые разнообразные практики стимуляции творчества, в основном рассмотренные нами в предыдущих разделах.

Однако в споре между представителями естественно-научной и гуманитарной парадигм психологического знания существует, как пишет Е. Е. Соколова, точка зрения, основанная на том, что «резкое противопоставление детерминизма и индетерминизма есть своего рода вульгаризация понимания изменчивости онтологической реальности человека как личности» [284, с. 226]. При этом она ссылается на позицию В. Франкла о том, что «человеческая свобода — это конечная свобода. Человек не свободен от условий. Но он свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не обуславливают его полностью. От него, в пределах его ограничений — зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям... В отношении проблемы свободного выбора это предохраняет от отрицания, с одной стороны, детерминистических, механистических аспектов человеческой реальности, а с другой — человеческой свободы в их преодолении. Эта свобода отрицается не детерминизмом» [284, с. 226].

Обозначенные здесь идеи и основанная на них методология позволяют выйти на поиск способов диагностики уровня доверия личности к себе, которые могли бы служить инструментом, позволяющим не только выявить уровень осознания своих собственных возможностей в разных сферах жизнедеятельности и расширить представление о них, но и изменить ценностное отношение к себе, т.е. позицию личности относительно самой себя, но связанную с миром.

Последнее обстоятельство позволяет отнести выделенный феномен к субъектным образованиям личности. Ранее уже было показано, что доверие к себе существует в единстве с доверием к миру, ибо в каждый момент времени человек стремится соответствовать не только себе, но и миру. И выделение явления доверия к себе в качестве самостоятельного личностного образования носит чисто теоретический характер, ибо, с точки зрения современных представлений, «давая самое общее теоретическое опре-

деление личности как субъекта в психологии, мы связываем его с наличием противоречия между личностью, ее мотивами, способностями, потребностями и теми требованиями, которые предъявляет к ней общество, — двумя реальностями, которые никогда не соответствуют друг другу. Качество и мера становления личности субъектом связаны со способностью и способом разрешения ею этого противоречия» [250, с. 362].

§ 4. ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ КАК СУБЪЕКТНОГО ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ

Рассмотрим работы отечественных авторов, в исследованиях которых заложены идеи, позволяющие теоретически обосновать существование доверия к себе как относительно самостоятельного специфического феномена субъектное™. Мы уже указывали, что проблема доверия как самостоятельная специфическая форма веры и как особый модус (условие) ценностного отношения к миру, к другим людям и к себе самому не является общепринятой для отечественной психологической науки. Однако в настоящее время сложились все основания для признания данного явления. Исходная гипотеза состоит в том, что доверие к себе есть относительно самостоятельный феномен субъектности, присущий субъективному миру человеческой личности. Более того, он относится к числу феноменов, связанных с активностью человека, способного действовать как целетворящий, автономный суверенный субъект собственной активности. Таким образом, доверие к себе можно считать условием существования личности как автономного суверенного субъекта активности, способного к самостоятельной постановке целей.

Определенный уровень доверия к себе предполагает определенную ценностную позицию по отношению к самому себе, к своей собственной субъектности. Однако встает задача построения его теоретической модели и описания его феноменологических проявлений. Обратимся к анализу работ некоторых авторов, чтобы найти аргументы в пользу существования данного явления и выделить те идеи, которые помогут пролить свет на структуру и содержание исследуемого явления.

Одной из первых работ в отечественной психологии, посвященных рассмотрению человека как субъекта своей жизни, была монография К. А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» [4]. Автор строит концептуальную модель отношения личности к миру в философско-психологическом плане и под этим углом зрения рассматривает стратегию жизни человека. Она связывает жизнен-

ную стратегию личности с понятием активности, считая, что активность предшествует деятельности (и «сопровождает» ее), так как жизненные планы, замыслы вырабатываются до начала деятельности, когда еще можно что-то изменить, улучшить, предусмотреть. К. А. Абульханова-Славская вводит понятие «меры активности», которое соответствует масштабам решаемых задач, и в этой связи пишет, что «основным свойством активности является ее принадлежность человеку, субъекту, вне которого она не может существовать. Следовательно, субъекту активности присущи все характеристики субъекта деятельности (психические, моральные, социальные, профессиональные и т.д.), но только более личностно окрашенные, личностно направленные» [4, с. 79]. К. А. Абульханова-Славская начала изучение субъектности как особой внутренней реальности человека. С ее точки зрения, активность вызывается потребностью в деятельности и является высшим по отношению к деятельности уровнем, а ее характер определяется и опосредуется высшими жизненными потребностями. При этом активность может выступать как в роли координатора, так и дезинтегратора жизни человека. Таким образом, активность есть способ моделирования личностью своей жизни.

Активность есть условие сохранения автономии личности, но конструктивна активность, по мнению К. А. Абульхановой-Славской, лишь в том случае, если она направлена не на выявление того, «насколько» и «в чем» человек зависит от окружающих, а на осознание содержательных задач своей жизни. В этой связи она пишет: «...гарантом независимости выступает личностная целостность, интересность, значимость личности, прежде всего для самой себя, а уже потом — для других. Потребность в такой целостности (именно в целостности, а не в независимости) является показателем сформированности социальной активности человека, его готовности к социальным взаимодействиям, которые, таким образом, не только не препятствуют развитию его дальнейшей активности, а, напротив, способствуют ей» [4, с. 81].

Итак, К. А. Абульханова-Славская выдвигает параметр значимости личности для самой себя как условие активности и целостности личности. Особую роль в активности человека она отводит мотивам, считая, что активность «представлена» совокупностью мотивов, иерархией мотивов. В целом же регуляция жизни человеком осуществляется в двух планах: ценностно-смысловом и контрольно-действенном. Взвешивая достаточную с точки зрения человека меру соотношения значимости для себя и общественной полезности, личность выбирает адекватную форму проявления активности. Согласно развиваемому представлению о существовании феномена доверия человека к себе, автор рассматриваемой концепции вплотную подходит к вычленению данного явления,

описывая его содержательные характеристики, связывая их с ценностно-смысловым и контрольно-действенным планами внутреннего мира субъекта. К. А. Абульханова-Славская показала, что только человек определяет меру соотношения значимости для себя и полезности (позволительности) для общества любой его активности, любого его поступка. Определяется эта мера, прежде всего, в зависимости от чувства самооценности человека. Важным положением, выдвигаемым К. А. Абульхановой-Славской, является ее представление о том, что, моделируя свою жизнь, человек всегда стремится к целостности. Видимо, одна из наиболее важных функций доверия к себе заключается в том, что, доверяя себе (самостоятельно определяя меру доверия к себе), личность стремится к обретению целостности. На эту функцию веры указывал и М. Бубер [48].

В отечественной психологии также рассматривался вопрос о типологии личности в зависимости от характера, структуры и динамичности системы внутренней регуляции. Еще С. Л. Рубинштейн выделял два основных способа существования человека [265]. Для первого характерно отсутствие рефлексии, когда человек не выходит за рамки непосредственных связей и требований ситуации, зависим от ситуации и внешнего контроля. «Второй способ существования связан с понятием рефлексии, которая как бы поднимает человека над привычным ходом событий и позволяет проанализировать, оценить, осознать. Происходит философское осмысление жизни, и именно это целостное осознание и ценностное отношение становится регулятором и контролером конкретных поступков человека. Философское, обобщенное отношение к жизни определяет как характер поведения личности в конкретной ситуации, так и степень зависимости или свободы от этой ситуации» [265, с. 348]. Таким образом, С.Л.Рубинштейн показал, что, строя свою жизнь в зависимости от того, какие внутренние механизмы регуляции развиты у человека, он полагается в жизни либо на себя, либо на ситуацию, либо на мир. Особую роль С.Л.Рубинштейн при этом отводил соотношению внешнего и внутреннего контроля, показывая, что развитый внутренний контроль связан с рефлексией и ценностным отношением к собственной целостности. Именно в этих положениях заложено понимание того, что доверие человека к себе не должно быть абсолютным, так же как не должно быть абсолютным и недоверие к себе, ибо абсолютизация доверия к себе приводит к личностной стагнации и, в конечном счете, — к личностной самоутрате, так как основной, высшей и единственной ценностью для такого человека является он сам. В этом случае человек становится как бы функциональным органом собственных целей, что в результате может привести к утрате связи с социумом, к деградации личностного развития.

Кроме того, абсолютизация недоверия к себе приводит к самоутрате своей индивидуальности, поскольку не доверяющий себе человек ищет точку опоры вовне, в мире, а потому становится зависимым, несамостоятельным, так как ждет постоянного подтверждения извне и, в сущности, превращается в объект бесконечных манипуляций со стороны других людей, оглядываясь на ситуацию, внешние условия и т.д. и теряя собственную творческую инициативу. Проблема в этой связи заключается в нахождении оптимальной пропорции между этими двумя крайними моделями. Показателем умения находить такую оптимальную пропорцию согласно логике, предлагаемой С.Л.Рубинштейном, служит развитая рефлексия, философский уровень осмысления жизни, являющиеся основой постоянной связи между поступком личности, способствующим практическому выражению собственного «Я», и ее внутренними ценностями и смыслами.

Таким образом, исходя из приведенных здесь рассуждений, можно определить, что оптимальная мера (или уровень) доверия к себе проявляется в способности личности «выходить за пределы» себя, своего опыта или конкретной ситуации, не вступая при этом в противоречие с собой (т.е. со своими ценностями и смыслами). Последние выступают в виде регуляторов и контролеров собственного поведения. Соотношением степени «выхода за пределы» собственного опыта и содержанием определенных личностных смыслов и ценностей и обеспечивается относительная целостность личности. Поэтому сложившийся *уровень доверия к себе служит одним из показателей зрелости личности.*

Созвучные этим идеям С.Л.Рубинштейна мысли развила К. А. Абульханова-Славская в уже упоминаемой работе, где она строит типологию людей с различной стратегией жизни, в основу которой положено соотношение между ответственностью и инициативным отношением к жизни. Ею выделено 5 типов: исполнительный, самопожертвенный, событийно-бытовой, «одинокки» гармоничный. В другой работе [1], также используя типологический подход как метод исследования личности, основой типологии автор делает категорию активности, под которой понимает «присущий личности способ организации жизни, регуляции и саморегуляции на основе регуляции потребностей, способностей, отношений личности к жизни, с одной стороны, и требований к личности общества и обстоятельств — с другой» [1, с. 113—114].

В целом К.А.Абульханова-Славская показала, что стратегии поведения интегрируются вокруг различной степени соотношения инициативы и ответственности личности, зависящих от особенностей отношения человека к себе и другим. Ею были эмпирически выявлены различные соотношения между уровнем обращенности к себе и к другим и показано влияние этих соотно-

шений на регуляцию активности. Фактически в рассуждениях автора контекстуально заложена мысль о том, что в основе регуляции активности лежит уровень или мера соотношения доверия к себе и к миру (или той его части, с которой взаимодействует субъект в каждый момент своей жизни). В то же время, как мы показали в предыдущих разделах, эта мера не может быть постоянной. Она, подобно маятнику, находится в состоянии подвижного равновесия. Уравновешенная мера или состояние равновесия характерно лишь для сложившихся форм активности. Именно оно является гарантом устойчивости как личности, так и деятельности. В основе освоения новых форм деятельности, видов активности, всегда лежит нарушение равновесия либо в сторону увеличения доверия к миру (или подчинения его условиям), либо к себе (как испытания себя, обретения новых возможностей).

Видимо, у человека на ранних этапах онтогенеза в результате обучения и воспитания складываются устойчивые формы поведения, формы активности в виде установок, которые каждый раз при возникновении несоответствия между собой и миром помогают преодолевать его в том или в другом направлении, в зависимости оттого, что для него является более значимым, несет в себе большую ценность — мир и предлагаемые им условия или активная собственная позиция. Другими словами, к чему он относится с большей долей доверия — к миру или к самому себе как носителю активной позиции, противостоящей миру и его условиям. К. А. Абульханова-Славская приходит к выводу, что самопознание является необходимым фактором, способствующим выбору оптимальной для каждого человека стратегии жизни. А самопознание в первую очередь предполагает адекватное представление личности о своих возможностях.

Итак, анализ работ С.Л.Рубинштейна и К.А.Абульхановой-Славской показывает, что ими была подготовлена «почва» для теоретического обоснования и описания феноменологических характеристик доверия человека к себе. Ими были описаны содержательные параметры этого феномена, опирающиеся на оптимальное соотношение инициативы и ответственности.

Самое важное положение, которое было экспериментально обосновано и подтверждено работами, выполненными в этом направлении, заключается в том, что активность в них рассматривается с точки зрения соотношения субъективных ценностных отношений личности к себе и к миру (или различным его составляющим). Регулируя свое поведение, прогнозируя его, человек всегда определенным образом соотносит свои возможности (в той мере, в которой он их осознает) с тем, насколько важны, значимы для него требования и условия, исходящие из внешней действительности. Иными словами, речь идет о соотношении зна-

чимости для человека собственной прогнозируемой активности (связанной с осознанием собственных возможностей) со значимостью условий и требований, исходящих извне, чем в конечном счете и определяется мера соотношения доверия к себе и к миру.

Для обоснования выдвинутого предположения о том, что условием сохранения целостности личности является доверие к себе, или ее способность выходить «за пределы», не вступая с собой в противоречие, необходимо обратиться к анализу тех современных концепций личности, в которых внимание сконцентрировано на смысловой, т.е. содержательной сфере личности. В этой связи большое значение имеет концепция личности, разработанная Б. С. Братусем [44].

В отечественной психологической науке он был первым, кто нарушил традицию изучения личности со стороны деятельностного подхода и построил смысловую концепцию личности, основанную на нравственно-ценностном подходе. Б. С. Братусь показал, что бытие, понимаемое как система сменяющих друг друга деятельностей, это «чрезвычайно важный и плодотворный аспект, подчеркивающий деятельностную природу человека... Однако принятие лишь такого взгляда обнаруживает известную недостаточность. Да, личность проявляет и формирует себя через деятельность, у нее нет по сути других путей формирования и реализации себя. Но она не сводится, не растворяется без остатка в любой из форм этой реализации, не сливается полностью и безраздельно с субъектом деятельности, а составляет особое, системное прямо не сводимое к деятельности и прямо не выводимое из деятельности образование, существенной характеристикой которого является нравственно-ценностное (или ценностно-смысловое) отношение к происходящему» [44, с. 123]. Б. С. Братусь образно представляет личность как некое идеальное «тело», существующее в трех основных плоскостях:

плоскости сменяющих друг друга деятельностей (или плоскости бытия);

плоскости системы значений (или плоскости культуры);

плоскости смыслов как «значения значений», понимаемые как «динамические системы сознания, несущие пристрастные отношения человека к действительности, преобразующие в сознании саму эту действительность» [44, с. 121].

Данные положения позволяют предположить, что расширение личного опыта путем освоения все более разнообразного поля Деятельностей и одновременно мира помогает человеку все более повышать уровень доверия к миру. Таким образом, знания о мире, овладение его различными составляющими или плоскостями культуры способствуют расширению границ доверия к миру. Но означает ли это гармоничное расширение границ доверия к себе?

С точки зрения данного автора, личность человека есть системное образование, по-своему отражающееся в каждой из этих плоскостей: деятельности, значения и смысла. По мнению Б. С. Братуся, принципом, связывающим все три плоскости в единую систему, является принцип деятельностного опосредствования. Здесь продолжена традиция, заложенная в культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и получившая развитие в трудах А. Н. Леонтьева и А. В. Петровского.

Согласно концепции Б. С. Братуся, культура воспринимается в процессе освоения разных видов деятельности и именно благодаря ей (деятельности) приобретает значения, которые становятся личностными смыслами, что «порождает особый внутренний план — нравственное сознание с присущими ему уровнями и функциями» [44, с. 126]. Таким образом, личностные смыслы человек приобретает на основе собственного опыта, благодаря освоению поля многообразных деятельностей.

Весь пафос разрабатываемой Б. С. Братусем концепции личности сконцентрирован вокруг анализа нормы и патологии развития. Нормальным автор считает такое развитие, «которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности». Он выделяет условия, или критерии, этого развития:

«отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода "человек" (центральное системообразующее отношение);

способность к децентрации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения;

творческий, целетворящий характер жизнедеятельности;

потребность в позитивной свободе;

способность к свободному волепроявлению;

возможность самопроектирования будущего;

вера в осуществимость намеченного;

внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями;

стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни» [44, с. 50].

Таким образом, Б. С. Братусь выделяет критерии личностного в человеке или составляющие того, что называют родовой человеческой сущностью. Если проанализировать названные критерии с позиций соотношения доверия к себе и доверия к миру, становится понятно, что без доверия человека к себе и, кстати, одновременно доверия к другим (как части мира) невозможен творческий, т.е. целетворящий характер жизнедеятельности, не может быть самопроектирования будущего, так как доверие к себе предполагает прежде всего отношение к себе как к самоценности, а доверие к другому — отношение к другому как к ценности.

В целом практически все выделенные Б. С. Братусем условия или критерии нормального личностного развития требуют определенного соотношения уровня доверия человека к себе и к той части мира, с которой он взаимодействует, что совпадает, по мнению Б. С. Братуся, с обретением человеком своей родовой сущности.

В этой связи еще раз можно подчеркнуть, что *развитие оптимального уровня доверия к себе является показателем не только целостности, но и зрелости личности.*

Что же такое оптимальный уровень доверия к себе? Представляется, что это сложное образование, которое не является величиной постоянной, ибо этот уровень определяется перманентно происходящим соотношением человеком себя миру. Другими словами, прогнозируя свою деятельность или выбирая цели, человек, с одной стороны, «выходит за пределы» себя, т.е. уже накопленного опыта, а с другой стороны, обращаясь к смыслам, добытым, сложившимся в прошлом опыте, опирается именно на них. Это и означает, что доверие к себе есть способность «выходить за пределы» себя, не вступая в противоречие с собой. Иначе нет целостности, нет устойчивости личности, но нет и изменения, нет развития. Итак, оптимальный уровень доверия к себе как показатель зрелости личности проявляется в ее способности «выходить за пределы» себя, не вступая с собой в противоречие.

Б. С. Братусь в своей монографии подчеркивает роль веры в акте творческого строительства своей жизни. Он пишет: «Целетворение, постановка идеальных проектов преобразования себя и мира подразумевают наряду с волей еще одно важнейшее условие. Это условие — вера человека в возможность, правильность, осуществимость этих идеально представленных целей и проектов... Человек без веры, ни во что не верящий — это человек без будущего, без нравственных перспектив и опор в жизни, не способный к преодолению и преобразованию себя и действительности, человек причинно обусловленного, но отнюдь не целесозидающего действия» [44, с. 35—36].

Таким образом, напрашивается вывод, что вера есть механизм, средство, объединяющее прошлое и будущее человека в один целостный процесс. Ибо если проектируемое будущее полностью отрывается от прошлого опыта, определяющего возможности человека, то его цели будут иллюзорны и фантастичны, далеки от реальности и их достижимость будет маловероятна или будет вступать в противоречие с имеющимися ценностями и смыслами личности. В то же время, если вероятность проектируемого будущего подвергается сомнению, отсутствует вера в его возможность, оно все равно останется иллюзорным. Следовательно, вера способствует слиянию прошлого и будущего в единый целостный акт жиз-

недеятельности, и в этом ее важнейшая функция. Именно доверие как форма веры оказывается механизмом, обеспечивающим целостность личностного бытия.

Ранее уже было показано, что теория инициативных систем, разработанная В. Е. Ключко, имеет непосредственное значение для понимания того, как возможно одновременное доверие человека к миру и к себе. Вернемся еще раз к анализу некоторых положений названной теории, так как ее автору удалось вскрыть внутренние механизмы способности человека «выходить за пределы», расширять свои возможности и развиваться и объяснить, почему при этом одни люди способны самостоятельно ставить себе новые цели, т.е., с точки зрения рассматриваемого явления, развиваться, повышать уровень доверия к себе, а другие нет.

Автор вводит понятие «психологическая система», в которую включает личность, деятельность и психику, образующие единую психологическую ситуацию, и показывает, что движущей силой перехода к гетеростатическому функционированию является противоречие, возникающее внутри ценностно-смысловой структуры ситуации, между тем, что для человека возможно, и тем, что необходимо. Результат такой борьбы может привести к неадаптивным, непредзаданным формам поведения, а может и не привести к ним. Все дело, по мнению В. Е. Ключко, заключается в том, осознает ли человек свои возможности или не осознает их. Если человек осознает, что он может больше, чем требуется в данной ситуации (т.е. доверие к себе больше, чем к миру), то это может привести к актуализации новой потребности, которая перестраивает всю психологическую систему. Перестройка заключается в том, что приобретают смысл и ценность новые предметы и явления, входящие в психологическую ситуацию, а старые либо приобретают новые смысл и значение, либо обесмысливаются.

Особую роль автор отводит эмоциям и выдвигает гипотезу о том, что эмоции представляют собой процесс, лежащий в основании всех других регуляторов (потребности, цели, мотивы, смыслы и т.д.) и координирующий их возникновение и функционирование. С его точки зрения, всего два процесса пронизывают по вертикали все уровни деятельности (мотивационный, целевой и операциональный): это установки и эмоции. При этом установки обеспечивают стабильность, устойчивость всей деятельности и отдельных ее уровней, а эмоции — подвижность и избирательность, связь с ситуацией.

В результате у автора возникла гипотеза об эмоционально-установочных комплексах (как разных образованиях, которые невозможно суммировать, так как они выполняют разные функции), обеспечивающих динамику, устойчивость и направленность как личности, так и деятельности, т.е. всей психологической сис-

темы. Автор экспериментально выявил четыре типа стратегий поведения людей в потенциально проблемных ситуациях:

выход за рамки ситуации (задаваемой инструкции), самостоятельное обнаружение и формирование, постановка и реализация (без побуждения со стороны экспериментатора) познавательных целей, приводящих к мыслительной деятельности (18 % испытуемых);

стремление «уйти» от потенциальной проблемы уже на стадии обнаружения момента несоответствия на эмоциональном уровне или путем различной интерпретации осознанного противоречия, которая позволяет избежать перестройки деятельности в мыслительную (20 %);

обнаружение противоречия, но отсутствие попыток, направленных на формирование проблемы на их основе, игнорирование противоречий (38 %);

неспособность к обнаружению возникающих в процессе деятельности противоречий без специальной, направляющей этот поиск инструкции (24 %) [122, с. 51].

Если попытаться интерпретировать выявленные автором стратегии поведения с точки зрения обсуждаемой нами проблемы, можно провести аналогию с другими ситуациями, в которых человек оказывается перед необходимостью выбора. Итак, если возникает ситуация, в которой человек может больше, чем от него требуется, то возможны четыре описанные стратегии поведения. Они и определяются уровнем или степенью доверия к себе, в данном случае в сфере самостоятельной постановки новой познавательной задачи, причем названные стратегии расположены от преобладания доверия к себе в сторону его убывания, вплоть до неспособности обнаружения несоответствия, т.е. возможности постановки новой задачи, что означает отказ в доверии к себе и преобладание доверия к миру.

Отметим еще одно обстоятельство: описывая вторую стратегию поведения, В. Е. Ключко отмечает, что, обнаруживая несоответствие, человек может не просто его игнорировать, а стараться «уйти» от проблемы путем всевозможных интерпретаций. Данное обстоятельство позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в случае недостаточно развитого уровня доверия к себе в той или иной сфере жизнедеятельности человек прибегает к использованию всевозможных психологических защит, которые и выглядят как интерпретации для оправдательного «ухода» из ситуации выбора.

Различные стратегии поведения в потенциально проблемных ситуациях определяются особенностями эмоционально-установочных комплексов, сложившихся в процессе развития личности. «Тот особый личностный смысл, который приобретают элементы ситуации деятельности, образуется не только на основе эмоцио

нальных компонентов, но и на базе той фиксированной личностной установки, которая находится в связи с эмоциональной компонентой» [122, с. 52]. С эмоционально-установочным комплексом связана позиция личности, сформировавшаяся в прошлом, — либо деятельность направлена на разрешение противоречия, либо на уход от противоречия при соответствующем эмоциональном сигнале. Видимо, названный и экспериментально зафиксированный данным автором эмоционально-установочный комплекс связан с тем, что мы называли доверием или недоверием к себе, поскольку именно им определяется позиция личности при решении возникшего противоречия.

Эмоционально-установочным комплексам отводится роль центрального звена самоорганизации мышления (и поведения) на стадии инициации. Эмоционально-установочный комплекс — непосредственный участник процесса мотивообразования. Эмоция репрезентирует сознанию возможность перехода от адаптивного поведения к сверхадаптивному, причем эта возможность связана с отображением в сознании той части среды, которая несет на себе отпечаток ценностей.

Автор считает, что правомерно говорить не только о смыслообразующих мотивах (А. Н. Леонтьев), но и о мотивообразующих смыслах, благодаря которым в деятельности с конкретным предметом человек получает возможность удовлетворить потребность, более высокую по рангу, но еще не ставшую актуальной. Взаимодействия между двумя видами смыслов, приводящие к развитию противоречий между ними, автор предлагает считать механизмом трансформации деятельности, источником самодвижения мыслительной деятельности на стадии инициации. Важную роль в процессе целеобразования играет ценностный аспект, который, по мнению автора, еще не стал предметом исследования, так как вопрос целеобразования не ставился в теориях, считающих, что мышление начинается после принятия задачи к решению, хотя целеобразование в этих случаях принципиально отличается по типу эмоционально-ценностной регуляции.

Таким образом, согласно представлениям В. Е. Ключко, в случае самостоятельной постановки целей главную роль играют ценностные (смысловые, по Б. С. Братусю) образования личности и их эмоциональная репрезентация. На наш взгляд, именно феномен доверия к себе участвует в процессе целеобразования, так как выбор цели определяется тем, насколько человек верит в ее достижение и умеет конструировать в рефлексивном внутреннем плане способы ее достижения, т.е. считает для себя возможным достичь поставленную цель способами, не противоречащими его внутренним личностным смыслам. Можно образно сказать, что человек настолько доверяет себе, насколько он способен «выйти

за пределы» своего прошлого опыта, не входя в противоречие с собой, со своими внутренними ценностями и смыслами. Имеется в виду «радиус самораспространения», который человек себе позволяет. Этот «радиус» и определяет масштаб жизненных задач, которые человек способен самостоятельно ставить для себя. Поэтому в любой активности имеет место проявление определенно-го уровня доверия к себе в конкретной сфере жизнедеятельности. При этом в одних сферах жизнедеятельности у человека может быть сформирована установка на доверие к себе, а в других — нет. Все зависит от того, какие возможности человек в себе осознает и какую личную, индивидуальную ценность, значимость имеют для него потребности, связанные с той или иной сферой жизнедеятельности. Потому доверие к себе имеет те же самые формально-динамические признаки, что и доверие к другому: меру, избирательность и парциальность.

Предлагаемая и рассматриваемая здесь теория позволила В. Е. Ключко сформулировать и доказать следующую гипотезу: на индивидуальном уровне надиндивидуальное представлено эмоциональным способом и всякий выход «за пределы», если он не осознается в своем социальном значении, подкрепляется эмоционально [122, с. 69]. Данная гипотеза позволяет сформулировать два следствия, имеющие практическое значение как в психотерапевтическом, так и в психолого-педагогическом смысле.

Во-первых, если социальное значение сверхнормативной активности человека не осознается в полной мере, это означает, что человек не полностью рефлексировал свои индивидуальные автономные возможности, что согласно нашему предположению снижает уровень доверия к себе и сказывается на жизненных достижениях. Следовательно, в рамках психокоррекции и психотерапии необходима специальная работа по конструированию процедур, направленных на развитие саморефлексии своих возможностей, позволяющих человеку творчески строить собственную жизнь, т.е. самостоятельно принимать ответственные решения и нести за них персональную ответственность. Только такая позиция способствует личностному росту человека посредством наиболее полного осознания своих возможностей, что и является важнейшим условием самореализации.

И, во-вторых, исходя из предложенной концепции, возможно и другое следствие, на которое указывает сам автор. Он пишет, что психологическая система личности ребенка как бы созревает. Внутри совместной психологической системы взаимодействия с Взрослым (об этом же говорит В. И. Слободчиков, разрабатывая концепцию развития личности в со-бытийной общности [281]), Но постепенно происходит автономизация ребенка как суверенной психологической системы. Экспериментально В.Е.Ключко

показал, что уже к 10—11-летнему возрасту закрепляются типичные для взрослых формы поведения в потенциально проблемных ситуациях, т.е. личность становится автономной, способной к самостоятельной постановке целей и принятию решений в социально значимом поведении.

Однако существующая педагогическая система обучения и воспитания традиционно базируется на таких способах взаимодействия с детьми, что лишь 18 % учащихся оказываются способными к самостоятельному «нормотворчеству», пониманию истинного значения и смысла собственных действий. Следовательно, необходимо перестраивать педагогическое взаимодействие в системе учитель—ученик, искать такие методы обучения и воспитания, которые развивали бы творческую активность ребенка, способствовали росту его самостоятельности как реализации творческого потенциала. Такие методы должны быть направлены на расширение осознания своих возможностей ребенком, что означает ориентацию на развитие у ребенка доверия к себе уже в детском возрасте. Эти идеи, на наш взгляд, контекстуально заложены в учении Л. С. Выготского о «зоне ближайшего развития», а также в работах А. С. Макаренко, в которых речь идет об авансировании доверием как методе, направленном на формирование самостоятельности и ответственности [178].

В. Е. Клочко называет все это самоорганизацией личности. Вероятно, это так. Однако самоорганизация личности на субъективном, личностном уровне означает в первую очередь наличие у человека доверия к себе, понимаемого как полноценное овладение собой, своей сущностью, как способность самостоятельно ставить цели и действовать в соответствии с ними, сохраняя адекватную критическую позицию по отношению к самому себе, способность предвосхищать результаты действий до их выполнения, самостоятельно строить стратегию достижения целей в соответствии с внутренними личностными смыслами. Все это означает умение соотносить возникающие потребности с возможностями их реализации в данной ситуации и с присвоенными личностью социокультурными ориентирами, имеющимися в обществе (или своими представлениями о них). Таким образом, оптимальный уровень доверия к себе в конечном итоге предполагает овладение способностью к самоорганизации своей жизни. Все это возможно лишь при условии отношения к себе, своей субъектности как к ценности.

Итак, проведенный теоретический анализ показал, что логика развития психологической науки, в которой в настоящее время утвердился субъектный подход, позволяет не только выделить и обосновать существование доверия к себе как относительно самостоятельный субъектный феномен личности, но и выявить его

функции, описать феноменологию и построить теоретическую модель феномена. *Доверие к себе* можно определить как *рефлексивный, субъектный феномен личности, позволяющий человеку занять определенную ценностную позицию по отношению к самому себе, к миру* и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию. Таким образом, наличие доверия к себе является важнейшим условием субъектности личности.

§ 5. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ КАК СУБЪЕКТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В психологической науке в последние годы стали появляться теории, авторы которых пытаются по-новому переосмысливать сущностные характеристики личностного в человеке, все больше выдвигая на первый план различные внутриличностные образования, еще недавно привлекавшие внимание только представителей психотерапевтического направления в психологии. В настоящее время эти проблемы становятся предметом теоретического анализа, а потому акцент исследований все больше перемещается в сторону выявления роли и места значимости тех переживаний, которые участвуют в позитивных изменениях личностного развития. Это дает основание, с одной стороны, приблизить теоретически и практически ориентированные направления психологии друг к другу, а с другой — по-новому осмыслить, реинтерпретировать уже накопленный опыт изучения личности.

Проблема доверия к себе относится к числу экзистенциальных проблем человека, ибо доверие к себе, его уровень связаны с многочисленными выборами, которые он каждый раз должен сделать сам: «Экзистенция, это то, что ты должен сделать сейчас, здесь. Она исключает откладывание на завтра или перекладывание на плечи другого — на плечи ближнего, на плечи нации, государства, общества. Ты должен сам...» [180, с. 20]. Продолжая тему, М.Мамардашвили писал: «Потому что, в конце концов, все решается там, в этой точке, где мы стоим — и движемся внутрь себя. Никакая сила внешних событий не решит наших проблем, если мы сами не ангажированы в их решение... Потому что в конечном итоге все будет решаться не космическим масштабом развала, а размером того, что ты сам сделал и на что ты способен. Из этого будет выведен интеграл, и это будет твоя судьба...» [180, в. 55]. Таким образом, уровень доверия человека к себе в целом в конечном счете связан с индивидуальными возможностями самореализации. Можно предположить, что умение доверять себе является одним из показателей психологического здоровья лично-

сти. Но что значит умение доверять себе? До какого предела человек может и должен доверять себе?

Теоретический анализ показывает, что феноменологически доверие к себе выступает как способность самостоятельно делать выбор и ставить цели. Основывается эта способность на осознании человеком своих возможностей, но при этом необходимо еще и понимать причины, которые эти возможности ограничивают. (Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что доверие к себе как важная атрибутивная характеристика личности наиболее четко отрефлексирована в практически ориентированных направлениях психологии, связанных с психотерапевтическими и психокоррекционными практиками.) Опыт таких практик показывает, что доверие к себе базируется на обобщенном индивидуальном внутреннем опыте, и лишь этот опыт обладает характеристиками нравственности, которые не поддаются измерению, ибо являются весьма относительными и индивидуальными (как индивидуально содержание любых личностных смыслов), и каждый человек имеет собственное их понимание или эмпирически выстраданное, т.е. добытое в индивидуальном опыте представление о хорошем и дурном, справедливом и несправедливом, добре и зле. Именно этот момент имел в виду Э. Фромм, когда дифференцировал веру на рациональную и иррациональную. В одной из своих работ он писал: «... рациональная вера основывается на нашем собственном опыте, плодотворности, ее предметом не может быть ничто, выходящее за пределы человеческого опыта. Более того, из анализа следует, что мы не можем это считать рациональной верой, когда человек верит в идеи любви, разума и справедливости, не потому, что он пришел к этим идеям путем собственного опыта, а лишь потому, что его научили этой вере» [312, с. 202].

Такие представления, добытые эмпирическим путем, основанные на обобщении прошлого опыта, постигаются скорее не рациональным, а эмоциональным способом. На самом деле они являются преградами, барьерами, фильтрами, которые ограничивают свободу (выступают как внутренний контроль) и тем самым ограничивают доверие человека к себе. На этих представлениях и строятся представления человека о должном. Если это условие не соблюдается, то человек вынужден вступить в противоречие с собой, что приводит к бесконечным внутренним конфликтам и в конечном счете — к утрате личностной целостности. Но это, с одной стороны, а с другой — именно эмпирические представления о должном, их содержание направляют то, что представители гуманистической психологии называют «личностным ростом», в позитивную, созидательную сторону.

На эмпирическом уровне доверие к себе проявляется прежде всего в том, что человек приписывает себе какие-то качества и

верит в истинность этих самоатрибуций. Другой важной характеристикой личности, детерминирующей ее активность, как известно, является уровень притязаний [42]. Именно самооценка совместно с уровнем притязаний дает человеку представление о своих возможностях, определяет его знание о самом себе. Но в еще большей мере доверие к себе становится возможным за счет того, что, обладая личностными смыслами, человек не подвергает их сомнению, сливается с ними, верит в них. И каждый раз, намереваясь совершить какой-либо поступок, т.е. реализовать ту или иную возможность, он должен соотнести, насколько предполагаемый поступок соответствует его внутренним личностным смыслам.

Понять сущность выделенного явления и описать его феноменологические характеристики можно с точки зрения психологии поступка. В отечественной психологии в последнее время изучению поступка человека уделяется все больше внимания. Не останавливаясь подробно на анализе работ, посвященных психологии поступка, отметим лишь, что, по мнению практически всех авторов, роль поступка в жизни человека чрезвычайно велика, ибо именно «поступок порождает личность, он модифицирует сознание, поднимая его с бытийного на рефлексивный уровень благодаря осознанию самого себя, своих собственных возможностей, в том числе запасов физической и нравственной энергии» [104, с. 51], именно поэтому поступок следует понимать как «результат развития, а не функционирования» [104, с. 49], как «средство саморазвития личности» [106].

Существует много определений поступка, при этом все авторы отмечают наличие внутренней работы, происходящей до его появления. Так, например, В. В. Столин пишет: «Поступок — это "перекресток, пересечение двух деятельностей"... Конфликтный смысл поступка переживается уже до его свершения либо как сознательная дилемма, либо чаще — как субъективная трудность, нежелание, т.е. в форме эмоциональной сигнализации об этой конфликтности» [293, с. 108].

Таким образом, поступок всегда связан с выбором, неважно осознанно или неосознанно это происходит. Если вера это то, что невозможно доказать абсолютно логическим способом, а доверие есть форма веры, то человек в своей жизни принимает на веру не только адекватность собственного отношения к себе, но и «правильность» своих многочисленных предполагаемых будущих поступков, «правильность» сделанных выборов, а также вероятность исходов своей деятельности, которые тоже не очевидны, ибо «человеческий мир динамичен, неожидан, не определен, скверно предсказуем. Почти никогда не знаешь, где найдешь, а где — потеряешь» [89, с. 302]. Фактически человек, каждый раз делая выбор, разрешает его себе, веря в свои возможности и правильность

выбора. Но одни люди доверяют себе в большей мере, а другие — в значительно меньшей, и это влияет на жизненные достижения каждого отдельно взятого человека, т.е. в конечном счете сказываясь на уровне самореализации.

Описывая плоскости существования личности, Б. С. Братусь плоскость смысловых образований личности называет динамической системой. Это важное обстоятельство, ибо именно эта система может в достаточной мере легко, а может быть, и не очень легко, но изменяться самим человеком и его поступками, причем происходить это может как осознанно, так и неосознанно. Эта система является весьма хрупким образованием, подвергающимся развитию, изменениям, как в позитивную, так и в негативную сторону. Однако, не замечая, как меняются в совершённых поступках личностные смыслы, человек продолжает верить в их устойчивость. Следовательно, важная задача практической психологии — помочь человеку полнее осознавать изменения в смысловой сфере в связи с теми поступками, которые он себе разрешает. И важнейшую роль в этом отношении играет уровень доверия человека к себе. Человек постоянно меняется, его изменяет каждый совершенный им поступок, осуществляя выбор в поступке, человек может менять свою внутреннюю «разрешительную систему». Мы ввели понятие «разрешительная система», так как человек разрешает себе поступок (доверяет себе его совершение). Здесь уместно сослаться на уже цитированную работу В. П. Зинченко, который писал: «Влияние поступка на личность необратимо. Поступки не только строят личность, они модифицируют, меняют ее, поднимают ее над деятельностью, над самосознанием и сознанием, расширяют число степеней свободы, которые характеризовали ее до совершенных поступков» [104, с. 49].

Если предполагаемый поступок противоречит внутреннему «Я» человека или системе его внутренних смысловых образований, то он вступает во внутреннее эмоциональное противоречие с самим собой (обозначаемое как переживание), личность получает об этом эмоциональный сигнал (В. Е. Ключко), а находиться сколько-нибудь долго в таком состоянии не может. У человека есть три возможности внутренне выйти из этого противоречия: отказ от деятельности, от поступка; совершение поступка и использование любого способа психологической защиты для самооправдания (что достаточно хорошо изучено в психоанализе и наиболее полно проанализировано А. А. Налчаджяном [206] и Ф. Е. Василюком [52]); и наконец, это честное признание своей неправоты, собственной ошибки после совершения поступка. Использование любого способа психологической защиты можно классифицировать как самообман [96], который связан с неумением, а часто с нежеланием из-за чрезвычайной травматичности раскрываться са-

мому себе. Таким образом, доверие к себе связано с самораскрытием себе самому.

В этой связи В. П. Зинченко заметил, что: «... подготовка к поступку — это акт, требующий значительного мужества и открытости в разбирательстве с самим собой, инвентаризации своих жизненных ценностей и предпочтений» [106, с. 187]. Однако, как известно из многочисленных литературных источников, такое самораскрытие может быть крайне травматично для личности, а потому использование психологических защит чаще всего не осознается человеком. В то же время, как только человек вступает на путь использования психологических защит, а делает он это, как известно, большей частью неосознанно, начинает постепенно меняться его внутренняя «разрешительная система», он начинает признавать за собой очередную возможность поступать определенным способом. В результате возникает противоречие — человек продолжает думать о себе одно, но поступать совершенно по-другому, вновь и вновь обманывая себя, находя всевозможные способы самооправдания. Можно образно представить себе модель внутренних изменений человека как «планку» субъективно воспринимаемых человеком собственных возможностей, которая постоянно меняет свое положение в вертикальном направлении, она может подниматься или опускаться, причем человек не замечает этого. Сходная мысль содержится и в работах Э. Фромма, который пишет о двух направлениях трансценденции — творческом развитии личности и саморазрушении. При этом он считает, что потребность преступая идеалов (или смыслов и ценностей) и желание разрушать неизбежно возрастают, когда стремление к творчеству не может быть удовлетворено [310, 313].

Человек в своей жизни обречен на постоянный выбор, и потому доверие к себе проявляется в том, какие поступки человек совершает, позволяя их себе, неся за них ответственность. В этой связи исследовательская задача состоит в том, чтобы понять, чем в конечном счете детерминируется выбор и как происходит разрешение возникающих противоречий во внутрисубъектном пространстве личности, каковы эти противоречия.

Постановка такой задачи, естественно, не является новой. Ее по-разному решали отечественные исследователи в зависимости оттого, что являлось предметом их исследования. Так, например, В. В. Столин, изучая самосознание личности, показал, что единицей самосознания является конфликтный смысл [293]. Ф. Е. Василюк, предметом исследования которого явились переживания человека, в основу переживания также положил конфликты, возникающие во внутриличностном пространстве человека [52].

В одной из своих работ В. П. Зинченко в этой связи писал следующее: «Многие представители школы Л. С. Выготского, обсу-

дая вопрос о целостности личности, пытались определить или, точнее, указать, что представляет собой ядро личности. А. В. Запорожец, перебирая разные варианты от воли до установки, в конце жизни пришел к идее о том, что эмоции — ядро личности. Согласно Л. И. Божович, таким ядром является самосознание, выраженное во внутренней позиции; согласно А. Н. Леонтьеву, главное в личности — это иерархия мотивов; по В. В. Давыдову, — это творческий потенциал. Этот перечень легко может быть продолжен. Назывались: совокупность потребностей, смысловые образования и многое другое. Между этими взглядами на личность (или на ее ядро) нет противоречий. Подлинная личность не редуцируется к взглядам на нее, кому бы они ни принадлежали... Все трактовки личности имеют право на существование. Личность, как и сознание (по М. М. Бахтину), полифонична, многоголосна и полицентрична» [104, с. 48].

Последнее дает право предположить, что противоречия во внутриличностном, внутрисубъектном пространстве могут возникать между различными внутриличностными образованиями. Важно, что поступок или его замысел возникают «на пересечении» этих образований. Поэтому уровень доверия человека к себе определяется тем особым образованием, внутри которого, в конечном счете, как в едином узле «завязываются», интегрируются различные внутриличностные образования, принимающие участие в инициации и детерминирующие саморазрешение на поступок. Поэтому уровень доверия человека к себе, как и доверия, проявляющегося в любой сфере жизни, является весьма динамичным, непостоянным образованием, хотя именно его непостоянство обеспечивает относительную устойчивость, целостность личности, с одной стороны, и развитие, самоизменение — с другой.

§ 6. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ

Высказанные в предыдущем разделе предположения находят свое подтверждение в различных исследованиях, в которых предметом анализа становятся различные формы активности личности.

В первую очередь обратимся к анализу концепции субъектности В. А. Петровского, которая имеет непосредственное отношение к феноменологии рассматриваемого явления. В. А. Петровский выдвигает принцип самополагания как принцип психологии личности, принцип подлинного источника целеполагания. По его мнению, цель — образ возможного как прообраз действительного.

Однако, как пишет В. А. Петровский, «возможности как таковые еще не цели, но лишь условия их достижения и постановки» [238, с. 29]. Таким образом, автор приходит к мысли, созвучной разрабатываемому пониманию доверия как модуса (условия) отношения к действительности, в том числе и к самому себе.

Выдвигаемый автором принцип «самополагания» имеет смысл «полагание на себя» (или вера в себя), возможность положиться на себя или, наконец, довериться себе, что связано с осознанием собственных возможностей в достижении целей и главное — в их постановке, или выборе.

Таким образом, осознание собственных возможностей предшествует постановке целей и самым непосредственным образом связано с их выбором. Об этом же пишет и М. Мамардашвили [179]. Эмпирически осознание своих возможностей предполагает переживание «Я могу» и, ссылаясь на М. Мамардашвили, можно сказать, что это еще не выбор, а потому не мотив и даже не цель. Это лишь рефлексивное осознание своих возможностей, т.е. степени или количества своей свободы, но без этого этапа неосуществима никакая деятельность, никакой поступок и даже никакая операция. Образно выражаясь, это — исток, из которого может вылиться ручей, а может и полноводная река. Однако в повседневной жизни человек недостаточно или неадекватно осознает свои возможности, и, кроме того, переживание «Я могу» тоже должно чем-то инициироваться, хотя к этой стороне феномена мы вернемся ниже.

Для осуществления поступка, для этапа «выхода» за пределы себя необходимо еще волевое усилие. Но это уже следующий этап. Переживание «Я могу», помноженное на волевое усилие, само порождает тот самый вектор «цель-мотив», с которого, согласно представлениям А. Н. Леонтьева, начинается сама деятельность. Началу деятельности, еще до ее выбора, до определения цели предшествует этап огромной внутренней рефлексивной работы человека, связанный с выделенным здесь феноменом. Таким образом, развиваемая точка зрения логически приводит к тому, что реловеческие поступки детерминируют не только потребности (принимаемые как влечения, интересы, желания и т.д., или вектор «Я хочу») и, может быть, не столько они, сколько осознанные возможности (вектор «Я могу»), иначе говоря, — осознаваемая степень личной свободы в совокупности с потребностями.

Есть еще и третий вектор, участвующий в детерминации человеческих поступков, — это эмпирические представления человека о допустимом и недопустимом или о должном [4, 47], в которых, как показывает анализ, главную роль играют смысловые образования личности. Отсюда следует вывод, что для совершения какого-либо деяния или поступка человек должен как бы со-

вместить направление трех побуждающих векторов: «Я хочу», «Я могу» и «Я должен». При этом названные векторы, часто находясь в самых противоречивых отношениях друг к другу, каким-то образом соотносятся и интегрируются в единый вектор, определяющий целостную стратегию будущего поступка или поведения.

Важно подчеркнуть, что осознание своих возможностей в форме «Я могу» есть фундаментальное свойство человеческого самосо осуществления. Имеется в виду именно формула «Я могу», где акцент делается на «Я», и это очень важное обстоятельство. Теоретически, конечно, можно выделить «идеальное Я», «прошлое Я», «реальное Я» и т.д., что много раз имело место в теоретических и эмпирических работах по психологии (И. С. Кон, И. И. Чеснокова, Л. И. Божович и др.). И если любой человек специально задумается над этим, он сможет выявить в себе эти все «Я». Но каждый момент человек живет обыденным, реально существующим, целостным, единым, так сказать интегративным, непосредственным «Я», в которое включено и обобщенное прошлое, и ожидаемое будущее. Однако в обыденном сознании, в обыденной жизни у человека есть одно «Я» — сегодняшнее (которое длится до тех пор, пока человек жив), наличное, реально существующее и для каждого всегда уникальное его «Я», потому что это «Я» — «может», потому что в этом «Я» заложена виртуальность. Но «Я» виртуально всегда, ибо всегда находится в состоянии «могу», т.е. в состоянии возможности или в состоянии свободы, свободы в той мере, с которой он осознает свои возможности и которую ограничивает сам, в зависимости от содержания собственных ценностно-смысловых образований.

Теоретически человек абсолютно свободен и может позволить себе все, как и другие люди, но эмпирически это не так. В процессе развития и воспитания в субъективном внутреннем пространстве личности формируются определенные смысловые образования, выполняющие роль своеобразных «фильтров». В конечном счете, они и определяют меру или количество личной свободы каждого конкретного человека, выступая одним из эмпирических коррелятов уровня доверия к себе. Анализ литературных источников показывает, что роль этих фильтров выполняет смысловая сфера личности, обозначенная Б. С. Братусем как плоскость «значения значений». Поэтому доверие к себе — специфическое субъектное образование личности, связанное с другими внутриличностными образованиями (самоотношение, локус контроля, уровень самореализации личности), имеющими отношение к самосознанию.

По мнению ряда авторов, переживание «Я могу» служит побуждающей основой любой творческой и мыслительной деятельности. Например, у В. А. Петровского деятельность выступает как

средство, способ саморазвития личности, но для этого она должна иметь внутренний мотив, не совпадающий с мотивацией деятельности: это и есть мотив самоподтверждения «Я могу». О. А. Петровский называет это мотивацией сверхнормативной активности или активности «выхода за пределы самого себя» и в этом видит творчество самореализации [237].

Примерно о том же говорят М. Мамардашвили и В. П. Зинченко: для того чтобы осуществиться, самоосуществиться, «впасть в бытие» (М. Мамардашвили), «быть, а не существовать» (В. П. Зинченко), человек должен постоянно «выходить за пределы себя», за пределы своего опыта, а каждый такой «выход» приводит к изменению самого этого опыта, т.е. себя самого, и это продолжается бесконечно. Именно в этом смысле происходит «саморазвитие» и «самоосуществление», а доверие к себе позволяет человеку совершать такой «выход», определять «масштаб выхода», соединяя прошлое и будущее каждого человека в единый процесс жизнедеятельности.

В психологической науке в настоящее время накоплен обширный эмпирический арсенал данных, связанных с явлениями неадаптивности. К ним можно отнести «выход за пределы требуемого» (К. А. Абульханова-Славская), «неадаптивную природу предметной деятельности» (А. Г. Асмолов), «интеллектуальную активность» (Д. Б. Богоявленская), «наднормативную активность» (А. К. Дусавицкий), «сверхнормативную деятельность» (Р. С. Немов), «продуктивную активность» (А. М. Матюшкин), «надситуативную активность» (В. А. Петровский).

Эти эмпирическим способом добытые и описанные феномены «выхода человека за пределы себя» связаны с определенным уровнем доверия человека к себе в той или иной сфере его жизнедеятельности. Данное предположение позволяет выдвинуть еще одно, заключающееся в том, что в разных сферах жизнедеятельности человеку присуща разная степень, или уровень, доверия к себе в зависимости оттого, насколько он кажется авторитетным и Успешным сам себе в различных сферах жизни в своем прошлом опыте, а также в зависимости от того, насколько для него значима сама по себе та или иная сфера жизни. Ибо результат любой Непредустановленной активности заранее неизвестен, и человеку Необходима определенная мера доверия к себе, чтобы быть способным на поступок, или, другими словами, необходима вера в свои возможности, именно она делает реальной постановку целей (В. А. Петровский).

Однако, чтобы человек мог проявлять доверие к себе, самостоятельно строить свою жизнь и творчески реализовывать свой Потенциал, опираясь на себя, необходимо понять, как регулируется, чем детерминируется такой вид активности человека.

В. А. Петровский одним из первых в психологии личности противопоставил механизмы, регулирующие адаптивные и неадаптивные формы поведения. Определяющая характеристика неадаптивности — это несовпадение цели и результата активности, между которыми складываются противоречивые отношения. И именно в них (этих противоречивых отношениях) — источник динамики индивида, его существования и развития. Но почему, совершая неадаптивный поступок, человек полагается на себя (верит в правильность своего поведения, в свои возможности), может поступать даже во вред себе?

Постановка подобного вопроса затрагивает проблему целеобразования. Как происходит формирование цели, когда человек ставит, достигает ее сам и при этом никем не иницируется извне? Частично мы уже затрагивали этот вопрос, рассматривая теорию В. Е. Ключко. Он исследовал проблему, относящуюся к самостоятельной постановке целей в структуре мыслительной деятельности. Но в отечественной психологии существуют и другие подходы к этой проблеме. Традиционно в психологической науке целеполагание связывают с проблемой выбора, изучение которого представлено несколькими направлениями. Классификация этих направлений предложена Д. А. Леонтьевым и Н. В. Пилипко [171]. Ими же создана и собственная деятельностная модель выбора. Согласно классификации, разработанной названными авторами, самая простая модель выбора — это исследования, проводимые в русле изучения уровня притязаний [42]. Имеется в виду выбор из нескольких альтернатив по известному критерию, а смысл выбора состоит в определении оптимального пути осуществления деятельности, направленной на достижение некоторого результата. Поскольку в таком виде выбора критерии определены извне, заданы условиями решаемой задачи, то выбор детерминирован самооценкой совместно с уровнем притязаний. Доверие к себе в этом случае, на наш взгляд, детерминировано лишь вектором «Я могу».

Более сложная разновидность выбора — когда критерии для сравнения альтернатив испытуемый должен конструировать самостоятельно. Речь идет о жизненно важных выборах (выбор профессии, супруга, товара и т.п.). По мнению авторов, в данном случае перед субъектом стоит задача на смысл [170], а потому данную разновидность выбора авторы называют смысловым выбором. Здесь, на наш взгляд, имеет место уже интеграция векторов «Я хочу» и «Я могу». И, наконец, самый сложный — это выбор в критических жизненных ситуациях, когда нет ни критерия сравнения самих альтернатив, ни самих альтернатив. Субъект должен сам конструировать как альтернативы и критерии, так и возможное будущее, являющееся следствием того или иного выбора. Такой выбор авторы называют выбором будущего.

Авторы указывают, что в психологии большое распространение получил подход, связанный с различными теориями принятия решений [129, 164, 286], однако, как совершенно справедливо замечают Д. А. Леонтьев и Н. В. Пилипко, данные теории не учитывают характеристики личности, а «выбор предстает как запрограммированный акт, решающий задачи оптимизации на основе заданного алгоритма» [171, с. 98]. Альтернативой различным модификациям теорий принятия решений является теория жизненных миров Ф. Е. Василюка [52], в которой он предлагает выбор понимать как «чистую культуру», чья сущность непостижима, ибо объяснимое в выборе не отражает его сущности, поскольку рискованный предельный выбор лишен рационального основания, хотя, по мнению авторов данной статьи, речь здесь идет все же о смысловом выборе.

Однако наиболее интересная и имеющая непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме разновидность — это экзистенциальный, или личностный, выбор, концепция которого предложена в теории целенаправленного поведения, разработанной Н. Ф. Наумовой [207]. Проблема доверия к себе относится к числу экзистенциальных проблем человека и без сомнения имеет отношение к проблеме выбора в экзистенциальном смысле.

Основные положения теории Н. Ф. Наумовой состоят в следующем. Автор исходит из того, что субъекту необходимо делать выбор в критических жизненных ситуациях, которые принято называть ситуациями неопределенности. В данном случае не даны ни критерии, ни альтернативы, и человек должен их конструировать сам. Выбор одного из возможных в данный момент будущих есть стратегический выбор. Проблема стратегического выбора рассматривалась в экзистенциальной философии, в русле которой считалось, что в ситуации неопределенности стратегический выбор осуществляется спонтанно и абсолютно не зависит от разума субъекта. По мнению С. Кьеркегора, рациональный выбор вообще невозможен, поскольку разум не в состоянии осознать альтернативы выбора.

Н. Ф. Наумова строит теоретическую модель свободного стратегического выбора. Она полагает, что необходимой предпосылкой выбора является обеспеченность индивида экзистенциальными элементами (ценности, логики, ресурсы) для построения альтернатив выбора и готовности к наибольшему числу вариантов событий. Поэтому стратегическим свободным выбором она называет выбор, происходящий в условиях, которые отвечают двум основным требованиям:

1) обеспечивают внутренние личностные предпосылки для Построения новых альтернатив выбора. Внутренние ресурсы индивида — это потенции, которые станут актуальными только в си-

туации необходимости. Иначе говоря, речь идет о субъективной оценке собственных потенциальных возможностей. Это, по всей видимости, интегральная оценка, которая складывается из многих составляющих. Одним из составляющих является индивидуальный опыт субъекта с его позитивностью или негативностью. Признавая возможность этой оценки, необходимо все-таки уделить особое внимание тому, как субъект переживает данную оценку, ибо в конечном итоге именно переживание субъектом своих потенций и будет определяющим в построении альтернатив (их качественные, количественные, временные характеристики и т.д.);

2) создают внутренние личностные предпосылки для осуществления любой выбранной альтернативы. Бесконечность возможностей альтернатив существует объективно, но не субъективно. Ниже будут перечислены ограничения, которые определяют конечность субъективной возможности выбора альтернатив как в настоящем (ситуация неопределенности), так и в будущем (адекватность или неадекватность выбранной альтернативы и субъективных ожиданий). На взгляд автора данной теории, при оценке личностных предпосылок построения новых альтернатив необходимо обратить внимание на такие личностные свойства, как ригидность и динамичность. Субъект, имеющий жесткую ориентацию на одну выбранную альтернативу в ситуации неопределенности или имеющий один жизненный сценарий, при невозможности его реализации в будущем будет вынужден искать психологические механизмы защиты личности от ее разрушения. Это особенно заметно в нынешней ситуации. Человек, оказавшийся в ситуации неопределенности, должен адекватно оценивать возможные альтернативы и быть готовым к построению новых сценариев в случае неуспешности первоначально выбранных, в противном случае он будет находиться в состоянии постоянной фрустрированности, что может привести личность к пограничным состояниям.

Как уже говорилось, создание условий для свободного выбора предполагает преодоление ряда ограничений, воспринимаемых субъектом как непреодолимые. Основные из них:

1) детерминация ограничения прошлым. Нельзя не согласиться с тем, что субъективная оценка любого события прошлого не только способна, но и влияет на формирование возможных и, самое главное, приемлемых альтернатив в ситуации неопределенности;

2) ограниченность будущим. Н. Ф. Наумова связывает ее в первую очередь с инструментальной и ценностной обоснованностью. Осознавая ограниченность жизненного ресурса, субъект вынужден выстраивать мотивы и ценности в некоторую иерархию, определять для себя приоритеты. Чем меньше становится жизнен-

ный ресурс, тем жестче делается система ценностей, а число элементов уменьшается;

3) необратимость, ограничение настоящим. Любое событие прошлого или будущего способно влиять на выбор только будучи представленным в образе настоящего;

4) непротиворечивость, ограничение логикой;

5) несравнимость, ограничение качеством.

Итак, Н. Ф. Наумова выделяет переменные, которые детерминируют выбор: осознание и переживание возможностей как субъективная интегративная оценка личностью своих потенций, ограничение временными параметрами и внутренними экзистенциальными ресурсами (ценности и субъективная логика). Хотя модель выбора, сконструированная Н. Ф. Наумовой, построена в социологическом плане, ее можно использовать как иллюстрацию выдвинутого предположения о том, что важнейшее звено целеполагания — наиболее полное осознание личностью своих возможностей и своих ограничений, которые оставляют имеющиеся возможности в состоянии нереализованной потенции и фактически выполняют функцию блокирования в реализации возможностей (что и детерминируется вектором «Я должен»).

Данное обстоятельство необходимо учитывать в психокоррекционной практике. Отметим еще, что в зарубежной практической психологии подход, направленный на осознание личностью своих внутренних убеждений, которые мешают субъекту принимать новые, конструктивные решения, получил широкое распространение, о чем можно судить, например, по переведенным на русский язык в последние годы руководствам по практической психологии [61, 71 и др.]. Подобные руководства можно рассматривать как своеобразный тренинг, направленный на расширение границ доверия к себе.

Авторы статьи, о которой мы уже говорили [171], относятся к проблеме выбора с точки зрения деятельностного подхода в трактовке А. Н. Леонтьева, «согласно которому "внутренние" психологические процессы генетически производны от деятельности, [изначально протекавшей во внутреннем плане, и сохраняют в себе ее структуру, хоть и в свернутом, редуцированном виде] [171, с. 99]. Они полагают, что можно связать воедино все разновидности выборов и определить их операциональную структуру. Такой подход позволяет экспериментально выделить средства, повышающие эффективность выбора, рассматриваемого как деятельность, протекающую во внутреннем плане. Для этого они заимствовали экспериментальную схему, предложенную Л.С. Выготским, изучавшим процессы разрешения мотивационного конфликта детьми с использованием жребия.

В экспериментальной части Д. А. Леонтьев и Н. В. Пилипко выделили содержательные и формально-динамические параметры вы-

бора. Эксперимент был направлен на поиск приемов и отработку навыков внутренней работы, связанной с осмыслением, рефлексией возможных альтернатив выбора и их аргументов. Другими словами, исследование было направлено на поиск способов, расширяющих представления субъекта о собственных возможностях на этапе выбора. С нашей точки зрения, в данной статье речь, по сути, идет о конструировании конкретных приемов, способствующих увеличению доверия к себе в ситуациях выбора.

Итак, как показывает теоретический анализ, проблема выбора связана, с одной стороны, с прошлым опытом успехов и неудач, а с другой — с осознанием собственных возможностей. Иными словами, анализ данных работ подтверждает предположение о том, что уровень доверия к себе связан с самооценкой и уровнем притязаний личности, порождающими представление человека об индивидуальных собственных возможностях, а выбор детерминруется рядом ограничений, к которым относятся временные ресурсы, а также субъективные логики и ценности.

К числу авторов, предпринявших попытку сблизить практическое и теоретическое направления психологической науки, относится А. Б. Орлов, в работе которого описаны многие феноменальные характеристики изучаемого явления — доверия человека к себе [218]. Причем, анализ этой работы позволяет соединить доверие к себе и к другим людям в единую феноменологию.

Оценивая состояние современной психологической науки, автор говорит о том, что в настоящее время происходит гуманизация психологии, понимаемая как все более полное отражение в науке человека таким, какой он есть в действительности. Гуманизация психологической организации человека рассматривается в рамках предлагаемой концепции как определенная гармонизация его внутри- (интра-) и межличностных (интерперсональных) отношений. С его точки зрения, основная заслуга К. Роджерса и его научное открытие состоят в том, что он выделил определяющие психологические условия гуманизации любых межличностных отношений; способные обеспечить позитивные личностные изменения; к ним относятся: «безоценочное позитивное принятие другого человека, его активное эмпатическое слушание и конгруэнтное (т.е. адекватное, подлинное, искреннее) самовыражение в общении с ним» [218, с. 29].

По мнению автора, становление общеродовой человеческой сущности личности происходит только тогда, когда соблюдаются данные условия. Нарушение этих условий как в межличностном, так и во внутриличностном общении приводит к отчуждению человека от его сущности. Исходя из этих рассуждений, можно предположить, что нарушение выделенных условий приводит либо к нарушению самоотношения, либо к нарушению отношений^с

другими людьми. Таким образом, К. Роджерс на процессуальном уровне описал феномен, который назвал отчуждением человека от его сущности, что, без сомнения, имеет отношение к выделенному феномену доверия человека к себе. Более того, данные рассуждения позволяют предположить, что нарушение во внутриличностной сфере связано с нарушением в сфере межличностных отношений.

Если эту мысль экстраполировать на изучаемое явление, можно сделать вывод, что нарушения в области доверия к себе (речь идет об отчуждении человека от своей сущности) ведут к нарушению доверительных отношений с другими людьми. Иными словами, доверие к себе связано с доверием к другим людям, ибо это, как уже было показано в предыдущем разделе, два различных плана, или пространства, одной и той же проблемы, одного и того же явления. Это соответствует высказанным представлениям о том, что человек и мир — единое пространство, одна онтология. [В целом в этих рассуждениях присутствует высказанная ранее мысль о том, что доверие к себе невозможно «оторвать» от доверия к миру или той его части, с которой он взаимодействует (в данном случае миром выступает другой человек). Человек и мир — это единая онтология, и изменения уровня доверия в одной сфере приводят к изменениям в другой.]

Примером, подтверждающим данное положение, может служить предложенная Б. С. Братусем уровневая типология в структуре личности, в основу которой он положил доминирующий способ отношений к себе и к другому человеку, выделив при этом четыре уровня в структуре личности: эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный, или гуманистический, и духовный, или эсхатологический, отметив при этом, что все четыре уровня сочетаются в каждом человеке. Но в то же время для каждого человека типично одно профильное, доминирующее устремление [45]. На первом уровне для человека ценностна лишь одна единица — он сам; на втором, кроме себя самого, другой ценен не сам по себе, а «своей принадлежностью к группе»; для третьего уровня характерно признание ценности другого, наравне с собой; а в соответствии с четвертым — человек может смотреть «на себя и на другого, как на существа особого рода, связанные, соотносимые с духовным миром» [45, с. 9].

Исходя из представлений соотносительности внутри- и межличностных отношений, А. Б. Орлов вводит понятие эмпирической личности, строит ее структуру и выделяет три типа зон, или фрагментов, эмпирической личности:

1. Зоны, состоящие из когнитивно акцентированных мотивационных отношений — зоны психологических защит человека. Он вслед за К. Юнгом называет эту зону «персоной».

2. Зоны, состоящие из аффективно-акцентированных мотивационных отношений — зоны психологических проблем человека. Их он называет «тень» — зоны личного бессознательного. Имеются в виду негативные стороны и качества человека, а потому вытесненные из сферы сознания.

3. Зоны, состоящие из гармоничных мотивационных отношений — зоны психологической актуализации, или «клик» человека.

Автор считает, что эмпирическая личность есть дезорганизованная совокупность «персоны», «тени» и «лика». А. Б. Орлов, по сути, отождествляет в эмпирической личности персонифицирование ролей с личностями (опираясь при этом на идеи Р. Ассаджиоли [24] и других представителей психосинтеза о существовании во внутриличностном пространстве субличностей, обусловленных множественностью социальных ролей человека). Однако, с его точки зрения, подлинным субъектом является не личность, а сущность (или самость), которая скрывается за ролью, персоной, но это разные психологические инстанции: «Личность возникает и формируется в области предметного содержания, сущность локализована на субъектном полюсе субъект-объектного взаимодействия» [218, с. 63].

Сущность имеет неатрибутивную природу и сама является источником всяких атрибутов. А. Б. Орлов пишет о том, что идея сущности была известна и философам древности, и древнегреческим мыслителям, и средневековым христианским мистикам, и даже выдающимся представителям рационализма. По мнению автора, наиболее полное определение сущности было предложено Б. П. Вышеславцевым в работе «Вечное в русской философии»: «Сущность в себе представляет собою то, чем являемся на самом деле мы сами. ...Все, что мы можем сказать о самости: синтез, целостность, центр — все это не адекватно, все это только образы, объективации. Самость же нельзя вообразить, нельзя объективировать» [цит. по: 218, с. 64]. Ссылаясь на работу Р. и Дж. Баярдов [29], А. Б. Орлов отводит сущности роль «внутренних сигнальщиков»: «У каждого из нас есть своего рода внутренний сигнальщик, внутреннее Я, постоянно посылающее нам сокровенные и дерзкие мысли:

Я чувствую...

Я хочу...

Я желаю...

Я могу...

Я намерен(а)...

Я собираюсь...

В идеале существует сильная позитивная связь между вами и этим внутренним сигнальщиком. Вы слышите его, уважаете его,

заботитесь о нем, доверяете ему руководство вашими действиями и, в свою очередь, *он* заслуживает такого отношения и доверия. Вашу главную задачу в жизни можно рассматривать как осуществление, реализацию этого вашего внутреннего Я.

Однако многие из нас еще в очень раннем возрасте научаются игнорировать этот внутренний голос и даже бояться его. Мы доходим до того, что даже не слышим его и вместо этого вырабатываем у себя привычку концентрировать внимание на информации, поступающей к нам извне, чтобы с ее помощью руководить своим поведением.

... Вы можете игнорировать свой внутренний голос до такой степени, что, в конце концов, даже ваше настроение начинает определяться уже не тем, что хочет и чувствует ваш собственный сигнальщик, но тем, что делают и говорят другие люди.

... Мы убеждены, что каждый раз, когда вы обращаете свой внутренний взор вовне, для того, чтобы таким образом, игнорируя собственного внутреннего сигнальщика, определить для себя линию поведения, вы тем самым изменяете самому (самой) себе. Если бы вы были по-настоящему восприимчивы к внутреннему голосу, то могли бы услышать, как он вскрикивает от боли каждый раз, когда вы делаете это. В идеале у этого внутреннего Я есть защитник, и этот защитник — вы, и когда вам не удается услышать его, то это означает, что вы оставляете, бросаете его без защиты. Когда такое случается, возникают переживания, депрессии, обиды, фрустрации.

... Мы убеждены, однако, что на самом деле эти переживания всегда обусловлены изменой человека своему собственному сигнальщику, который начинает испытывать все больше и больше отчаяния и подавленности по мере того, как все больше его сигналов игнорируются, остаются без внимания» [29, с. 81—83].

Итак, ссылаясь на приведенные здесь и некоторые другие источники и рассуждения, А. Б. Орлов, по сути, выделяет феномен доверия к себе, не обозначая его, однако, таким образом, но считая, что его сущность проявляется во взаимодействии внешнего и внутреннего, т.е. личности и сущности, и его описание возможно в терминах «самопринятие» и «самонепринятие», понимаемых как принятие или непринятие себя, но уже не как личности, а как подлинного субъекта жизнедеятельности, «существующего независимо и вне всяких социальных норм, стереотипов, ценностных систем и т.п.» [218, с. 66].

Далее А. Б. Орлов говорит о том, что, когда личность отождествляет себя с какой-либо ролью, это ложное самоотождествление, которое в итоге блокирует доступ человека к его сущности. Предмет гуманистической психологии он видит в изучении драматических отношений между личностью и сущностью, которые

различаются по своей природе, генезу и функциям. В этой связи автор данной концепции подвергает критике традиционную систему образования и воспитания как систему навязывания ценностей, ведущую к дезинтеграции личности и ее сущности и в конечном счете — к конформизму. В то же время подлинно интегрированная личность — это личность аутентичная, обладающая истинным доверием к себе.

Таким образом, А. Б. Орлов фактически доверие к себе противопоставляет конформизму, т.е. отождествляет явление конформизма с недоверием к себе. Видимо, это лишь описание моделей крайних вариантов доверия и недоверия к себе. На самом деле, сложно представить человека, полностью независимого от социума, живущего вне норм, социальных стереотипов и ценностных систем. Еще труднее представить себе поведение человека, по словам А. Б. Орлова, опирающееся лишь на «внутренних сигнальщиков» вне каких-либо социокультурных ориентиров (или вне учета внутренних смысловых образований каждого конкретного человека). Это фактически человек, живущий вне культуры. Поведение такого человека характеризуется полной ситуативностью, отсутствием ответственности. Другими словами, это «полевое» поведение человека, полностью свободного от всех и от всего. В то же время достаточно трудно представить абсолютно конформного человека, т.е. полностью зависимого от любых случайных, значимых и незначимых людей и обстоятельств.

С нашей точки зрения, в реальной жизни поведение человека характеризуется различными вариантами позиций, находящихся на конгломерате аутентичность — конформизм, и это зависит от субъективного ценностного соотношения внешних условий и внутренних особенностей. Можно, вероятно, найти подходы для эмпирического «подсчета» общей тенденции, «движения» того или иного индивида к определенному «полюсу», что позволит с некоторой вероятностью прогнозировать его поведение в конкретной ситуации. Видимо, здесь можно провести аналогию с многочисленными исследованиями явления локуса контроля.

Однако выделение и эмпирическое выявление уровня экстернальности — интернальности не дает возможности понять, почему, строя свое поведение, в одних случаях (ситуациях) личность проявляет конформизм, а в других — аутентичность (по аналогии можно сказать, что в одних случаях личность ближе к интернальному полюсу, а в других — к экстернальному). Если использовать предложенный А. Б. Орловым тезаурус как тождественный доверию и недоверию к себе, тогда доверие к себе как феномен должно обладать какими-то качественными характеристиками, посредством которых можно объяснить обозначенную выше вероятность поведения человека.

С этой целью обратимся к работам авторов, предметом исследования которых стал локус контроля как базовое свойство личности [193, 335]. Как известно, понятие локуса контроля было введено американским психологом Дж. Роттером в 1966 г. Он предложил различать людей в зависимости от того, где они локализуют контроль над значимыми для себя событиями и поступками, и выделил два крайних типа: интернальный и экстернальный. Со времени выхода в свет работы Роттера исследованию этого феномена и его влияния на различные характеристики поведения и личности было посвящено огромное количество исследований, особенно в зарубежной психологии. Обзор этих исследований, проведенный в отечественной психологии К. А. Муздыбаевым (1983), показал, что интерналы характеризуются большей ответственностью и социальной активностью, чем экстерналы.

Основная идея Дж. Роттера, как известно, состоит в следующем: «Если человек большей частью принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями, то это показывает наличие у него внутреннего (интернального) контроля. Если же он имеет склонность принимать ответственность за внешние факторы, находя причины в других людях, в окружающей среде, в судьбе или случае, то это свидетельствует о наличии у него внешнего (экстернального) контроля» [216, с. 318]. В целом описанный подход, хотя и позволяет учитывать особенности взаимодействия человека и ситуации, но не дает ответа на вопрос, почему одни люди причины своего поведения видят в себе, а другие — вне себя.

Если развить последнюю мысль и поставить вопрос о причинах интернальности или экстернальности, то, видимо, ответ на этот вопрос будет следующим: в основе той или другой позиции (интернальности и экстернальности) стоят определенные личностные смыслы, которые сформировались у человека в процессе его индивидуального опыта и в истинность которых он верит. В конечном счете напрашивается вывод, что человек верит ни во что иное, как в истинность, адекватность и устойчивость тех личностных смыслов, которые лежат в основе его поведения и деятельности. Если вернуться к предложенному допущению о том, что сущность подлинной веры заключается в отождествлении субъекта с объектом веры, то получается, что человек постепенно отождествляется с содержанием принятых им смыслов. А согласно концепции Б. С. Братуся, личностное пространство смыслов является динамической, т.е. изменяющейся, развивающейся, одним словом, подвижной системой. Человек сам не замечает того, как его личностные смыслы изменяются, развиваются под влиянием его же поведения. Однако, как известно, человек не отражает вне-

шний мир и различные его обстоятельства беспристрастно, он делает это субъективно, вместе с теми ценностями и смыслами, которыми он наделяет различные объекты отражаемой действительности. Это первый посыл, позволяющий построить модель доверия к себе как субъективного феномена личности.

Второй посыл заключается в том, что выход за пределы себя предполагает активность, которая чем-то инициируется. В психологической науке имеется множество работ, посвященных исследованию мотивационно-потребностной сферы человека (А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов, В. Э. Мильман, С. Г. Москвичев, В. С. Мерлин, Е. Ю. Новикова, Ю. М. Орлов, Б. А. Сосновский и др.). Анализ этих многочисленных, весьма противоречивых подходов не входит в задачи данного исследования. Отметим только, что мы солидарны с точкой зрения, предложенной Б.А. Сосновским, справедливо считающим, что анализ феномена побуждения нужно производить в двух взаимосвязанных временных и событийных срезах: что побуждало человека к активности и что побудило.

Он пишет: «На первой стадии (а) зарождается, по-видимому, то, что обычно относится в психологии к категории состояний. Здесь работает скорее не мотив, собственно, а переживаемое состояние потребности, то есть своеобразный и мало изученный сплав ее с широко понимаемой эмоцией как переживаемым отношением к миру и к себе в этом мире. Очевидно, что далеко не все, что побуждает человека, внешне скрыто инициируя его поведение, приводит в реальности к какой-либо целенаправленной деятельности или просто к выраженной, оформленной активности. Что-то (и очень многое) может остаться внутри, проявившись, однако, в мотивационно-смысловых образованиях целостной структуры направленности субъекта. Эту часть (сторону) общей функции побуждения реализуют не только и даже не столько мотивы, по крайней мере, в традиционной и узкодеятельностной их отнесенности.

Что касается второй (б), прагматически результативной стадии побуждения, когда осуществляется "запуск" или периодические "включения" деятельности, то эту функцию реализует также не просто мотив как некий психический образ того, что нужно человеку, во всяком случае, не сам по себе. Реально побуждают взаимоотношения, взаимодействия мотива с его субъективной, личностной значимостью, то есть с тем, зачем это нечто, необходимое объективно, нужно конкретному человеку субъективно — в данный момент и в данных условиях» [287, с. 44]. И далее: «Обобщенную функцию побуждения (и не только к деятельности) реализует... не мотив как таковой. На потенциальной стадии (а) это делают потребности в их иерархических отношениях с мотивами.

Тогда как на результативной стадии побуждения (б) работают столь же динамично соподчиненные мотивы в их взаимоотношениях и противоречиях с личностной иерархией смыслов» [287, с. 45].

В приведенной цитате важно положение о том, что потребность, по мнению автора, — это некое состояние, осознанное переживание, которое можно назвать переживанием «Я хочу». Согласно подходу, предлагаемому А. Б. Орловым, именно следование этим переживаниям соответствует полной аутентичности личности, т.е. абсолютному доверию к себе. Но на самом деле все не так прозрачно. Позиция личности, обозначенная А. Б. Орловым, в конечном счете, приводит к разрушению системы «человек и мир», ибо человек, ей следующий, игнорирует мир во имя обретения доверия к себе. На самом деле такая позиция свойственна только ребенку или животному.

Человеческий мир устроен сложнее, ибо самым существенным в нем является динамическая система смысловых образований личности, которая и «не пропускает» непосредственные побуждения к непосредственному исполнению. А возникшие потребностные состояния и связанные с ними переживания соотносятся человеком с его внутренними смысловыми образованиями до начала деятельности, до поступка. Как было показано выше, потребностные состояния могут находиться в конфликтных, противоречивых отношениях с реально существующими личностными смыслами, и независимо от того, осознает или не осознает человек это противоречие, он имеет сигнал о таком несовпадении в виде эмоционального переживания (В. Е. Ключко). В этом случае начинается более или менее мучительный процесс соотнесения, направленный на то, чтобы найти способ, средство, минимизирующее возникшее противоречие (или переживание от имеющего место противоречия) между переживаемым потребностным состоянием, осознанной возможностью удовлетворения потребности определенным способом и существующими личностными смыслами. Процесс этого соотнесения и направляет вектор активности, определяет выбор, который делает человек. Именно это имела в виду и Н. Ф. Наумова, которая отмечала, что выбор в экзистенциальном смысле детерминируется прежде всего личностными ресурсами человека, среди которых на первом месте стоят ценностно-смысловые образования и субъективные логики.

Можно продолжить рассуждения. Если человек в результате такого выбора, такой внутренней работы находит способ, соответствующий его внутренним ресурсам, ценностно-смысловым образованиям и прошлому опыту, и это не нарушает содержания этих образований, то они продолжают оставаться относительно стабильными. Но если такой способ не находится, человек либо блокирует удовлетворение потребности со всеми вытекающими

обстоятельствами, либо все же делает выбор, несоответствующий содержанию его ценностно-смысловых образований, и тогда постепенно может измениться само содержание этих образований независимо от того, осознает это человек или нет. Видимо, этим следует объяснить то, что ценностно-смысловые образования представляют собой систему динамического порядка, содержание которой меняется не только под влиянием присваиваемых значений, находящихся в поле культурно обозначенных ценностей. Ее содержание может меняться и под влиянием описанного выше механизма.

В связи со всем вышесказанным эмпирическая гипотеза состояла в том, что в разных сферах жизнедеятельности человек проявляет различную степень (или меру) доверия к себе, и это во многом определяется соотношением ценностного отношения к содержанию собственной субъектности и ценностного отношения к ситуации, которое постоянно меняется. Поэтому феномен доверия к себе имеет все те же обозначенные нами выше условия возникновения (запуска) и формально-динамические характеристики. Формально-динамические характеристики — это мера, избирательность и парциальность. Все это можно объяснить следующим образом: каждый раз, принимая какое-то решение, делая выбор, человек проявляет определенную меру доверия к себе (что детерминировано субъективной значимостью той сферы жизни или ситуации, в которой человек хочет совершить поступок или предпологает предпринять какую-либо деятельность) и насколько он это себе доверяет (что ограничивается содержанием имеющихся ценностно-смысловых образований). В результате получается, что в разных сферах жизни человек доверяет себе в различной мере, т.е. избирательно и парциально в зависимости как от степени субъективной значимости соответствующей сферы в жизни человека, так и в зависимости от отношения к собственным субъективным переживаниям.

Итак, уровень доверия личности к себе в итоге зависит от соотношения ценностного отношения к той части мира, с которой предполагается взаимодействие (или к той ситуации, внутри которой оно предполагается), и ценностного отношения к собственной субъектности. Это положение можно подтвердить, вспомнив многократно описанные в отечественной литературе эксперименты Аша по конформизму в сопоставлении с экспериментами, проведенными А. В. Петровским и его учениками при изучении коллектива, продемонстрировавших, что человек проявляет конформность в субъективно незначимой ситуации и не проявляет ее в ситуации для него более значимой [289].

Что касается условий возникновения определенного уровня доверия к себе, то и они остаются теми же. Уже было показано,

что они связаны с субъективной значимостью конкретной ситуации или сферы жизни, с одной стороны, и с субъективной значимостью собственных побуждений, с другой. Они также связаны с переживанием определенного уровня опасности или безопасности для личности, ее статуса, репутации в зависимости от результата предполагаемого поступка, другими словами, со степенью осознаваемого риска как следствия этого поступка. Поэтому масштаб, или радиус «выхода за пределы себя», предполагающий определенную меру доверия к себе, связан с риском. Причем риск может быть обусловлен либо внутренними, либо внешними причинами, либо и тем и другим вместе. В первом случае человек рискует вступить в противоречия с самим собой, т.е. с собственными личностно-смысловыми образованиями, после чего, как было показано, либо меняется содержание этих образований, либо человек обращается к различного рода психологическим защитами, фактически вступая на путь самообмана. Во втором случае риск связан с возможным изменением отношения окружающих людей к человеку — снижением оценки со стороны других, непониманием, осуждением и т.п. Проблема лишь в том, значимо это для человека или нет.

Итак, проведенный теоретический анализ исследований в области психологии личности показывает, что феномен доверия человека к себе в современной отечественной психологии личности специально не выделялся и не изучался. Тем не менее работы отечественных психологов последних лет (В.А.Петровский, Б.С.Братусь, В.П.Зинченко, В.И.Слободчиков, В.В.Столин, В.Е.Ключко, А.Б.Орлов и некоторые другие) позволяют не только говорить об онтологическом статусе названного феномена и описать его проявления, но и построить его теоретическую модель, поскольку доверие человека к себе — сложное образование, связанное с ценностным отношением к собственной субъектности.

§ 7. ДОВЕРИЕ К СЕБЕ - СУБЪЕКТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ (ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФЕНОМЕНА)

Проведенный теоретический анализ современных представлений о субъектности личности позволяет говорить о выделении (существовании) относительно самостоятельного субъектного феномена личности — доверия к себе и построить его теоретическую модель.

Итак, явление доверия к себе, рассматриваемое как особый модус отношения к миру, к другим людям и самому себе не является общепринятым для отечественной психологической науки.

Исходная гипотеза состоит в том, что доверие к себе есть экзистенциальный феномен субъектности, который реально бытийствует в субъективном мире человеческой личности. Более того, он относится к числу тех явлений, которые конструируют ядро активности человека как личности, ибо является ее условием. Если вера — это то, что невозможно доказать абсолютно логическим способом, то человек в своей жизни не только принимает на веру адекватность собственного отношения к себе, но и «правильность» своих многочисленных поступков, сделанных выборов, а также вероятность исходов своей предполагаемой деятельности, тоже не очевидных. Человек оценивает себя не только с точки зрения приписываемых себе свойств и качеств. На основе самооценки вместе с уровнем притязаний человек оценивает себя в предикативной форме с точки зрения своих возможностей (на что указывал А. В. Петровский, говоря о переживании «Я могу», которое можно добавить переживанием «Я не могу»). Фактически, каждый раз делая выбор, человек разрешает его себе, веря в его правильность, отсекая другие альтернативы, в том числе и по той причине, что «он этого не может или не сможет». Проблема заключается в том, что один человек доверяет себе в большей степени (разрешает себе больше), а другой — в значительно меньшей степени, и это оказывает влияние на жизненные достижения каждого из них. Согласно развиваемой точке зрения оптимальный уровень доверия к себе служит одним из показателей как психологического здоровья человека, так и зрелости личности. Однако возникает задача обнаружения искомого феномена в субъективном мире человека, задача построения теоретической модели феномена с целью его операционализации. Такой подход позволит наметить средства изучения и пути коррекции уровня доверия к себе.

Как было показано выше, целый ряд авторов (К. А. Абульханова-Славская, В. А. Петровский, В. П. Зинченко, Б. С. Братусь, А. Б. Орлов и др.) вплотную подошли к выделению данного феномена. Однако, хотя до сих пор его и называли многие исследователи, специально как отдельное, относительно самостоятельное явление его никто не выделял и, насколько нам известно, попыток его теоретической концептуализации не предпринималось. Лишь в последнее десятилетие появились, «вызрели» методологические предпосылки, позволяющие не только выделить, но и теоретически обосновать существование данного феномена.

Методологическим основанием, позволяющим выделить обозначенный феномен и обосновать его онтологический статус, являются методологические положения психологической антропологии, развиваемые В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым [165], предлагающими изучать субъективный внутренний мир человека в качестве основного предмета антропологической психологии.

Согласно представлениям данных авторов, субъективная реальность — исходная категория психологии человека, так как именно она выражает сущность его внутреннего мира и именно реальность существования субъективности принципиально отличает человеческий способ существования от всякого другого [280].

Другим методологическим основанием выделения данного феномена является разработка категории субъектности, позволившая констатировать, что личность «не есть "корзина", набор потребностей, ценностей, способностей, характера, воли, темперамента, который так или иначе пытались, каждый на свой лад, структурировать психологи, а она есть субъект в той мере, в какой использует свой интеллект, свои способности, подчиняет свои низшие потребности высшим, строит свою жизнь в соответствии со своими ценностями и принципами» [250, с. 363]. Согласно современным представлениям именно в субъектности содержится источник всех человеческих интенций, источник активности. Другими авторами были выделены эмпирические формы субъектности: витальная, деятельная, общающаяся и рефлекслирующее «Я» (В. А. Петровский). Кроме того, целый ряд авторов показал, что основным критерием зрелой личности является ее способность к трансцендированию, т.е. к «выходу за пределы себя», проявляющаяся в неадаптивности. Практически все авторы, занимающиеся разработкой проблемы личности, выделяют два способа ее функционирования: адаптивный и неадаптивный (В. А. Петровский) или, соответственно, репродуктивный и творческий (В. Е. Ключко). Основная идея, заложенная в данных концепциях, состоит в том, что источник подлинной активности заключается в осознании несоответствия (или несовпадения) целей и результата активности, заданного (предустановленного) и возможного для данного конкретного индивида.

В отечественной психологии единственным конструктором, имеющим отношение к внутреннему миру человека, явилось изучение самосознания личности (В. В. Столин, И. И. Чеснокова, В. С. Мухина, Е. Т. Соколова и др.). Выделенный феномен доверия к себе имеет отношение и к самосознанию человека. Не останавливаясь на анализе основных концепций и современных представлений о самосознании личности, отметим лишь, что хотя понятие «самосознание» является наиболее общепризнанным (В. С. Мухина, С.Л.Рубинштейн, Е.Т.Соколова, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др.), в отечественной науке употребляются и другие, близкие по смыслу понятия («образ себя» — М. И.Лисина, А. Г. Ружская, «образ Я» — Л. А. Венгер, И. С. Кон, Д. Б. Эльконин). Авторы, изучающие этот феномен, как правило, выделяют три составляющие, которые обозначены ими по-разному, однако отражают сходную реальность:

когнитивная (самопознание);
эмоционально-оценочная (аффективная), эмоционально-ценностное отношение к себе;
поведенческая (действенно-волевая, регулятивная).

Под «образом Я», или «самосознанием», понимается относительно устойчивое, более или менее осознанное представление индивида о себе, сопряженное с оценкой. Все компоненты образа «Я» тесно связаны с жизнедеятельностью человека и проявляются в его поведении.

В зарубежной психологической науке наибольшее распространение получил термин «Я-концепция» (К. Роджерс, Р. Берне, Э. Эриксон и др.). Понятие «Я-концепция» хотя и сходно с понятием «самосознание», однако трактуется несколько шире: «Я-концепция», в сущности, определяет не просто то, что собой представляет индивид, но и то, что он о себе думает, как смотрит на свое деятельное начало и возможности развития в будущем» [33, с. 31]. К сожалению, понятие «Я-концепция» еще не получило должного осмысления в отечественной психологической науке. Однако, очевидно, что оно является более емким, ибо включает в себя отражение субъектом своего уровня активности, связанного с проектированием собственной жизненной перспективы, что имеет отношение к самооценочной позиции личности, которая связана с уровнем доверия к себе.

В описании «Я-концепции» образ «Я», или когнитивная составляющая, трактуется как убеждение личности относительно самой себя. Самооценка определяется как эмоциональное отношение к этому убеждению, способному обладать различной интенсивностью из-за принятия или осуждения приписываемых себе черт. А поведенческая составляющая трактуется как потенциальная поведенческая реакция, т.е. конкретные действия, которые могут быть вызваны образом «Я» и самооценкой. Наиболее интересной представляется в данном описании связь когнитивной составляющей с убеждениями личности относительно себя. Видимо, именно эти убеждения и являются теми «фильтрами», преградами, которые ограничивают свободу человека, его представления о своих возможностях, и в конечном счете именно от них зависит уровень или мера доверия человека к себе. Следовательно, чтобы изменить представление личности о своих возможностях, необходимо изменить эти убеждения, что и вызовет изменение самоотношения, в том числе и ценностного отношения к себе.

Согласно предлагаемой трактовке доверие к себе проявляется не столько в том, что человек приписывает себе какие-то качества и верит в истинность, адекватность этих самооатрибуций, позволяющих ему принимать себя, сохранять необходимый уровень самоуважения, сколько в том, что на основе этих самооатрибуций

он приписывает себе определенный набор возможностей, реальность которых тоже принимает на веру. Каждый раз, намереваясь совершить какой-либо поступок или реализовать какую-либо возможность, он решает, насколько предполагаемый поступок соответствует его внутриличностным смысловым образованиям.

В реальной жизни человек может и не рефлексировать это, но, как показывает анализ литературы, он всегда имеет сигнал в эмоциональной форме о возникшем в его субъективном мире противоречии. В этой связи сошлемся еще на одно размышление В.П. Зинченко, который писал: «В отличие от действия поступок ориентирован не на цель, а на ценность... Не исключено, что именно в сложности пространства ценностей коренится одна из причин острых личностных переживаний, нередко предшествующих принятию решения о совершении поступка. Быть может это именно ценности из разных систем координат, вступая в противоречие между собой, по-разному окрашивая предполагаемые последствия еще не совершенного поступка, вызывают очевидную эмоциональную напряженность человека, стоящего перед значимым жизненным выбором. Эти переживания сопровождают внутреннюю работу по синтезу ценностных координат и приведению ценностей в хотя бы относительный порядок. Именно поэтому подготовка к поступку обладает значительным развивающим эффектом... В описываемом смысле само по себе исполнение поступка имеет гораздо меньшее значение для становления личности по сравнению с процессом выбора, подготовки к поступку» [106, с. 186-187].

Поступок всегда связан с выбором, ибо человек в своей жизни «обречен на постоянный выбор» (М. Мамардашвили), и потому феноменологически доверие к себе проявляется в том, какие поступки человек себе позволяет, неся за них ответственность. А исследовательская задача состоит в том, чтобы понять, чем, в конечном счете, детерминируется выбор, и как разрешаются возникающие противоречия во внутреннем пространстве личности.

В целом, как уже отмечалось, проблема доверия к себе относится к числу экзистенциальных проблем человека и, без сомнения, имеет отношение к проблеме выбора в экзистенциальном смысле (Н. Ф. Наумова). Поступая тем или иным способом, человек может менять свою внутреннюю «разрешительную систему». Если совершаемый поступок противоречит внутреннему «Я» человека или системе его внутренних смыслов, человек вступает в эмоциональное внутреннее противоречие с самим собой, находясь в котором сколько-нибудь долго невозможно и разрушительно для личности. У человека есть лишь три возможности внутренне выйти из этого противоречия: отказ от поступка, т.е. игнорирование побуждения со всеми вытекающими последствия-

ми; использование любого способа психологической защиты при совершении поступка, противоречащего личностным смыслам (А. А. Налчаджян, Ф. Е. Василюк); честное признание собственной неправоты, своей ошибки. Как только человек вступает на путь использования психологических защит, а делает это он, как известно, большей частью неосознанно, начинает меняться его внутренняя «разрешительная система», и он начинает признавать возможность в очередной раз поступать определенным способом, что меняет содержание личностных смыслов.

Можно образно представить себе модель внутренних изменений человека как «планку» субъективно воспринимаемых им собственных возможностей, которая постоянно меняет свое положение по вертикали, она может подниматься или опускаться, а человек не замечает этого. Однако, не замечая, как меняются в совершенных поступках личностные смыслы, человек продолжает верить в их устойчивость, хотя они уже изменились. Можно предположить, что в этом заключается механизм «двойной» психологии. Думая о себе одно, человек разрешает себе совсем другое, используя разнообразные защиты, т.е. рационализирует, вытесняет и т.д.

Важнейшую роль в этом отношении играет уровень доверия человека к себе. Внешне наблюдаемо лишь то, что человек постоянно меняется, но меняет человека каждый поступок, меняет постепенно. В таком случае, выходя «за пределы себя», личность входит в противоречие с собой, т.е. со своими внутренними личностными смыслами, ценностями. Однако согласно развиваемой точке зрения подлинное доверие к себе, его высший уровень заключается в возможности человека приобретать новый опыт, т.е. «выходить за пределы себя», не вступая в противоречие с собой, что и предполагает развитую рефлексивность (В. И. Слободчиков) или, выражаясь языком С. Л. Рубинштейна, философское осмысление жизни. Таким образом, *подлинное доверие к себе проявляется в способности человека «выходить за пределы себя», не вступая в противоречие с собой.*

По мнению В. А. Петровского, ведущую роль здесь играет принцип «самополагания», т.е. полагания на себя (или веры в себя), возможность «положиться на себя» или, наконец, доверие к себе, что связано с осознанием собственных возможностей, предполагающих не только достижение целей, но и осознание возможностей, связанных с их постановкой. Таким образом, осознание собственных возможностей предшествует постановке целей.

Об этом же пишет и М. Мамардашвили [179]. Эмпирически осознание своих возможностей предполагает переживание «Я могу», что означает лишь рефлексивное осознание своих возможностей, т.е. степени или количества своей свободы, но без этого этапа

неосуществима никакая деятельность, никакой поступок и даже никакая операция. Меру этой свободы каждый человек определяет сам в зависимости от атрибутирования себе возможностей. В этом заключается понимание сущности доверия к себе, другими словами, эмпирически мера доверия к себе определяется возможностями, которые человек себе приписывает.

Итак, важный источник рефлексивной активности личности — осознание несоответствия между тем, чего человек хочет, и тем, что он может, а также между тем, чего он хочет, и тем, что от него требуется в данной ситуации. Таким образом, выбор цели как бы детерминирован тремя векторами или тремя типами переживаний, которые, в конечном итоге, должны как бы сойтись в одну точку: *хочу, могу и должен*. Причем каждый из векторов имеет собственное внутреннее содержание и собственную субъективную ценность для человека.

Основываясь на этих положениях, можно утверждать, что доверие к себе есть субъектное образование личности. Доверие к себе чрезвычайно сложно измерить эмпирически, ибо оно проявляется в бесчисленных поступках человека, и каждый раз его проявление имеет разную меру, или уровень. Но его можно осознать в рефлексивной работе с собой или в специально организованных психотренинговых процедурах и расширить его границы в психокоррекционной работе.

Онтологически доверие к себе выступает, как осознание человеком своих возможностей в данной конкретной ситуации и того, что их ограничивает. Но одного осознания еще мало. Доверие к себе базируется на обобщенном внутреннем опыте, и этот опыт обладает представлениями человека о нравственности, субъективно усвоенных нормах, другими словами, внутриличностными ценностно-смысловыми образованиями, которые на самом деле являются преградами, барьерами, «фильтрами», ограничивающими свободу (именно они выступают как субъективный внутренний контроль) и тем самым ограничивающими доверие человека к себе. Но это, с одной стороны, с другой же, именно оно, вернее, ценностно-смысловое пространство личности направляет то, что представители гуманистической психологии называют личностным ростом, в позитивную созидательную сторону и то, что Б. С. Братусь выделил в качестве критериев личностного в человеке или составляющих того, что называется родовой человеческой сущностью.

Итак, можно выделить параметры, которыми определяется уровень доверия человека к себе: во-первых, осознание человеком своих потребностей, желаний, интересов и т.п., во-вторых, это осознание собственных возможностей и, в-третьих, соотношение первого и второго с содержанием собственных ценностно-

смысловых образований. Как видно из перечисленных критериев, без доверия к себе, к своим желаниям и потребностям, к своим действиям и возможностям немислимы творческий характер жизнедеятельности и самопроектирование будущего.

Теоретически внутренняя свобода человека ничем не ограничена, ибо каждый может позволить себе все, что и любой другой, но это только теоретически. Эмпирически все обстоит не так. Внутриличностное ценностно-смысловое поле ограничивает внутреннюю свободу человека. Видимо, в процессе развития и воспитания в субъективном внутреннем пространстве личности закладываются, формируются своеобразные «фильтры», которые, согласно представлениям Б. С. Братуся, существуют в виде личностных смыслов, выступающих ограничителями личной свободы. Поэтому ценностно-смысловые образования, вернее, их содержание выступает одним из эмпирических коррелятов, регулирующих меру доверия к себе. Доверие к себе и есть особое субъектное образование личности, связанное с другими внутриличностными феноменами, имеющими отношение к феноменам самосознания личности, таким, как различные стороны самоотношения, локус контроля, соотношение которых, в конечном счете, определяется степенью или уровнем самореализации. В этой связи эмпирическая гипотеза заключается в том, что, несмотря на имеющуюся связь выделенного нами феномена с другими внутриличностными образованиями, каждое из них обладает относительно самостоятельным статусом.

Феномен доверия к себе главным образом участвует в целеобразовании, так как выбор цели определяется тем, насколько человек доверяет себе не только ее достижение, но и учитывает при этом и способы, посредством которых будет достигать поставленную цель. Сами цели и избранные способы не должны противоречить его внутренним личностным смыслам. Можно образно сказать, что человек настолько доверяет себе, насколько он способен «выйти за пределы самого себя», своего прошлого опыта, не входя в противоречие с собой. Имеется в виду «радиус самораспространения», определяемый человеком в разных сферах жизни и в различных ситуациях. Поскольку в разных сферах жизни этот «радиус» не будет одинаков, доверие к себе и проявляется избирательно и парциально, в зависимости от переживаемого уровня субъективной значимости как определенной сферы жизнедеятельности и определенной ситуации, в которую он актуально включен, так и от переживаемого уровня значимости субъективных собственных побуждений. В целом можно констатировать, что *доверие к себе есть форма ценностного отношения к собственной субъектности в сочетании с ценностным отношением к внешним условиям активности.* Таким образом, мы исходим из того, что любая ак-

тивность есть проявление, связанное с определенной мерой доверия к себе в конкретной сфере жизнедеятельности.

Итак, проведенный теоретический анализ позволяет выстроить теоретическую модель изучаемого явления. Доверие к себе является сложным образованием, которое включает в себя психологические образования разного порядка:

1) в структуру доверия к себе входит побудительная переменная, т.е. потребности, интересы, стремления, все, что инициирует активность человека (или переживание «я хочу»);

2) структура доверия к себе включает прогностическую переменную, т.е. все связанное с возможностями человека, позволяющими ему удовлетворять возникшие устремления (или переживание «я могу»);

3) составной частью структуры феномена доверия к себе является ценностно-смысловая переменная, актуализирующая имеющиеся у человека смысловые образования, связанные с оценкой ситуации и выполняющие функцию контроля (или переживание «я должен»).

Все названные переменные могут находиться в различных взаимоотношениях: если между первой, второй и третьей переменной нет конфликтных взаимоотношений, тогда мы, по всей вероятности, имеем дело с репродуктивной (или адаптивной) деятельностью. Но если речь идет об активности новой, творческой, неадаптивной, тогда на пересечении первой и второй переменных включается пространство ценностно-смысловых образований личности (осуществляющее функцию субъективного контроля), благодаря чему и происходит слияние переживаний «я могу», «я хочу» и «я должен», приведение их в гармоническое единство, в единую стратегическую линию, в предпоступок. Именно содержание ценностно-смысловых образований личности и степень развитости субъективного контроля позволяют человеку каким-то образом примирять возникающие противоречия между потребностями и соответствующими им возможностями и таким образом находить приемлемые для данного человека способы удовлетворения побуждений человека, не противоречащих социокультурным ориентирам, принятым в данном обществе, и усвоенным личностью (родовой сущности человека). Все это, вместе взятое, и составляет самоорганизацию личностью своей жизнедеятельности, благодаря чему личность становится способной выступать подлинным, активным субъектом своей жизни, а не отчужденным субъектом активности (Э. Фромм).

Самоорганизация личности на субъективном уровне означает прежде всего умение человека доверять себе, своим возможностям, понимаемым как полноценное овладение собой, своей сущностью, как способность действовать самостоятельно, ини-

циативно, сохраняя адекватную критическую позицию по отношению к самому себе, способность превосходить результаты действий до их выполнения, самостоятельно ставить цели и строить стратегию их достижения в соответствии с внутренними личностными смыслами. Это означает умение соотносить возникающие потребности с собственными возможностями и с приемлемым для данного человека способом реализации, соответствующим социокультурным ориентирам данного общества (родовой человеческой сущности) в каждой конкретной ситуации. Таким образом, становление оптимального уровня доверия к себе и есть овладение способностью к самоорганизации своей жизни.

§ 8. ДОВЕРИЕ К СЕБЕ - ЭМПИРИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ

Как было показано рядом авторов, человек не беспристрастно отражает внешний мир и различные его обстоятельства, он отражает мир субъективно, т.е. вместе с ценностями и смыслами, которыми наделяет различные свойства объектов и объекты в целом. Человек одновременно обращен не только в мир, но и в себя, по-разному отражая различные свойства, качества, переживания в собственном внутреннем мире, что дает основание говорить о существовании феномена доверия к себе, связанном с выбором целей и в конечном счете — с активностью человека, проявляемой в разных сферах жизни. В этой связи эмпирическая гипотеза состояла в том, что в разных сферах жизнедеятельности человек проявляет различную степень доверия к себе, что детерминировано многими обстоятельствами. Но в целом феномен доверия к себе есть интегративное образование субъектности, имеющее определенные качественные параметры. Поскольку доверие к себе есть частный случай феномена доверия, он обладает теми же формально-динамическими признаками — мерой, избирательностью и парциальностью. Это можно пояснить следующим образом: каждый раз, делая выбор, ставя перед собой цель или обнаруживая ее, принимая какое-то решение, человек обнаруживает определенное доверие к себе, которое проявляется в том, что *человек себе доверяет* (это определяется субъективной значимостью определенной сферы жизни, определенной ситуации, в которую человек актуально включен и внутри которой он предполагает совершить поступок или проявить какую-либо активность) и его доверие имеет определенную меру, во многом детерминируемую приписываемыми себе возможностями.

В связи с выдвинутыми предположениями было проведено специальное эмпирическое исследование, цель которого — доказать гипотезу о существовании доверия к себе как особого явления субъективной реальности, связанного с другими внутриличностными феноменами, но несводимого к ним.

Разрабатывая программу исследования, мы руководствовались следующими положениями. Во-первых, доверие человека к себе имеет определенный эмпирический оптимум, относительно устойчивый для каждого конкретного человека. Он формируется в течение всей предыдущей жизни человека, способствует сохранению относительной целостности человеческой личности и является полидетерминированным. Во-вторых, существующий эмпирический оптимум, который мы назвали индивидуальной «разрешительной системой», приобретает относительную стабильность лишь у взрослой личности, способной полноценно брать на себя ответственность за собственные поступки, за содержание своей жизни, а потому сформированный, относительно постоянный уровень доверия к себе можно считать показателем зрелости личности. Последним обстоятельством и был продиктован выбор объекта в этой части исследования.

В исследовании приняли участие 143 взрослых человека в возрасте от 27 до 58 лет. Выборка была разнородной: учителя школ, мастера производственного обучения ПТУ, программисты, студенты заочной формы обучения РГПУ.

Поскольку до сих пор доверие к себе как относительно самостоятельный феномен личности не выделялся, на данном этапе исследования не было создано специального опросника, направленного на измерение уровня развития доверия к себе у различных людей, а был лишь сконструирован методический прием, направленный на выявление способности человека рефлексировать разную степень (или меру) доверия к себе в различных областях жизни.

Первое и основное предположение сводилось к тому, что если люди действительно рефлексируют (т.е. отражают, что могут в разной мере доверять себе в разных областях жизнедеятельности, самостоятельно на себя полагаться), то это и будет служить доказательством гипотезы о том, что основными формально-динамическими параметрами доверия к себе являются *мера, избирательность и парциальность*.

Второе предположение состояло в том, что если доверие к себе как субъектный феномен личности существует как особая, относительно независимая от других внутрисубъектных феноменов реальность, то применение процедуры факторного и корреляционного анализа с использованием полученных показателей и показателей других известных внутриличностных феноменов, логи-

чески связанных с уровнем доверия к себе, должно продемонстрировать как наличие такой реальности во внутриличностном пространстве, так и ее относительную независимость от других внутриличностных образований.

Согласно предложенной теоретической модели доверия к себе как субъектного образования личности, названный феномен наиболее тесно связан с внутренним контролем (локус-контролем), некоторыми шкалами самоотношения личности и в конечном счете — с уровнем самореализации личности в разных сферах жизни, но к ним несводим.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, эксперимент проводился в два этапа.

Первый этап был посвящен созданию методического инструментария, способного служить ориентировочным средством для обнаружения рефлексивным способом различной степени (или меры) доверия к себе у разных людей в разных сферах жизни. Мы сочли возможным ограничиться самоотчетами испытуемых, потому что, как показывает опыт наиболее видных исследователей-эмпириков в области психологии личности, самоотчеты являются наиболее адекватным способом, позволяющим проникать в мир внутриличностных смыслов и переживаний человека. Для подтверждения последнего положения приведем цитату из работы А. М. Эткинда, написанной еще в 1983 г.: «...Если ему (психологу. — Т. С.) нужен инструмент проникновения в субъективную реальность, личностные смыслы, систему отношений его испытуемых, то вряд ли какие-либо иные свидетельства окажутся более полезными, чем самоотчеты» [341, с. 111].

Первоначально каждым членом группы экспертов (4 человека) независимо друг от друга были составлены перечни значимых сфер жизни, а затем отобраны те из них, которые вошли во все составленные перечни. В результате был создан перечень из 11 наиболее значимых сфер жизнедеятельности человека (см. прилож. 1).

Затем испытуемым было предложено ответить на вопрос: «В какой мере я доверяю себе в каждой из обозначенных сфер жизнедеятельности в соответствии со шкалой:

полностью доверяю;
скорее доверяю;
частично доверяю;
частично не доверяю;
скорее не доверяю;
полностью не доверяю?»

Проведение опроса по названному критерию показало, что испытуемые действительно отмечали разную степень доверия себе

в предложенных в перечне сферах жизни. Таким образом, можно констатировать, что мера, избирательность и парциальность являются основными формально-динамическими качествами в проявлении доверия к себе. Здесь же отметим, что, как показывают наши эмпирические данные, испытуемые хорошо рефлексируют уровень доверия к себе в той или иной сфере жизни, а уровень или меру недоверия к себе — в значительно меньшей степени. Данное обстоятельство показывает, что доверие/недоверие — это единая шкала и определенный уровень доверия (т.е. неполное доверие) автоматически означает определенный уровень недоверия.

Для выявления меры доверия к себе в результате всей предварительной работы был составлен бланк методики из 11 пунктов, соответствующих разным сферам, в которых индивид может иметь разную меру доверия к себе (см. прилож. 1). Для доказательства гипотезы о том, что доверие к себе является самостоятельной психической реальностью субъективного мира личности, использовался метод факторного анализа. Одной из важнейших задач на этом этапе исследования был поиск достаточно репрезентативного перечня уже известных показателей, входящих в субъективный мир человека. Поскольку явление доверия к себе ранее не выделялось и, соответственно, не проводилось исследований, позволяющих с достаточной степенью надежности указать на связи данного феномена с другими известными внутриличностными образованиями, мы провели дополнительные исследования с той же выборкой испытуемых, используя следующие хорошо известные методики:

опросник уровня субъективного контроля УСК (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. — М., 1993);

методика исследования самооотношения (С. Р. Пантелеев. — М., 1993);

методика измерения уровня самоактуализации личности (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская).

В результате проведенного исследования из полученных данных была составлена матрица из 42 шкал, отражающих содержание каждой из использованных методик. При этом 12 шкал составляли показатели уровня доверия к себе, 11 из которых соответствовали показателю доверия к себе в каждой из выделенных сфер жизнедеятельности, а 12-я шкала (SUM) представляла собой суммарный показатель по составленной нами методике.

Матрица с данными была подвергнута факторному анализу, экстракция факторов осуществлялась методом главных компонент.

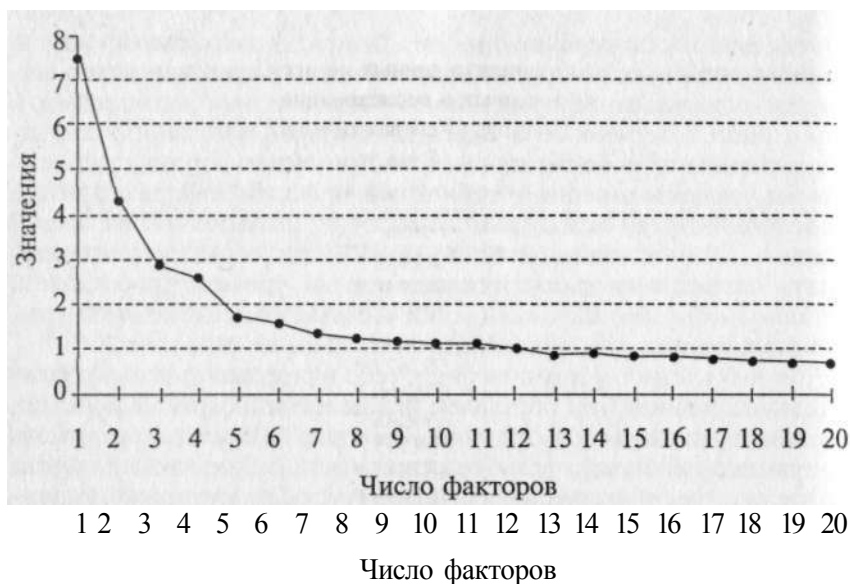

График значений выделенных факторов

Анализ данных, представленных на графике, свидетельствует о наличии четырех наиболее сильных факторов, имеющих, соответственно, вес: 7,53; 4,34; 2,96; 2,63. Как видно на графическом изображении, увеличение числа анализируемых факторов нецелесообразно.

Ротация осуществлялась методом нормализованного «varimax» — вращения [318]. В результате ротации была получена упорядоченная факторная матрица, давшая основание для содержательной интерпретации факторов. Были приняты следующие критерии вхождения переменной в фактор:

факторный вес $> 0,3$;

наибольшая величина факторного веса при двойных вхождениях.

Из табл. 1 видно, что 4 выделенных фактора не имеют ни одного двойного вхождения. Это обстоятельство является свидетельством того, что каждая из используемых методик измеряет самостоятельную независимую реальность. При этом в фактор 1 вошли показатели, измеряющие уровень самореализации личности; в фактор 2 — показатели, соответствующие рефлексированному уровню доверия к себе в разных областях жизни; в фактор 3 — показатели различных шкал самооотношения и в фактор 4 — показатели уровня субъективного контроля. Таким образом, полученные данные позволяют сделать общий вывод о том, что переменные из составленного нами перечня значимых сфер жизни оценивают самостоятельную, цельную (о чем свидетельствует высокий

**Результаты факторного анализа данных по всем шкалам методик,
включенных в исследование**

Factor Loadings (Varimax normalized)
FACTOR Extraction: Principal components
ANALYSIS (Marked loadings are > 0,300000)

Variable	Factor	Factor	Factor	Factor
PROFES	,034545	,642815 *	-,037259	-,032366
INTEL	,113831	,502719 *	,074552	-,055143
BITOW	-,033268	,342543 *	,105043	,083015
FRIEND	,035404	,659609 *	,051241	-,128630
PODCH	,149642	,505677 *	,186471	,034921
NACH	,138892	,635360 *	,013185	,170874
FAMILY	,074255	,694048 *	,078326	-,034135
CHILD	-,021402	,394533 *	-,007783	,155730
PARENT	-,069858	,467867 *	-,026184	,295990
SEX	,168452	,401955 *	,237520	-,001433
LEISURE	,192268	,473183 *	,019227	-,017851
SUM	,137153	,944909 *	,122929	,071797
SAM1	,546879 *	,107606	,212826	-,191939
SAM2	,941933 *	,124173	,104591	-,046470
SAM3	,737531 *	,234666	,118209	-,086067
SAM4	,765246 *	-,012855	,034521	-,159982
SAM5	,646959 *	-,013479	,163698	,217119
SAM6	,692854 *	,233280	,147576	,037890
SAM7	,720171 *	,246736	,267339	-,101488
SAM8	,709533 *	,104574	,041939	-,066021
SAM9	,397889 *	,164671	-,036481	-,105820
SAM 10	,415816 *	-,006274	-,131475	-,130054
SAM 11	,570205 *	,047494	,145143	,030231
SAM 12	,606931 *	-,078412	-,107178	,003193
SAM 13	,257371	,038601	,153364	-,005955
SAM 14	,587918 *	,008678	-,109793	-,018152
MIS1	-,170577	,160988	,208328	-,085762
MIS2	,076988	,265477	,758594 *	,096501
MIS3	,150602	,237324	,449975 *	,092761
MIS4	,008857	-,017950	,724421 *	,089476
MIS5	-,027616	,042887	,708798 *	-,074559
MIS6	,076870	,040870	,699857 *	,054673
MIS7	,034837	,160397	,640196 *	-,033803
MIS8	-,168732	-,091946	-,588504 *	,066569
MIS9	-,041916	,062451	-,356612 *	-,009090
USK1	-,095576	,138040	-,018522	,889621 *
USK2	,049182	,172532	,159005	,603347 *
US K3	-,177403	-,144093	-,227414	,673064 *
USK4	-,131700	,100570	,010140	,676084 *
USK5	-,165924	,028495	,088947	,478118 *
USK6	,147811	-,013995	-,066323	,494814 *
USK7	-,069889	,025000	,053895	,496116 *

Примечание: шкалы, входящие в фактор, отмечены *.

факторный вес), независимую от других переменных, включенных в исследование, реальность. Следовательно, гипотезу о существовании внутриличностного образования — доверия к себе — можно считать доказанной.

Однако, как известно, сама по себе математическая процедура факторного анализа не может служить основанием для вывода о том, что выделенные нами показатели уровня доверия к себе, а также полученный суммарный показатель измеряют пространство именно доверия к себе. Поэтому встал вопрос о надежности и валидности наших измерений.

В связи с поставленными в исследовании задачами нас в большей мере интересовала содержательная и операциональная природа исследуемого явления. Поэтому для проверки надежности используемого методического приема был выбран способ оценки синхронной надежности, позволяющий проверить взаимную согласованность пунктов в опросе с помощью коэффициента Кронбаха [216, с. 70], который по всей выборке испытуемых оказался довольно высоким ($= 0,765$).

Для прояснения валидности полученного суммарного показателя уровня доверия к себе было проведено дополнительное специальное исследование, где суммарный показатель доверия к себе (SUM) был скоррелирован со всеми шкалами используемых в исследовании трех личностных опросников: самоотношения, самореализации и УСК, ($N= 143$, $p < 0,05$). По всем методикам корреляции подверглось 30 шкал. Результаты приведены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Результаты корреляционного анализа между суммарным показателем уровня доверия к себе и шкалами личностных методик, включенных в исследование

Отмеченные корреляции значимы при $p < 0,05$

	SAM1	SAM 2	SAM3	SAM4	SAM5	SAM 6	SAM7
SUM	0,2175	0,3021	0,3489	0,127	0,171	0,3832	0,392
	N=143	N=143	N=143	N=143	N=143	N=143	N=143
	$p = ,027^*$	$p = ,002^*$	$p = ,000^*$	$p = ,201$	$p = ,084$	$p = ,000^*$	$p = ,000^*$

	SAM 8	SAM9	SAM 10	SAM 11	SAM 12	SAM 13	SAM 14
SUM	0,2316	0,1953	0,0207	0,1662	0,0328	0,0969	0,0825
	N=143	N=143	N=143	N=143	N=143	N=143	N=143
	$p = ,019^*$	$p = ,048^*$	$p = ,836$	$p = ,093$	$p = ,743$	$p = ,330$	$p = ,407$

	MIS1	MIS2	MIS3	MIS4	MIS5	MIS6
SUM	0,1192	0,438	0,3262	0,1436	0,1716	0,2071
	$N=143$	$N=143$	$N=143$	$N=143$	$N=143$	$N=143$
	$p=,223$	$p=,000^*$	$p=,001^*$	$p=,142$	$p=,079$	$p=,033^*$

	MIS7	MIS8	MIS9
SUM	0,2876	-0,2332	-0,0108
	$N=143$	$N=143$	$N=143$
	$p=,003^*$	$p=,016^*$	$p=,912$

	USK1	USK2	USK3	USK4	USK5	USK6	USK7
SUM	0,1832	0,2278	-0,1452	0,1596	0,0576	0,0706	0,0427
	$N=143$	$N=143$	$N=143$	$N=143$	$N=143$	$N=143$	$N=143$
	$p=,067$	$p=,022^*$	$p=,147$	$p=,111$	$p=,568$	$p=,483$	$p=,671$

Из табл. 2 видно, что суммарный показатель уровня доверия к Себе на статистически значимом уровне положительно коррелирует со следующими шкалами методики уровня самоактуализации:

шкалой компетентности во времени, $p = 0,2175$ (по условию методики характеризует способность субъекта жить «настоящим», ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, т.е. видеть жизнь целостно);

шкалой поддержки, $p = 0,3489$ (измеряет степень независимости ценностей и поведения). «Человек, имеющий высокий балл по этой шкале, относительно независим в своих поступках, что, однако, не означает враждебности к окружающим или конфронтации с групповыми нормами. Низкий балл свидетельствует о высокой степени зависимости, конформности, внешнем локусе контроля» [6, с. 93]. Данный показатель является косвенным свидетельством того, что оптимальный уровень доверия к себе является показателем зрелости личности;

шкалой ценностных ориентации, $p = 0,3489$ (по условию методики измеряет, в какой степени человек разделяет ценности, характерные для самоактуализирующейся личности). Видимо, это можно считать доказательством нашего предположения о том, что овладение определенным уровнем доверия к себе связано со способностью к самоорганизации собственной жизни;

шкалой спонтанности, $p = 0,3832$ (измеряет способность спонтанно выражать свои чувства). Данный показатель свидетельствует о том, что человек, доверяющий себе, не боится искренне выра-

жать свои чувства, ибо он ориентирован на самооценку, а не на оценку себя окружающими людьми;

шкалой самоуважения, $r = 0,392$ (измеряет способность субъекта ценить свои достоинства). Данный показатель можно считать доказательством того положения, что уровень доверия к себе отражает уровень самоценностного отношения личности к себе;

шкалой самопринятия, $r = 0,2316$ (измеряет уровень самопринятия вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков). Этот показатель служит еще одним подтверждением высказанного выше положения о связи уровня доверия к себе с самоценностным отношением;

шкалой представления о природе человека, $r = 0,1953$ («свидетельствует о склонности субъекта воспринимать природу человека в целом как положительную и не считать дихотомии мужественности-женственности, рациональности-эмоциональности и т.д. антагонистическими») [6, с. 94]. В зарубежной психологии неоднократно высказывалась мысль о том, что доверие является детерминантой оптимизма и пессимизма [368, 378].

Суммарный итоговый уровень доверия к себе на статистически значимом уровне положительно коррелирует со следующими шкалами методики исследования самоотношения личности:

шкала самоуверенности, $r = 0,438$ (из всех шкал имеет самый высокий коэффициент корреляции) — данная шкала по условию методики «задает отношение к себе как уверенному, самостоятельному, волевому и надежному человеку, которому есть за что себя уважать» [224, с. 13]. Данный показатель дает возможность выдвинуть предположение о том, что уровень доверия к себе является внутриличностным коррелятом уверенного поведения;

шкала саморукводства, $r = 0,3262$ (показатель близкий к интернальности, однако, по мнению автора методики, имеющий собственную специфику, заключающуюся в том, что «здесь имеется в виду чувство субъекта по поводу управляемости и предсказуемости собственного «Я»») [224, с. 15]. Доказывает предположение о том, что доверие к себе означает овладение человеком собой, своей сущностью;

шкала самопринятия, $r = 0,2071$ (показатель, отражающий чувство симпатии к себе, согласия со своими внутренними побуждениями. Фактор связан с одобрением своих планов и желаний, снисходительным отношением к себе);

шкала самопривязанности, $r = 0,2876$ — данный показатель характеризует личность как положительно принимающую себя, «даже с оттенком некоторого самодовольства» [224, с. 18], свидетельствует о самодостаточности;

шкала внутренней конфликтности, $r = -0,2332$ — имеет единственную отрицательную значимую корреляцию с уровнем дове-

рия к себе. Это показатель, связанный с тенденцией человека к чрезмерному самокопанию и рефлексии, протекающих на фоне негативного отношения к себе.

Отметим, что из всех включенных в исследование шкал лишь шкала внутренней конфликтности имеет отрицательную значимую корреляцию с суммарным показателем уровня доверия к себе. Следовательно, как и ожидалось, внутренняя конфликтность снижает уровень доверия к себе.

Суммарный уровень доверия к себе в методике локус контроля на статистически значимом уровне положительно коррелирует лишь со шкалой интернальности в области достижений ($r = 0,2278$). Данное обстоятельство получило дополнительное подтверждение в показателе значимой корреляции доверия к себе и шкалой ценностных ориентации в методике, измеряющей уровень самоактуализации.

Хотя показатель интернальности в области неудач и не является статистически значимым, важно, что из всех сравниваемых шкал это вторая шкала, где имеет место отрицательная корреляция. Другими словами, этот показатель свидетельствует о том, что чем ниже уровень доверия к себе, тем сильнее выражена тенденция к самообвинению в неудачах и неприятностях.

Итак, полученные и описанные нами показатели корреляционных связей суммарного показателя уровня доверия к себе с показателями других личностных методик позволяют приблизиться к пониманию психологической природы исследуемого явления. Полученные показатели корреляционных связей уровня доверия к себе с некоторыми свойствами, измеряемыми посредством других личностных методик, являются свидетельством выдвинутого предположения о том, что оптимальная мера доверия к себе является показателем зрелости личности. Особо следует отметить, что самая высокая корреляция была обнаружена между уровнем доверия к себе и уровнем самоуверенности личности. Видимо, это действительно близкие понятия. Однако для подтверждения последнего предположения требуется проведение дополнительных эмпирических исследований.

Все другие описанные выше значимые положительные корреляции в целом могут служить подтверждением выдвинутых теоретических гипотез о том, что человек, доверяющий себе, — это человек относительно независимый, ориентированный на достижения, позитивно себя принимающий, т.е. относящийся к себе, к своей субъектности как к ценности. Значимая корреляция между уровнем доверия к себе и показателем шкалы компетентности во времени свидетельствует о том, что человек, доверяющий себе, умеет учитывать прошлый опыт и соотносить его со своими планами на будущее. Это обстоятельство можно считать эмпириче-

ским подтверждением гипотезы, полагающей, что доверие выполняет функцию связи прошлого, настоящего и будущего в единый процесс жизнедеятельности.

Проведенное эмпирическое исследование позволило констатировать, что доверие к себе является относительно самостоятельным субъектным феноменом личности, несводимым к другим известным внутриличностным феноменам, но взаимодействующим с ними. Таким образом, существование относительно самостоятельного субъектного феномена личности — доверия к себе — можно считать эмпирически доказанным.

ГЛАВА 6

ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОВЕРИЯ К ДРУГОМУ

§ 1. ДОВЕРИЕ К ДРУГОМУ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕНИЯ

В данном разделе будет рассмотрен собственно социально-психологический аспект доверия к другому.

Если человек вступает в какие-либо отношения с другим человеком, этого другого можно рассматривать как часть мира, с которой человек взаимодействует в данных конкретных обстоятельствах. Поэтому доверие к другому есть частный случай взаимодействия человека с миром. Однако в силу сложности этого другого, так как он сам является суверенным самостоятельным субъектом активности, взаимодействие с ним как особой частью мира будет иметь свою специфику, свои особенности и свои механизмы. Основная задача данного раздела состоит в том, чтобы вычленить доверие к другому человеку и рассмотреть его как относительно самостоятельное социально-психологическое явление.

Как уже отмечалось, в антропологических науках доверие как самостоятельное социально-психологическое явление изучалось лишь в рамках философской этики, а потому традиционно его относили к этическим категориям морали. В отечественной психологии доверие до сих пор не было самостоятельным предметом исследования, а лишь упоминалось в контексте либо проблем общения, либо межличностного и межгруппового взаимодействия в связи с изучением таких феноменов как дружба [74, 138, 139, 140, 176, 192, 197, 243], авторитетность [143, 292], внушаемость [34, 144, 154, 160, 174, 211, 241, 322], значимые другие [124, 156, 319, 329], внутригрупповая сплоченность [136, 137], кооперативное поведение [87, 88], межгрупповое взаимодействие [223], и некоторых других. В исследовании этих явлений доверие чаще

всего выступало в качестве фонового условия существования названных феноменов. В результате возникала иллюзия изученности явления, которое, в конечном счете, не было подвергнуто специальному социально-психологическому анализу. Исключение составляют отдельные работы, посвященные изучению специфики доверительного общения [272, 273, 278].

Цель данного раздела — описать доверие между людьми, анализируя его как относительно самостоятельное социально-психологическое явление, выступающее условием существования названных феноменов взаимодействия и общения людей. Такой анализ должен быть направлен на поиск специфики доверия в межличностных отношениях, в общении и взаимодействии людей, на выявление условий его возникновения, закономерностей функционирования и описание формально-динамических характеристик, позволяющих построить теоретическую модель доверия в отношениях между людьми, несмотря на все великое многообразие проявлений доверия людьми друг к другу.

Здесь будет описана модель, рассматриваемая в пространстве диадного взаимодействия, ибо понять сущность изучаемого явления и выявить его специфику в социально-психологическом плане сначала нужно на микроуровне, в пространстве «человек-человек». В данном разделе речь пойдет о доверительных взаимоотношениях между людьми.

Естественно, что доверие между людьми должно отличаться собственной феноменологией, так как в данном случае речь идет о взаимодействии двух суверенных субъектов активности. Именно поэтому доверие и всевозможные варианты его проявления с обеих сторон порождают столь обширный спектр достаточно разнообразных межличностных феноменов, где доверие или его отсутствие является фоновым условием самого их существования.

В настоящее время большинство авторов отмечает, что нормальное, эффективное общение по своему внутреннему содержанию является диалогом, так как именно в диалоге наглядно прослеживаются все характеристики, присущие субъект-субъектной природе общения (М. С. Каган, А. М. Эткинд, Л. А. Петровская, А. Ф. Копьев, Г. А. Ковалев, Л. А. Радзиховский, Т. А. Флоренская, А. У. Хараш, С. А. Шеин, Л. И. Рюмина и др.). В этой связи первичная теоретическая гипотеза заключается в том, что доверие является первым из наиболее значимых феноменов, наличие которого превращает акт безличной коммуникации в акт общения. Кроме того, доверие — единый феномен и независимо от того, в какой сфере жизнедеятельности человека он проявляется, он будет иметь сходные в предельно обобщенном виде условия возникновения, закономерности функционирования и формально-динамические характеристики проявления. Однако в силу специфики

взаимодействия между людьми (в отличие от взаимодействия с неодушевленными объектами) характеристики исследуемого феномена не просто удваиваются, а, взаимодействуя, порождают иные явления, наполняясь новым содержанием, образуя многие межличностные феномены, для которых доверие является фоновым условием.

Полное взаимное доверие возникает в эмпирической жизни довольно редко, но такую ситуацию можно рассматривать как идеальную модель, выделенные характеристики которой проявляются в наиболее чистом виде, ибо известно, что полное доверие между взаимодействующими субъектами («...тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному «мы», т.е. к чистой и полной социально-психологической общности...»), а «...психическая общность «мы» в ее предельном чистом случае это есть поле суггестии, или абсолютной веры» [246, с. 14]. Исходя из вышеперечисленных предпосылок, можно построить модель доверия в пространстве «человек—человек», которая будет отражать наиболее общие закономерности исследуемого явления в социально-психологическом плане, хотя его феноменологические особенности каждый раз будут меняться в зависимости от конкретной ситуации взаимодействия.

Итак, доверие в психологической науке рассматривалось как фоновое условие существования многих социально-психологических феноменов и как относительно самостоятельный социально-психологический феномен, связанный с доверительным общением. Автор исследования, посвященного анализу доверительного общения, дает следующее определение этому явлению: «Доверительное общение — это такое общение, когда один человек в процессе общения с другими людьми доверяет им какую-либо "конфиденциальную информацию", мысли, чувства, переживания, раскрывающие те или иные стороны внутреннего мира его личности» [273, с. 6]. Не отрицая правомерности такого подхода отметим, что доверительное общение определяется здесь через акт доверия — «человек доверяет информацию», однако, что такое собственно доверие, какова его психологическая природа, остается неясным. В целом возможно дальнейшее развитие понимания и самого доверительного общения, поскольку автор обращается лишь к одной из феноменологических характеристик исследуемого явления, связанной с феноменом самораскрытия, не затрагивая другие аспекты доверия в общении людей.

В коллективной монографии под редакцией А. А. Бодалева и А. Н. Сухова дается примерно такое же определение доверительного общения: «Общение, в ходе которого один человек доверяет другому свои мысли о важных событиях, чувства, раскрывая те или иные стороны своего внутреннего мира, называется доверитель-

ным» [223, с. 96]. Как видно, в обеих приведенных дефинициях доверительное общение для простоты анализа рассматривается как однонаправленный процесс — «один передает другому». Вероятно, именно этим обстоятельством можно объяснить, почему доверительное общение авторы по существу сводят к акту самораскрытия. Такой подход в конечном счете не позволяет учесть роль процесса взаимодействия, порождающего акт самораскрытия.

Справедливости ради отметим, что в последней из цитируемых работ авторы перечисляют детерминанты и признаки доверительного общения. К детерминантам авторы относят значимость материала, раскрываемого собеседнику о себе, степень доверия к партнеру и установление психологического контакта. Признаками доверительного общения авторы считают: прочность (или устойчивость) установленного контакта, отсутствие жесткого контроля в процессе контакта и формального психологического воздействия, искренность, а также уверенность, что полученная информация не будет использована во вред. Выделенные авторами детерминанты и признаки такого общения, несомненно, являются адекватными и необходимыми для установления доверительного контакта между людьми. Однако здесь упущено важнейшее свойство подлинной доверительности в общении — взаимность выделенных признаков и детерминант, так как именно отсутствие взаимности (или соответствия) тех или иных параметров, важных для установления доверительного контакта, является одной из причин, порождающих различные феномены межличностного взаимодействия и общения, условием существования которых выступает доверие, предполагающее самораскрытие или не предполагающее его.

Как уже было отмечено, сам феномен самораскрытия в психологии рассматривается в качестве относительно самостоятельного социально-психологического явления, и его изучению посвящен ряд исследований как в отечественной психологии [7, 8, 227, 279], так и в зарубежной психологии, которые обстоятельно проанализированы Н. В. Амягой [8]. Ею было показано, что феномен самораскрытия относится к малоизученной проблеме личностной представленности человека в общении. В зарубежной психологии эта проблема представлена изучением феномена *самораскрытия*, исследуемого преимущественно в рамках гуманистической психологии, и феномена *самопредъявления*, изучаемого преимущественно в рамках интеракционизма. Н. В. Амяга полагает, что понятие самораскрытия до конца еще не определено, так как в отечественной психологии делаются только первые шаги к его пониманию и интерпретации. Кроме того, ни в отечественной, ни в западной психологии не существует теоретически обоснованного разграничения понятий «самораскрытие» и «самопредъявление». В то же время, указывает Н. В. Амяга, самораскрытие партнеров по об-

щению, понимаемое как открытость человека, является условием создания доверительной атмосферы и переживается собеседником как чувство психологического комфорта. Таким образом, основной проблемой остается определение самого феномена «самораскрытие».

Если под ним понимать добровольную передачу интимных, конфиденциальных мыслей и чувств, тогда самораскрытие действительно является одной из самых глубинных форм проявления доверия в общении. Если же термин «самораскрытие» трактовать широко, как любой вид активности человека, по которому можно судить об особенностях его личности, тогда по содержанию он совпадает с термином «самопредъявление». И в этом случае самораскрытие, тождественное самопредъявлению, может служить установлению доверительного контакта или блокировать его возникновение. Поэтому мы под самораскрытием будем понимать действительно факт добровольного «раскрытия» конфиденциальной информации о собственном внутреннем мире перед другим человеком.

С этой точки зрения доверие в общении неправомерно сводить лишь к акту самораскрытия, понимаемому как акт передачи «конфиденциальной» информации. Доверие во взаимодействии и общении людей может реализоваться и другими способами в зависимости от прошлого опыта общения каждого из взаимодействующих субъектов, а также от ситуации или цели взаимодействия. Во-первых, доверие можно репрезентировать путем совершения определенных поведенческих актов. Например, один человек может помогать другим людям (занимать им деньги, разрешать пользоваться машиной, квартирой, различными личными предметами и т.п.), а другой — обращаться за помощью, советом к другому человеку в трудной для него ситуации. Во-вторых, считается, что человек может верить или не верить в истинность получаемой информации от какого-то лица, и в этом случае существуют определенные связи между содержанием получаемой информации и отношением к ее источнику. Как показал анализ литературы, вера в истинность получаемой информации есть акт веры, но не доверия, ибо в основе этого лежит акт принятия информации за истинную, а вот отношение к источнику информации базируется на доверии, причем определенной его степени, и этим отношением во многом детерминируются как содержание доверительной информации, так и ее количественные характеристики, а также эффективность совместно выполняемой деятельности или результативность совместно решаемых задач. И, наконец, в-третьих, доверие может реализоваться путем вовлечения другого лица в собственный внутренний мир, выступая как передача или обсуждение интимной, секретной, значимой, «конфи-

денциальной» информации с другим лицом. Поэтому можно считать, что самораскрытие лишь частный случай в проявлении доверия между людьми. Видимо, последний случай — это действительно одна из самых глубоких форм проявления доверия, связанного с самораскрытием. Во всяком случае, такой феномен может содержать разную меру доверия и быть детерминирован различными причинами.

Внутренний мир каждого человека относительно замкнут, а передача информации предполагает оценку ее содержания обоими участниками общения, что с психологической точки зрения особенно важно. Поэтому главным является момент вовлечения во внутренний мир, а не факт передачи информации. Анализ литературы показывает, что такое вовлечение предполагает добровольность одного индивида как обязательный компонент истинного доверия и децентрацию другого на внутреннем мире первого. Вынужденная, не добровольная передача информации не служит фактом проявления доверия, а без децентрации — налицо лишь факт передачи и приема информации, т.е. акт коммуникации, но не факт вовлечения во внутренний мир другого.

Эти положения основаны на идеях М. М. Бахтина о «неслиянности» индивидуальностей, о «напряженной вненаходимости» по отношению к другому. Под «вненаходимостью» по отношению к другому М. М. Бахтин понимал не отождествление с другим, ибо отождествление творчески непродуктивно, а его «изображение». В этой связи он писал: «Продуктивность события не в слиянии всех воедино, но в напряжении своей вненаходимости и неслиянности, в использовании своего единственного места вне других людей» [28, с. 791]. Это положение совпадает с утверждением о том, что в основе доверия лежит акт отношения или, выражаясь словами М. Бубера [48], акт соприкосновения, предполагающий принципиальную неустрашимость дистанции между субъектом и объектом веры, в то время как в основе подлинной веры лежит акт принятия вплоть до отождествления, что принципиально невозможно между людьми. Ведь сколь глубоко ни доверял бы один человек другому, он не способен с ним отождествиться, взаимодействующие субъекты в любом случае остаются различными автономными, суверенными субъектами активности.

Сходная мысль выражена в работе А. А. и Е. А. Кроник [156], посвященной изучению значимых отношений человека. Авторы, описывая свой опыт консультативной работы с семьей, пишут, что «только будучи уже сам на очень высокой ступени личностного развития, освоив высший пилотаж общения, человек постигает, наконец, что другой — это Другой! Ты не можешь то, что может он, а он не может (и не должен мочь) того, что можешь ты. Но ты его выбрал, он открыл тебе новый мир, он внес в твою

жизнь свои умения, опыт, свою мудрость, свою любовь. Да, он доверил тебе и свои недостатки» [156, с. 21]. В связи со сказанным уместно привести еще одно высказывание М.М.Бахтина о преимуществе позиции «вненаходимости», которое заключается в том, что «критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» [28, с. 409].

Последнее положение особенно важно, ибо точность познания другого относится к когнитивной сфере и предусматривает момент оценки, но не децентрации. Момент же проникновения во внутренний мир другого предполагает социально-психологическую рефлексивность как проникновение в смысловую сферу личности другого, как момент отраженной субъектности другого и друг друга (В. А. Петровский).

Таким образом, можно говорить, что следствием взаимного доверия субъектов являются отношения, строящиеся на взаимопроникновении взаимодействующих людей в смыслы друг друга, что служит условием порождения новых смыслов. Именно поэтому, выражаясь словами М. М. Бахтина, оно «творчески продуктивно», причем имеется в виду, естественно, не просто понимание передаваемой информации и ее оценка, хотя это необходимые моменты, а понимание личности друг друга, взаимопроникновение в субъективный мир друг друга и формирующиеся на этой основе отношения друг к другу. Следовательно, можно предположить, что *условиями подлинного взаимного доверия* будут выступать *добровольность, децентрация и социально-психологическая взаиморефлексия*, которые не приводят к слиянности, но позволяют творчески решать стоящие перед взаимодействующими индивидами задачи и формировать взаимоотношения друг к другу. Поэтому доверительность в отношениях предполагает не столько познание другого, сколько вовлечение другого (или друг друга) в собственный внутренний мир, причем различными способами, а не только посредством самораскрытия, понимаемого как передача конфиденциальной информации.

Итак, помимо передачи конфиденциальной информации, или самораскрытия, в общении возможны и другие формы проявления доверия, ибо, как отмечает в одной из своих работ К. А. Абульханова-Славская, «доверие к другому — исходное условие человеческого общения» [2, с. 231]. По мнению Б. Ф. Поршнева, доверие (или суггестия) является исходным психологическим отношением между людьми [246].

Таким образом, с одной стороны, в каждом акте общения всегда присутствует определенное количество или мера доверия, без чего нормальное общение вообще невозможно, ибо оно становится лишь транслированием содержания какого-либо текста, а с другой — доверие выступает как исходное условие нормальных

межличностных взаимоотношений, без которых отношения становятся контрсуггестивными, или конфронтационными. В социально-психологических исследованиях, посвященных изучению межличностных отношений, Н. Н. Обозов и другие авторы неоднократно отмечали, что «отношения вражды проявляются в отсутствии доверия, скупости в контактах и передаче любой информации партнеру, тенденции к размежеванию и обнаружению различий» [214, с. 119]. А. И. Донцов, основываясь на исследованиях, проведенных М. Дойчем, указывал, что при выборе партнерами по взаимодействию корпоративной или некорпоративной стратегии кооперации способствуют: «1) свобода и открытость коммуникативного обмена...; 2) взаимная поддержка действий, убеждение в их оправданности и правомерности...; 3) дружелюбие и доверие в отношениях сторон...» [88, с. 208]. Итак, связи между людьми оказываются возможными благодаря доверию и потому отношениям между людьми присуща основная характеристика исследуемого феномена, который, как было показано в предыдущих разделах, является условием (или модусом) взаимодействия человека и мира. Доверие к другому, а точнее друг к другу, выступает, следовательно, условием или модусом взаимодействия «человек — человек». Именно доверие является системообразующим фактором общности «мы», т.е. благодаря его наличию возможно установление связи между людьми. Причем независимо от того, осуществляется ли эта связь в рамках совместной деятельности, совместно решаемых задач или в каких-то других ситуациях. Учитывая традицию отечественной социальной психологии, можно утверждать, что совместно выполняемая деятельность, с одной стороны, невозможна без доверия, а с другой — способствует установлению доверительности в отношениях, что и было показано рядом авторов, изучающих межличностные отношения в группах (А. В. Петровский, И. С. Кон, К. Е. Данилин и др.).

Что же такое доверие к другому, где оно существует, как проявляется? Для того чтобы понять его роль в общении людей, необходимо кратко остановиться на анализе категории «общение». В современной отечественной психологии в методологическом плане общение принято понимать и изучать во взаимосвязи с деятельностью. Однако сама связь общения и деятельности понимается по-разному: одни авторы рассматривают общение и деятельность как две стороны социальной жизни человека (Б. Ф. Ломов, А. В. Петровский, В. А. Петровский), другие — изучают общение как существенную сторону деятельности, а деятельность при этом рассматривают как условие общения (А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев), и, наконец, третьи исследуют общение как самостоятельный вид деятельности, который становится таковым на определенных ступенях развития личности (М. И. Лисина, А. Г. Ружская, Д. Б. Эль-

конин). В целом, определяя общение, авторы трактуют его как «сложный и многогранный процесс, который может выступать в одно и то же время и как процесс взаимодействия индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс взаимовлияния друг на друга, и как процесс сопереживания и взаимного понимания друг друга» [225, с. 178], что и легло в основу широко известных выделенных Г. М. Андреевой трех взаимосвязанных сторон общения: коммуникативной, интерактивной и перцептивной [14].

В социальной психологии понятия «общение» и «коммуникативная деятельность» ряд авторов употребляют как синонимы. По мнению М. С. Кагана и ряда других авторов, такое отождествление обусловлено тем обстоятельством, что ученые, занимающиеся разработкой проблем общения, ссылаясь на работы К. Маркса, понимают под общением обмен мыслями, чувствами, действиями и т.п. (Б. Д. Парыгин, А. Г. Спиркин, А. А. Леонтьев, И. А. Джидарьян и др.). Однако в последние годы стали появляться работы, авторы которых справедливо возражают против такого отождествления. В частности, М. С. Каган считает, что общение есть процесс, сущность которого заключается не просто в факте передачи и приема информации, а в выработке «новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность». Таким образом, заключает М. С. Каган, «общение порождает общность, а обмен сохраняет обособленность его участников» [ПО, с. 149—150]. Согласно мнению Б. Ф. Поршнева, «...доверие тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному «мы», то есть к чистой и полной социально-психологической общности...» [246, с. 14].

В целом лишь такое понимание общения позволяет констатировать, что доверие не только осуществляет функцию связи между взаимодействующими индивидами, но и является средством, механизмом, переводящим процесс передачи и приема информации, т.е. коммуникативный процесс, в процесс общения. В этой связи М. С. Каган пишет: «...речь должна идти... о том, чтобы отчетливо понимать, где и когда наиболее эффективны коммуникация, монолог, сообщение, а где и когда оптимальны общение, диалог, отношение к другому как к субъекту» [ПО, с. 156].

Исходя из всего сказанного, становится понятно, что доверие между взаимодействующими индивидами делает связь между ними субъектной, глубоко диалогичной. Чтобы подтвердить это, вернемся еще раз к работе М. С. Кагана, где сказано: «Поскольку цель сообщения чисто информативна — сообщить что-то кому-то, постольку не имеет никакого значения, что именно в сообщении содержится — истинное или ложное, пережитое или сочиненное, полученное в опыте или "высосанное из пальца". Поскольку же

цель общения — приобщение субъекта к субъекту, организация их единых совместных действий или обретение их духовной общности, постольку каждый партнер должен открыться другому в своей подлинной природе, намерениях, возможностях, целях, устремлениях, идеалах, чтобы другой, зная все это, мог согласовать свои действия с действиями партнера, вот почему высшей формой общения является дружба, вот почему оно предполагает открытость каждого перед другим как другом, ибо, если я введу в заблуждение или хотя бы просто наглухо закроюсь от моих партнеров, они не найдут со мной "общего языка" и совместное действие окажется неудачным» [ПО, с. 161].

Таким образом, в процессе общения происходит не только и даже не столько процесс передачи информации, сколько взаимное согласие людей принимать воздействия друг друга при условии, что они относятся к себе и к другому как к автономному суверенному субъекту активности и как к ценности. И в этом смысле вновь можно констатировать, что факт взаимодействия является порождающим, ибо он порождает новую реальность, новые смыслы в силу происходящего взаимовлияния.

На самом деле доверие — это как бы отношение заранее, отношение авансом, но не в смысле отношения к незнакомому человеку, а с учетом того, что другой является автономным суверенным субъектом активности и может по-разному использовать имеющиеся знания, имеющуюся информацию. Поэтому доверие всегда предполагает ценностное отношение к личности другого, основанное, по сути, на позитивном прогнозировании его будущих поступков. Поэтому психологически доверие строится на основе отношения к потенциальным позитивным возможностям личности другого. Доверяя другому, человек рассчитывает, что тот не поступит ему во вред. Именно поэтому в философско-этических исследованиях феномен доверия связывали с нравственным самосознанием личности. Однако, с социально-психологической точки зрения, здесь имеет место рефлексивный процесс, заключающийся в том, что человек оценивает другого в предикативной форме: не предаст, не использует полученную информацию во вред, не будет пренебрегать ею, но эти оценки и ожидания не всегда оправдываются. Поэтому доверие — это риск, на что неоднократно указывали зарубежные исследователи [367, 378, 405, 413 и др.].

Как известно, общение определяется не внешним взаимодействием людей, а личностными отношениями между его участниками [199], межличностные отношения возникают и развиваются в процессе общения. Различие взаимоотношений и общения и вместе с тем их неразрывная связь между собой показана в работах В. Н. Мясищева [198, 199, 200 и др.]. Он дает следующее опре-

деление общения и отношений: «Общение — это процесс взаимодействия между людьми (речевого, трудового)» [197, с. 14], а «категория свойств, которые проявляются избирательно, различно и порой даже противоположно и в то же время с достаточной устойчивостью, называются отношениями» [197, с. 16]. В другой заботе он пишет: «В общении выражаются отношения человека с их различной активностью, избирательностью, положительным или отрицательным характером» [198, с. 114]. В. Н. Мясищев вводит еще одно понятие — «обращение», под которым понимает способ или форму общения и отношения. Понятие обращения получило иное смысловое содержание в работах А. У. Хараша, разрабатывающего интерсубъективный подход к исследованию коммуникативных воздействий: «Наша апелляция к категориям "отношения" и "обращения", посредством которых В. Н. Мясищев стремится осмыслить внутреннюю механику общения, отнюдь не случайна. Это два момента, помимо которых общение как реальный целостный процесс попросту не существует... У В. Н. Мясищева речь идет об "овнешненном" субъект-объектном обращении — обращении "человека с человеком", то есть о коммуникативных действиях и операциях, тогда как у нас речь идет о внутренне-смысловом, личностном обращении — обращении человека к человеку» [316, с. 31]. Доверие, с нашей точки зрения, и есть тот момент во взаимодействии, который придает коммуникативному акту внутренне-смысловой статус обращения, т.е. определенная мера доверия в актах коммуникации позволяет совершить переход от субъект-объектного способа коммуникации к субъект-субъектному общению.

Разрабатываемый подход А. У. Хараш противопоставил «моно-субъектному» пониманию личности, что, по его мнению, позволяет вскрыть роль межличностной взаимной детерминации в коммуникативных процессах. При этом «межиндивидуальная связь становится исходной единицей психологического анализа, а совокупность таких связей — подлинным "веществом", образующим "интрапсихический состав" личности. Вместилищем психической жизни, по существу, мыслится теперь уже не замкнутое "внутри-индивидуальное" пространство, ограниченное поверхностью кожного покрова..., а открытое пространство коммуникаций и взаимодействий между людьми, по отношению к которому факты "индивидуальной психики" оказываются подчиненными и производными» [315, с. 31].

А. У. Хараш следующим образом описывает различие между интрасубъективным и интерсубъективным подходами: «... с точки зрения первого, функцию связи субъекта с другим субъектом выполняют процессы приема и передачи информации, тогда как процесс переработки информации целиком остается в сфере ее

"монадной", "внутренней" жизни. С точки зрения второго, все звенья информационного процесса в равной мере осуществляют функцию связи субъекта с другим субъектом; иначе говоря, фаза, условно обозначаемая как "переработка информации", объективно ориентирована на межличностную коммуникацию, так же как прием и передача информации рассчитаны на нее субъективно, то есть в соответствии с сознательными намерениями и представлениями субъекта... Иными словами, каждый момент жизни человека характеризуется определенным коммуникативным состоянием, его обращенностью к другим людям. Коммуникативное состояние — это, с одной стороны, обобщенное состояние готовности к приему влияний со стороны других людей, которое предполагает соответствующую глобальную перестройку личности и деятельности субъекта. Другими словами, это целостная рецептивная установка (преднастройка) субъекта, содержанием которой является предвосхищение (ожидание) направленных на него действия и оценок. Это, с другой стороны, готовность к коммуникативному воздействию — предрасположенность к действиям и оценкам по отношению к другим людям, определяемая рецептивной установкой субъекта и, в свою очередь, ее определяющая» [315, с. 33—34].

Далее автор показывает, что коммуникативное состояние лишь частично принадлежит субъекту в виде установки или преднастройки, главные его свойства находятся в «околоиндивидуальном пространстве». Таким образом, А. У. Хараш вводит понятие «коммуникативное состояние», понимаемое как установка или «преднастройка» на определенный вид или содержание общения, которое детерминировано двояким образом — и самим субъектом общения, и его ожиданиями, то есть готовностью принять воздействие со стороны другого субъекта, при этом чрезвычайно динамичное, изменяющееся в самом процессе взаимодействия. Данные положения А. У. Хараша позволяют выдвинуть гипотезу о том, что доверие как субъективное личностное отношение к другому существует во внутриличностном пространстве субъекта (представленное ему как определенное ценностное переживание другого) и в процессе общения и взаимодействия как бы «выносятся» вовне, в «околоиндивидуальное» пространство, причем, обоими субъектами взаимодействия. В зависимости оттого, как оно «читается» или интерпретируется субъектами в самом процессе взаимодействия и общения, оно порождает различные феномены самого взаимодействия, а также корректируется обоими участниками во время взаимодействия.

Подобные рассуждения, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме, имеются у М. Бубера, который, рассматривая сферу взаимодействия и отношения людей, выделяет пространство «меж-

ду» как особую онтологическую реальность., По мнению М. Бубера, эта сфера или пространство «является изначальной категорией человеческой действительности, хотя и реализуется в весьма различной степени» [49, с. 94]. Как показывают социально-психологические исследования, здесь речь вновь идет о порождающем эффекте взаимодействия, или эффекте возникновения новой реальности в процессе взаимодействия человека, в данном случае — с другим человеком.

Таким образом, доверие как относительно самостоятельное социально-психологическое явление можно рассматривать и изучать как феномен, порождаемый, проявляемый и динамично изменяемый в процессе взаимодействия людей, и как феномен внутриличностный, который, будучи порожден в межличностном пространстве, вновь и вновь «выносятся» в пространство межличностных отношений, осуществляя функцию связи между людьми. В межличностных отношениях доверие формируется и существует. И хотя общение, взаимодействие и стоящие за ними межличностные отношения неразрывно связаны между собой, теоретически можно развести понятия доверия в общении и взаимодействии, где доверие выступает на феноменологическом уровне, и доверия во внутриличностном (интрасубъективном) пространстве человека, которое как бы «выносятся» вовне, осуществляя взаимосвязь между людьми, на основе чего и формируются, а также усиливаются или ослабляются уже имеющиеся доверительные отношения. Здесь доверие выступает как переживание определенного отношения, как некая ценностная психологическая позиция по отношению к конкретному другому. И хотя эти два уровня, как было показано, сопряжены между собой, прямой проекции между ними не существует, ибо отношение доверия (доверительная психологическая позиция) не всегда бывает конгруэнтно между участниками общения, и это детерминируется многими как субъективными, так и объективными обстоятельствами, о которых речь пойдет ниже.

Здесь лишь отметим следующее: известно, что человек всегда ориентируется на свое отношение к другому, рассчитывая на симметричность или конгруэнтность своего предпочтения, что в психологии получило название «презумпции взаимности» [81, 132]. Однако человек надеется на симметричность, которая в реальной жизни оправдывается далеко не всегда, ибо отношения доверия не всякий раз конгруэнтны, симметричны между участниками общения или взаимодействия. Человек лишь предполагает, что другой тоже испытывает по отношению к нему доверие или, по крайней мере, не подведет, не предаст его, но эти предположения, как известно, эмпирическая жизнь часто опровергает. В этой связи можно условно разделить понятия «я-доверие» и «мне-доверие»

и показать, что этот процесс далеко не всегда бывает взаимным. Причем субъекты общения могут осознавать это, а могут и не осознавать, чем обуславливаются многие феномены, в которых доверие является фоновым условием. Детерминирована эта неконгруэнтность может быть как субъективными, так и объективными причинами, т.е. в одних случаях неконгруэнтность обусловлена причинами личного, субъективного характера, а в других — социально-психологическими или объективными обстоятельствами.

Рассмотрим категорию отношений, так как доверие первоначально формируется в общении как качественная характеристика отношений между людьми. В отечественной психологии межличностные отношения исследовались в нескольких контекстах. Изучались познавательные, эмоциональные и практические отношения, где другой выступал как предмет познания, эмоциональной оценки и психологического воздействия. Первое направление наиболее полно представлено в работах А. А. Бодалева [37, 38, 39] и его последователей [82, 145, 155, 158, 292 и др.], в которых подчеркивается связь отношений и социальной перцепции, проявляемых в общении людей. В данном контексте на первый план выходит проблема взаимопонимания партнеров по общению и взаимодействию друг с другом. В исследовании эмоциональных отношений другой изучался как предмет симпатии и аттракции [64, 163, 213, 339 и др.]. В русле этого направления выделялись свойства привлекательности, детерминируемые либо внутренними характеристиками объекта симпатии, либо ее социально-ролевым статусом. В изучении практической стороны межличностных отношений другой рассматривался как предмет воздействия [128]. При этом строились различные модели воздействия, например, объектная (императивная), субъектная (манипулятивная) и субъект-субъектная (диалогическая или развивающая) [126]. Анализ данных моделей позволяет высказать предположение, что в рамках двух первых моделей происходит нарушение симметричности или конгруэнтности в проявлении доверия партнерами по общению и лишь последняя модель предполагает симметричные доверительные отношения. В контексте предлагаемого изучения способов воздействия людей друг на друга выделяются не только механизмы воздействия на другого, но и стратегии, применяемые человеком для достижения своих целей, среди которых манипулирование доверием другого занимает важное место.

Другой контекст изучения межличностных отношений связан с разработкой принципа деятельностного опосредствования межличностных отношений [231]. Согласно данному подходу межличностные связи, опосредствованные содержанием совместной деятельности, заключены в конкретных индивидуальных свойствах, хотя и не сводятся к ним, ибо проявляются в совместной деятельности.

С этой точки зрения, личность трактуется в качестве целостного (совокупного) субъекта относительно устойчивой системы S-O-S и S-S-O отношений в деятельности и общении, складывающихся и оказывающих воздействие на других индивидов, в результате чего «личность выступает как интегральная характеристика реальных вкладов, которые она сделала в других людей, как субъект этих активно осуществляемых преобразований» [231, с. 63]. Разработка данных методологических оснований позволила по-новому понять и проинтерпретировать процесс взаимодействия и, соответственно, взаимоотношений между людьми.

Близок к этой позиции подход, избранный А. У. Харашем в соответствии с деятельностной концепцией. Анализируя различные методологические подходы к пониманию проблемы общения и взаимодействия людей, А. У. Хараш показал, что уже на этапе восприятия людьми друг друга возможны различные уровни, или слои, межличностного восприятия: «Люди, воспринимающие друг друга, тем самым уже вступают друг с другом в общение, даже если они еще не успели приступить ни к намеренному обмену информацией, ни к совместному решению инструментальной задачи» [317, с. 20]. Но при этом он отмечает, что «онтологическая специфика процессов межличностного взаимодействия, как таковых, состоит в том, что в них эмпирически достоверным является присутствие только самих взаимодействующих сторон (индивидов, личностей)...» [317, с. 21]. Автор показывает, что в соответствии с таким пониманием межличностного восприятия можно выделить два типа восприятия другого человека — объектное и субъектное. При этом первое есть восприятие непосредственное, а второе — особое переживание, которое можно определить как «переживание самого себя». Таким образом, уже в процессе восприятия другой личности выделяется два уровня, один из которых есть собственно восприятие, тогда как второй — связан с процессом интерпретации другого как личности, как субъекта активности. Можно утверждать, что уже в процессе межличностного восприятия, даже при непосредственном восприятии, первое, что отражается человеком, — представляет или нет этот другой опасность или угрозу для него. На основе этого, как минимум, может приниматься решение о том, вступать с данным человеком в общение (или взаимодействие) или не вступать. Поэтому можно считать, что уже в социально-перцептивном процессе, даже если он является непосредственным, объектным (по терминологии А. У. Хараша), первым зарождается отношение доверия или недоверия, так как базовая характеристика доверия как социально-психологического явления заключается в переживании чувства безопасности от предстоящего процесса взаимодействия с данным конкретным человеком.

Второй вывод, который позволяет сделать исследование А. У. Хараша, заключается в том, что субъектное восприятие другого предполагает зарождение отношения к другому как к самому себе, то есть как ценностное отношение. Выделенное обстоятельство важно с точки зрения рассматриваемого вопроса, ибо, чтобы доверять другому, необходимы два условия: чувство безопасности и способность относиться к другому как к себе, т.е. как к суверенному субъекту активности и как к ценности. Если не соблюдается первое условие, человек стремится к «уходу» от контакта, при несоблюдении второго — взаимодействие будет характеризоваться стремлением к манипулятивным воздействиям, к использованию другого как цели [94].

Итак, доверие как особое субъективное личностное отношение к другому или к другим находится во внутриличностном (интрасубъектном) пространстве, и его существование «выносятся» вовне, порождая, видоизменяя качественные особенности межличностных отношений. Однако, поскольку это процесс встречный, то уже существующий уровень доверия в самом акте взаимодействия может видоизменяться, усиливаться, ослабляться или исчезнуть совсем. Причем взаимодействующие субъекты могут об этом не знать, а могут интерпретировать по-разному. Таким образом, если правомерно говорить о доверительном общении, оно должно предполагать существование доверительных отношений, в основе которых, согласно представлениям В. Н. Мясищева, лежат определенные свойства, принадлежащие субъекту и проявляющиеся в отношениях избирательно. Об этом же пишет Я. Л. Коломинский: «В наблюдаемом акте общения мы имеем дело и с актуализацией существующих отношений (которые в значительной степени сформировались в предыдущем опыте общения), и с предпосылкой для их развития в сторону укрепления или ослабления, и с причиной возможного изменения самой модальности отношений, их знака» [132, с. 17].

Таким образом, отношения (куда прежде всего относится мера или количество доверия) формируются в процессе общения и взаимодействия, в нем же проявляются и видоизменяются уже сформировавшиеся отношения. Как показывают проведенные нами исследования [277, 278] и исследование В. С. Сафонова [273], человек, вступая в общение с другими людьми, как бы «фильтрует» информацию, которую адресует тому или иному реципиенту. Поэтому правомерно говорить об отношении доверия как определенной готовности (или коммуникативного состояния) к проявлению доверия еще до акта общения, причем готовности, видимо, основанной на прошлом опыте общения с данным человеком, а также детерминированной социальным статусом, социальной ролью реципиента по отношению к коммуникатору и коммуника-

тора по отношению к реципиенту. Состояние готовности присуще обоим субъектам, оно может совпадать или не совпадать. Этим в значительной мере будет определяться взаимная значимость субъектов по отношению друг к другу, а также содержание доверительной информации. Но одной готовности проявить доверие мало, необходим еще целый ряд условий для реализации этой готовности в общении или взаимодействии людей.

Все вышесказанное дает основание предположить существование между людьми доверительных отношений, которые можно трактовать как внутреннее состояние готовности к проявлению доверия (преднастройку) хотя бы одного из двух взаимодействующих субъектов, как внутреннюю диспозицию личности на людей вообще (тогда это выглядит как доверчивость) и на определенный круг лиц в частности. В связи с этим становится очевидным, что если в любом акте общения или взаимодействия людей существует определенная доля доверия (ибо доверие есть условие любого общения), то его количество или мера есть динамическая характеристика, определяющая качественную сторону общения или взаимодействия, и чем выше уровень или мера доверия в общении и взаимодействии (причем взаимного доверия), тем сильнее выражена связь в отношениях между людьми.

§ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДОВЕРИЯ И ЕГО ФОРМАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В эмпирической жизни редко встречаются отношения, в которых присутствует абсолютное взаимное доверие. Чаще всего человек знает или прогнозирует «кому» и «что» он может доверять. Это знание основано на прошлом опыте общения и взаимодействия с различными конкретными индивидами и во многом детерминировано социально-ролевым статусом взаимодействующих индивидов по отношению друг к другу, а также конкретной ситуацией взаимодействия. В этой связи гипотеза заключается в том, что основными формально-динамическими характеристиками доверия как относительно самостоятельного социально-психологического явления будут *мера, избирательность и парциальность*. Выделение этих параметров позволяет констатировать, что при проявлении той или иной меры или «количества» доверия оно каждый раз адресовано разным людям и к тому же имеет существенные различия по содержанию.

Механизм того, как происходит взаимное принятие воздействий людьми друг на друга, исходя из их взаимной «настройки» или «преднастройки», позволяют понять идеи, высказанные

М. М. Бахтиным о диалоге и диалогических отношениях [27]. Анализируя творчество Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин показал, что авторство любого высказывания связано не только с содержанием мысли, но и с отношением к ней: «Предметное значение для него (Достоевского) неразрывно сливается с позицией личности» [27, с. 107]. С этих позиций интерес представляет работа И. И. Васильевой, в которой она описывает диалоговую ситуацию следующим образом: «...два субъекта обмениваются информацией оценочного характера по поводу некоторого объекта, значимого для них обоих, и на основе этой информации вступают в отношения уже друг к другу» [51, с. 86]. С точки зрения данного автора, любое высказывание можно проструктурировать подобным способом.

По ее мнению, удобной для этого моделью является предложение швейцарского лингвиста Ш. Балли [26], который в структуре высказывания выделял два основных элемента: диктум и модус. При этом диктум — это основное содержание высказывания, а модус — «коррелятивная операция, производимая субъектом, выражение модальности, отношение субъекта к содержанию» [цит. по: 51, с. 86]. Ш. Балли «указывает, что ответная реакция может быть направлена либо на диктум, либо на модус, но никогда — на то и другое вместе». Эти рассуждения подтверждают высказанное ранее положение о том, что в общении не всегда значим сам факт передачи информации, т.е. ее содержание. Важна еще взаимная оценка обсуждаемого содержания участниками коммуникативного процесса. И, видимо, сходство оценок обсуждаемого содержания (во всяком случае предполагаемое сходство) и его взаимная значимость для обоих субъектов, включенных в акт общения, и будет являться одним из механизмов, лежащих в основе установления доверительных отношений. При этом в общении сходство оценок обсуждаемого содержания может предшествовать общению, а может являться и его результатом, в то время как взаимная значимость должна быть обязательным условием.

Это положение можно проиллюстрировать результатами проведенного нами изучения доверительных отношений взрослых и детей в раннем юношеском возрасте, где было показано, что старшеклассники имеют нереализованную потребность в доверительном взаимодействии со взрослыми, в частности с родителями. Это происходит потому, что содержание доверительной информации имеет разную значимость для ребенка и для родителей, чем блокируется факт проявления доверия к родителям со стороны ребенка [279]. В проведенном нами исследовании со старшеклассниками [277] было эмпирически доказано, что на этапе ранней юности доверительные отношения со взрослыми являются актуальной потребностью, которая удовлетворяется далеко не всегда, так как значимые события и особенно переживания в жизни стар-

еклассников не столь важны для их близких, в том числе и родителей. Для последних гораздо важнее другие параметры (успеваемость, дисциплинированность, аккуратность и т.д.), а не мир субъективных переживаний, наиболее значимый для старшеклассников. Именно это в конечном итоге становится основной причиной потери доверия и разрыва внутренней связи между родителями и детьми.

Высказанные идеи подтверждают также результаты эмпирических исследований Н. Н. Обозова, доказавшего, что сохранению связей между людьми способствует сходство мнений, оценок, «Я-концепций» и т.п., а «отсутствие ценностно-однородного единства, обнаруживаемого во мнениях и отношениях, может вызвать противоречие в межличностных отношениях вплоть до межличностной напряженности, конфликтов и распада группы» [213, с. 11]. Этот же механизм согласуется с описанной в предыдущих разделах особенностью контрсуггестивности личности к тем внушениям, которые расходятся с ее взглядами и убеждениями.

И. И. Васильева специально обозначает значимость содержания общения для обоих субъектов как свойство, на котором базируется связь между общающимися субъектами. Именно поэтому в любом высказывании или обсуждаемом вопросе для взаимодействующих субъектов часто более важна и содержательна не информация сама по себе и даже не отношение к ней каждого из включенных в ситуацию взаимодействия или общения людей, а субъективная значимость содержания общения для каждого из его участников.

Как показывает анализ исследований по социальной психологии, уровень доверительности отношений детерминирован параметром значимости субъектов общения по отношению друг к другу. Понятия «значимость другого» и «ценностное отношение к другому» соотносимы друг с другом, однако прямой зависимости не имеют, ибо понятие «значимость другого» по объему шире, чем понятие «отношение к другому... как к ценности». Как было показано в предыдущем параграфе, в социальной психологии феномен значимых других достаточно полно изучен, однако не имеет однозначного толкования в психологической науке [124, 319, 329]. В целом вопрос о соотношении значимости другого и доверительного отношения к нему является дискуссионным и требует дополнительной экспериментальной проверки. Здесь же для простоты анализа приведем определение значимых других, данное А. А. и Е. А. Кроник, которые пишут, что значимые, это те, кто «действительно выполняет главные роли в жизни каждого человека» [156, с. 25].

Поскольку «значимые другие», как отмечают авторы, это не только те, к кому мы позитивно относимся, но и те, к кому мы относимся негативно, параметр «значимости» может как способ-

ствовать установлению доверия, так и препятствовать ему, блокировать его возникновение. Очевидно, что прямой связи не может быть и в отношении позитивной значимости другого, ибо положительный значимый может как раз в силу этого препятствовать проявлению доверия в некоторых областях жизни при общей доверительной установке по отношению к нему, т.е., по сути, детерминировать избирательность доверия.

Таким образом, параметр значимости, причем именно позитивной, может выполнять роль «фильтра» в проявлении доверия в общении с ним, поскольку субъект общения может опасаться снижения ценности своей личности в «его глазах» и на этой основе «закрывать» от него отдельные стороны своей жизни. Поэтому значимые другие, во всяком случае позитивные, могут входить в круг доверительного общения, однако доверие при этом может не проявляться в форме самораскрытия. Несомненным остается лишь факт, что значимые — это те, кто способен в большей мере влиять на нас, и человек доверяет им в этом смысле, хотя раскрывается перед ними не в полной мере, т.е. избирательно и парциально, что можно расценивать как стратегию минимизации риска самораскрытия.

В целом проведенный анализ показывает, что сходство ценностно-ориентационного единства, по крайней мере, относительно обсуждаемой информации, т.е. сходство в оценках обоих участников взаимодействия, уровень взаимной значимости содержания обсуждаемого вопроса или проблемы, совместно решаемой задачи, а также ценностное отношение взаимодействующих субъектов и детерминируют избирательность и парциальность в доверительных отношениях между людьми и определяют меру доверия между ними. Таким образом, теоретически можно выделить как минимум три параметра, которые будут гарантировать симметричность или конгруэнтность, т.е. взаимность доверия между людьми. Это взаимная значимость содержания обсуждаемой информации, взаимоценностное отношение общающихся людей друг к другу, а также предполагаемое сходство мнений или оценок по отношению к обсуждаемой информации.

Однако сходство всех перечисленных параметров обоими участниками взаимодействия лишь предполагается, прогнозируется. В действительности эти предположения могут и не совпадать с реальностью. Тогда и возникают различные «перекосы» во взаимодействии, которые человек может осознавать или не осознавать. Так, например, предположение о ценностном отношении субъектов общения по отношению друг к другу может основываться на прошлом опыте общения, в котором заложено предположение о взаимности субъективной ценностности, но может и задаваться социально-ролевым статусом каждого из взаимодей-

ствующих субъектов по отношению друг к другу. Это, конечно, отражается как на содержательных, так и на формально-динамических характеристиках доверительной информации.

В целом к несовпадению (или неконгруэнтности) уровня доверительных отношений каждого из участников взаимодействия по отношению друг к другу приводит разнообразие сочетаний всех выделенных параметров доверительности. Как уже было показано, неконгруэнтность социально-психологического отношения может быть задана объективно, т.е. извне, ситуацией или различием в социально-ролевых статусах участников взаимодействия. Но это вовсе не означает, что при этом пропадает доверие в отношениях. Эти обстоятельства служат объективным основанием существования тех феноменов межличностного взаимодействия, в которых доверие существует как обязательное фоновое условие. Например, полная конгруэнтность выделенных параметров в соответствии с построенной моделью возможна только в дружеских отношениях, даже в любовных отношениях мужчины и женщины она встречается редко. К тому же и в дружеских отношениях она носит весьма ситуативный характер, но в целом для дружеских отношений характерна такая тенденция. В основе авторитетности тоже лежит доверие, но в этом случае отношения не являются конгруэнтными, в частности, в силу объективно заданного социально-психологического различия в статусах взаимодействующих субъектов. Именно с этих позиций можно объяснить авторитет учителя или авторитет родителей. Как было показано в исследованиях, носитель авторитета наделяется другими доверием, но это вовсе не означает, что он, в свою очередь, будет им доверять.

Согласно нашему предположению, носитель авторитета, чтобы не потерять его в глазах другого, должен доверять тем, кто ему доверяет, но в иных формах. В исследовании, проведенном под нашим руководством В.А.Дорофеевым [90], было показано, что наибольшим авторитетом в системе «учитель—ученик» пользуются учителя, которые умеют проявлять доверие к потенциальным позитивным возможностям учащихся и, взаимодействуя с ними, ориентируются как бы на «зону их ближайшего развития», приписывая им не актуальные возможности и способности, а лишь виртуальные, но в то же время значимые для них. Согласно развиваемому подходу такое отношение тоже есть проявление доверия только к личностным возможностям учеников, к возможностям их личностного и познавательного развития. Такое доверие основано на отношении к ученику как к ценности. Итак, эмпирически доказано, что субъективное ценностное отношение к другому как к личности в соотношении с ценностным субъективным отношением к себе лежит в основе доверительного отношения. Подобные

идеи были высказаны Т.А.Флоренской [306], работающей в области практической психологии.

Неконгруэнтность в межличностных отношениях может быть задана и изнутри, субъективными особенностями взаимодействующих индивидов. Как показано в некоторых исследованиях (Л. И. Рюмина, Е. Л. Доценко, Г. А. Ковалев), в этих случаях наблюдаются либо феномены манипулирования другими, либо игровое взаимодействие. Основная причина возникновения этих явлений кроется в нарушениях конгруэнтности или симметричности в доверительности взаимодействующих индивидов по отношению друг к другу. Так, в статье Л. И. Рюминой [269] показано, что игра и манипулирование — особый вид межличностного взаимодействия, отличающийся от диалога. При этом игра есть обезличивающее взаимодействие, когда не просто нарушается доверительность, наблюдается не только личностная закрытость, но и управляемость, и контроль взаимодействующих субъектов друг за другом.

В игре теряется самооценność и уникальность субъектов, именно поэтому можно считать, что игровое взаимодействие связано с нарушением конгруэнтности в отношениях по выделенным параметрам. Причем чаще всего оба участника игрового взаимодействия знают об этом. Л. И. Рюмина также показала, что если при игровом взаимодействии имеет место еще и погоня за выигрышем, то это приводит к манипуляции. Манипуляция — это субъект-объектная форма отношений, и, по мнению автора, игра от нее отличается тем, что при игровой форме взаимоотношений играют оба, а при манипулятивной — один. Таким образом, налицо злоупотребление доверием другого [57, 93].

Итак, доверие можно трактовать как внутреннее состояние готовности к проявлению доверия хотя бы одного из двух взаимодействующих субъектов, которое «выносится» в околоиндивидуальное пространство, в процесс общения и взаимодействия. Будучи вынесено в межиндивидуальное пространство, это состояние «встречается», соприкасается с состоянием другого участника общения и, взаимодействуя, они совместно порождают различные феномены межличностного взаимодействия в каждом конкретном случае. В целом такое состояние готовности связано с взаимощенным субъективным отношением взаимодействующих субъектов по отношению друг к другу и к самим себе.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что содержание этой готовности заключается в переживании как по отношению к другому субъекту, так и к ситуации взаимодействия в целом и к обсуждаемой информации все тех же качеств — значимости и безопасности. Такая диспозиция по отношению к определенному кругу лиц может и не реализовываться в форме самораскрытия,

если не возникает адекватная для этого ситуация. Она не будет также реализована, если другой человек не обладает достаточной значимостью, ценностью для субъекта доверия, хотя и оценивается как безопасный. Именно с этих позиций можно объяснить феномен случайного попутчика. В полной мере такая «преднастройка» реализуется только при условии предполагаемой полной конгруэнтности или взаимности по всем выделенным параметрам.

Основываясь на всех приведенных рассуждениях, можно построить теоретическую модель, включающую идеальное соотношение выделенных признаков у взаимодействующих субъектов. Идеальная модель предполагает совпадение или сходство оценок обсуждаемой или передаваемой информации, единый уровень ее значимости для взаимодействующих субъектов, а также взаимную ценность партнеров по общению относительно друг друга. Именно поэтому самым высоким уровнем доверительности отличаются дружеские отношения, которые предполагают равные социально-психологические позиции индивидов по отношению друг к другу.

Необходимо специально отметить, что в основе возникновения доверия лежит еще и второе переживание — безопасность (надежность) партнеров по отношению друг к другу. При этом имеется в виду не нанесение ущерба друг другу в результате проявления доверия. Прежде всего имеется в виду ущерб психологического порядка — эмоциональный, моральный, нравственный, но он может носить и материальный характер, хотя чаще всего не физический, как в случае взаимодействия, например, с предметами материальной культуры. При этом безопасность обеспечивается именно субъектным, личностным уровнем отношения взаимодействующих людей. Как уже отмечалось в начале настоящего параграфа, отношение к другому как к субъекту активности предполагает позитивное отношение к личностной незавершенности, т.е. прогнозирование будущих поступков как безопасных для личности доверяющего. Именно поэтому доверие — это всегда риск, заключающийся в возможной ошибке прогноза.

Предположение о том, что один человек относится к другому как к самому себе, и служит гарантом безопасности в установлении доверительных отношений. Здесь и возникает связь между доверием к себе и доверием к другому. Тот, кто способен относиться к себе как к самооценности, как к самостоятельному, суверенному активному субъекту, будет таким же образом относиться и к другим. Тот, кто не боится доверять себе, доверяет и другому, хотя, возможно, такой прямой связи и не существует, потому что главнейшая характеристика доверия как относительно самостоя-

тельного социально-психологического явления — это мера. Выход за ее пределы по отношению как к себе, так и к другим чреват негативными последствиями. Однако подлинная личностная гармония с рассматриваемой позиции заключается в умении чувствовать эту меру и в то же время быть открытым как миру, так и самому себе.

Все это позволило выдвинуть предположение о том, что социально-психологическую сущность доверия невозможно понять, описывая различного рода феноменальные проявления доверия в структуре межличностного взаимодействия, ибо она постоянно «ускользает», утопая в других феноменах межличностного взаимодействия. Понять социально-психологическую природу доверия можно, лишь рассматривая связь «человек — человек» как единую систему, в которой каждый отдельный субъект имеет относительно самостоятельное значение как автономный, суверенный субъект активности, ибо система «человек — человек» порождает новую онтологию. И в процессе социально-психологического взаимодействия одновременная обращенность человека в мир и в себя имеет важное теоретико-методологическое значение. В данном случае обращенность человека в мир направлена на субъективный мир другого, на его ценности и смыслы, и человек отражает в каждый момент в другом лишь то, что для него актуально и ситуативно имеет смысл и ценность. В момент взаимодействия людей происходит взаимоотражение смыслов и ценностей, актуальных для обоих. Но взаимодействие создает не только общность, но и то, что в социальной психологии называется феноменами межличностного взаимодействия, — от искреннего подлинного диалога до игры и циничного манипулирования.

В этом случае все зависит от ценностных психологических позиций, занимаемых каждым из взаимодействующих субъектов как по отношению друг к другу, так и к самим себе. Другими словами, если сущность доверительного отношения сводится к переживанию актуальной значимости (ценности) и априорной безопасности объекта предполагаемого взаимодействия, то в социально-психологическом взаимодействии речь идет о значимости собственной личности, собственной субъектности и безопасности собственной активности, а также значимости личности партнера по взаимодействию и безопасности его будущей активности. Суть порождающего эффекта взаимодействия сводится к различного рода соотношениям названных психологических позиций каждого из партнеров (к себе и к другому). Такой подход позволил построить типологию тех видов межличностных отношений, внутри которых доверие или его полное отсутствие является фоновым условием.

Итак, вступая во взаимодействие, два человека образуют целостную систему, порождают новую онтологию «человек — человек». Но при этом каждый из них, будучи одновременно обращен и в мир и в себя, занимает определенную психологическую позицию как по отношению к себе, так и по отношению к конкретному другому, с которым он вступил во взаимодействие, отражая в каждый момент лишь то, что для него актуально, значимо «здесь и сейчас».

Если оба взаимодействующих субъекта имеют сходные (соответствующие) психологические позиции в плане доверия к себе и доверия к другому, сущность которых заключается в том, что субъект доверяет себе, или иначе — относится к себе как к ценности, а к другому, как к себе, то можно говорить об идеальной модели взаимодействия, ибо это способствует возникновению подлинно диалогического общения. В этом случае взаимодействие порождает диалогичность, выражаясь словами М. М. Бахтина, здесь важна не точность познания, а глубина проникновения. Именно такой диалог является творческим, ибо он способен порождать новые смыслы: «Диалог — разговор, в котором дух целого возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия реплик» [244, с. 61]. Для такого диалога заранее не подготовишь фразу или тему.

В подлинном диалоге неважно число участников, «...решает присутствие (или отсутствие) духа Целого (хотя бы у некоторых участников диалога). Если Целое не складывается, мы говорим о диалоге глухих, косвенно определяя этим подлинный диалог как разговор с попыткой понять собеседника». И далее автор статьи пишет: «Это (диалог. — Т. С.) всеми понимается как конец односторонней пропаганды и попытка разговора на равных, попытка убеждать и учиться в одно и то же время. В идеальном диалоге все собеседники прислушиваются к правде Целого, и гегемония принадлежит тому, кто меньше всего к ней стремится, кто не горит желанием утвердить свое сложившееся исповедание истины, кто держит ворота истины открытыми» [244, с. 62]. Таким образом, чтобы «услышать» другого, надо быть психологически готовым к этому, «...ибо только умолчав свой собственный голос, я могу услышать голос другого...» [59, с. 68]. Такая психологическая готовность и означает, что человек способен относиться к другому как к ценности и к себе самому как к ценности равного порядка.

Эти положения и легли в основу психологических моделей доверия, позволяющих выделить шесть различных типов доверия, порождающих типологию межличностных отношений, базирующихся на доверии или его отсутствии. Предлагаемые модели отображены в табл. 3.

Типология феноменов межличностных отношений,
в которых доверие является фоновым условием

№ π/π	S1	S2	Эффект порождения	Феномены межличностных отношений
1	Доверие к себе = доверию к другому	= Доверие к себе = доверию к другому	Диалог, смыслопо- рождение	Кооперация, сотрудничество, взаимовлияние
2	Доверие к себе > доверия к дру- гому	= Доверие к себе > доверия к другому	Игра	Соперничество, конфронтация
3	Доверие к себе < доверия к дру- гому	= Доверие к себе < доверия к другому	Потребность в само- раскрытии	Риск самоутраты
4	Доверие к себе = доверию к дру- гому	= > Доверие к себе > доверия к другому	Манипули- рование	Принуждение
5	Доверие к себе = доверию к дру- гому	= < Доверие к себе < доверия к другому	Авторитет	Влияние
6	Доверие к себе > доверия к дру- гому	> < Доверие к себе < доверия к другому	Манипули- рование	Зависимость, принуждение

Первая позиция предполагает, что оба взаимодействующих субъекта равноценностно относятся друг к другу. Именно такое взаимодействие предполагает, что оба субъекта доверяют в равной мере и себе и партнеру («другой актуально значим и потенциально безопасен так же, как значим и безопасен я сам и мои действия»). В этом случае люди «слышат» друг друга, взаимно децентрируясь на смыслах друг друга, образуя совместно новую реальность, единую онтологию, способную порождать новые смыслы. Но в реальной жизни имеют место и другие соотношения между психологическими позициями взаимодействующих субъектов. И тогда возникает иная реальность, иная онтология взаимодействия, порождающая иные межличностные феномены и эффекты.

Анализ возможных вариантов различных психологических позиций взаимодействующих субъектов относительно друг друга и самих себя дал возможность понять, почему различные, весьма несходные между собой феномены межличностного взаимодей-

ствия имеют сходное фоновое условие существования, связанное с доверием или его отсутствием.

Как видно из табл. 3, возможны шесть различных вариантов позиций, занимаемых людьми по отношению друг к другу и одновременно по отношению к себе. Причем три первых варианта предполагают равные позиции межличностных отношений, из них две позиции — неравные внутриличностные. Наиболее эффективной для межличностных отношений является первая из шести выделенных позиций, когда человек относится к себе как к ценности и к другому как равноценному себе. Именно такая позиция, как уже отмечено, приводит к диалогу и является творчески продуктивной. В основе такой модели лежит первый тип доверия.

Вторая позиция заключается в том, что каждый из взаимодействующих партнеров доверяет себе больше, чем партнеру по взаимодействию. Это означает, что каждый относится к себе как к ценности, но занижает ценность и надежность другого. Такое сочетание позиций порождает скорее игру, чем диалог, а поскольку каждый имеет в виду только себя, то результат такого взаимодействия — соперничество, конфронтация, отсутствие кооперации. Здесь, по-видимому, речь должна идти об отсутствии доверия. Это второй тип доверия или вторая психологическая модель доверия.

Третье сочетание позиций означает, что оба партнера по взаимодействию больше полагаются на другого, чем на себя. Такое сочетание позиций является рискованным для обоих, ибо оно связано с взаимным перекалыванием ответственности друг на друга, что, как известно, порождает безответственность. И, второе, если человек доверяет другому более чем себе самому, это значит, что он теряет свойство аутентичности, поэтому за такой позицией стоит риск самоутраты (В.А. Петровский), а доверие превращается в ненасыщаемую потребность. Это третья модель доверия.

Четвертая модель предполагает, что один партнер по взаимодействию умеет относиться к себе и к другому как к ценности, а другой — как к ценности относится лишь к себе. Такое сочетание психологических позиций скрывает в себе возможность манипуляции, принуждения со стороны того, кто центрирован в большей мере на себе. Видимо, поэтому человек, который доверяет только себе, полагается лишь на себя, выглядит сильнее, чем тот, кто и к другому может относиться не только как к средству.

Пятая модель или пятый тип доверия — один партнер по взаимодействию в равной мере относится к себе и к другому, как к ценности, а для другого первый — ценность более высокого порядка, чем он сам, другими словами, второй доверяет первому больше, чем себе самому. В таком сочетании позиций заложены

отношения подлинного авторитета, результатом которого является влияние на того, кто другому доверяет больше, чем себе.

И наконец, шестая модель означает прямо противоположное сочетание: у одного доверие к себе больше, чем доверие к другому, а у другого, наоборот, — к другому больше, чем к себе. Специфика такой позиции заключается в том, что она таит в себе опасность, не просто предполагающую манипулирование, а опасность попасть в зависимость от того, кто полагается лишь на себя, а другой позволяет использовать себя в качестве средства.

Естественно, построенные здесь модели взаимных позиций взаимодействующих субъектов являются лишь обобщенными схемами и во многом упрощают все возможные нюансы в огромном спектре взаимоотношений людей, но они позволяют понять, почему изучаемый феномен столь динамичен и его сущность «не схватывается», если не изучать онтологию, порождаемую взаимопозициями людей по отношению друг к другу и одновременно по отношению к самим себе. Описанные здесь варианты позиций лишь составляют условия, с которых начинается взаимодействие. Они являются «пусковым механизмом» неустойчивых, «текучих» и постоянно изменяющихся межличностных отношений, в основании которых всегда лежит определенная мера доверия к себе и к другому, выполняющая функцию связи между людьми. Предложенную схему можно развивать, например, с точки зрения перехода субъект-объектного взаимодействия в субъект-субъектное и, наоборот, или с точки зрения осознания или неосознания конгруэнтности или неконгруэнтности занимаемых психологических взаимоотношенных позиций.

Проведенный теоретический анализ и построенные на его основе психологические модели доверительного взаимодействия между людьми позволили сделать следующие выводы и сформулировать некоторые гипотезы, которые были подвергнуты эмпирической проверке:

— доверие к другому является условием человеческого общения, именно оно переводит акт безличной коммуникации в акт общения;

— доверие к другому выполняет функцию связи между людьми. Онтологически доверие существует в субъективном мире личности, однако возникает и функционирует в «околоиндивидуальном» пространстве, куда «выносятся» в момент взаимодействия людей и где динамично изменяется под влиянием этого взаимодействия;

— испытывая определенную меру доверия к другому, человек ориентирован на взаимность своего отношения, которое на самом деле не всегда бывает взаимным (конгруэнтным). Человек может осознавать, а может и не осознавать неконгруэнтность этих отношений;

— в основе доверия к другому лежит соотношение ценностного отношения к этому другому и к себе, которое может нарушаться в силу как объективных, социально-психологических, так и субъективных личностных причин;

— соответствие взаимоотношений переживаний по отношению к себе и к другому у обоих взаимодействующих индивидов — идеальная модель, порождающая подлинную диалогичность, и творчески наиболее продуктивная;

— нарушение соответствия между ценностным отношением к себе и к конкретному другому у любого из взаимодействующих индивидов или у обоих сразу порождает феномены межличностного взаимодействия, в основе которых лежит доверие;

— основными условиями возникновения доверия в социально-психологическом взаимодействии является актуальная значимость другого и его априорная безопасность (надежность), а также актуальная значимость собственных субъективных переживаний и априорная безопасность своих будущих действий, связанных с процессом взаимодействия с этим конкретным другим;

— основными формально-динамическими характеристиками доверия к другому как относительно самостоятельного социально-психологического феномена являются мера, избирательность и парциальность, которые проявляются в том, что человек, как правило, осознает, кому, что и насколько можно доверять.

Следующие параграфы настоящей главы будут посвящены описанию экспериментальной проверки некоторых из выдвинутых здесь положений.

§ 3. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДРУГОГО КАК ОБЪЕКТА ДОВЕРИЯ

Одна из исходных гипотез состояла в том, что существование различных феноменов межличностных отношений, условием которых является доверие, детерминируется соотношением ценностных отношений субъектов доверия к себе и к конкретному другому, с которым осуществляется взаимодействие.

При построении эмпирической части исследования одно из исходных положений состояло в том, что в формировании отношения доверия к другому для субъекта доверия большую роль играет как прошлый опыт взаимодействия с ним, так и актуальные потребности субъекта доверия.

В целом ряде исследований, проведенных в рамках социальной перцепции, показано, что ведущую роль в регуляции межличностного общения выполняют представления, понятия о другом человеке, которые атрибутируются на основе прошлого опыта

межличностного взаимодействия [37, 40, 133, 124, 146 и др.]; «В отражении личности другого человека одни черты могут запечатлеваться в представлении, формирующемся у познающего его индивида ярко и точно, другие бледно, с искажением, третьи — не фиксироваться вовсе» [37, с. 15]. Согласно такому пониманию представление о другом человеке есть результат «отбора», фильтрации самых важных для определенного вида взаимодействия личностных свойств отражаемого человека.

В этой связи С. Л. Рубинштейн писал: «...В реальном процессе мышления представление и понятие даны... в некотором единстве. Наглядный образ — представление в процессе мышления обычно все более схематизируется и обобщается. Эта схематизация не сводится к обеднению представления признаками и простой утрате некоторых черт, — она обычно превращается в своеобразную реконструкцию наглядного образа, в результате которой в самом образе выступают на передний план те наглядные черты предмета, которые объективно наиболее характерны и практически существенны для него; несущественные черты как бы стушевываются и отступают на задний план» [264, с. 358]. Следовательно, субъект отражает в другом человеке, вызывающем доверие, только те черты, которые значимы для данного типа взаимодействия.

Вовлекая различных лиц в свой внутренний мир, люди по-разному отражают особенности тех, перед кем они «раскрывают» те или иные его стороны. Это регулируется, во-первых, социально-психологической ролью другого по отношению к субъекту доверия, чем в свою очередь определяется социальная значимость другого для субъекта доверия, и, во-вторых, актуальными потребностями и интересами доверяющего.

В этой части исследования приняли участие 297 учащихся XI классов средних школ и 50 человек студентов педагогического вуза. Для проведения основной части эксперимента были привлечены учащиеся старших классов школ. Отбор объекта исследования в данном случае был продиктован теми соображениями, что круг доверительного общения учащихся старших классов включает довольно разнородный состав «персонажей», имеющих самый разный социально-ролевой статус по отношению к старшекласснику. Это обстоятельство дает возможность не только выявить возрастные особенности доверительного взаимодействия, но и выяснить, как изменяются представления о другом, вызывающем доверие в зависимости от его социально-ролевого статуса, и влияет ли сам статус человека, которому доверяют, на различные характеристики доверительного взаимодействия.

Экспериментальная процедура этой части исследования состояла из нескольких этапов. В начале были определены особенности представлений о значимости личностных качеств других людей,

входящих в круг доверительного общения. Эксперимент был построен по следующей схеме. С помощью метода «компетентных судей» было выбрано 150 позитивных личностных качеств из словаря личностных качеств, составленного К. К. Платоновым и Г. Г. Голубевым [242]. Чтобы исключить возможность разночтения предлагаемых понятий, мы отбирали дефиниции каждого из отобранных качеств из «Толкового словаря русского языка». Инструкция участнику эксперимента была следующая: «Мы будем перечислять вам личностные качества людей и при этом давать определение каждого из них. Ваша задача отобрать из них и записать те и только те, которыми, по-вашему мнению, должен обладать человек, с которым вы могли бы быть полностью откровенны, которому вы могли бы полностью доверять».

Т а б л и ц а   4

Суммарные частотные качества личности, вызывающей доверие

№ п/п	Качество личности	Частота выбора	№ п/п	Качество личности	Частота выбора
1	Верность	0,996	19	Ласковость	0,723
2	Честность	0,986	20	Серьезность	0,726
3	Доброта	0,989	21	Целеустремленность	0,723
4	Искренность	0,984	22	Чуткость	0,706
5	Надежность	0,972	23	Бесстрашие	0,703
6	Внимательность	0,891	24	Душевность	0,695
7	Вежливость	0,875	25	Авторитетность	0,689
8	Независимость	0,862	26	Добродушие	0,681
9	Самостоятельность	0,823	27	Гуманность	0,681
10	Справедливость	0,806	28	Догадливость	0,574
11	Веселость	0,764	29	Мудрость	0,566
12	Оптимистичность	0,760	30	Дружелюбие	0,566
13	Самообладание	0,752	31	Интеллигентность	0,561
14	Гордость	0,752	32	Любознательность	0,559
15	Порядочность	0,747	33	Ум	0,543
16	Общительность	0,747	34	Терпеливость	0,534
17	Здравомыслие	0,732	35	Хладнокровие	0,532
18	Ответственность	0,729	36	Организованность	0,532

Из всего списка ответов испытуемых были выбраны лишь те качества, которые имели наибольшую суммарную частоту выборов (табл. 4). Список качеств составляет некую обобщенную «идеальную модель» или некое «семантическое пространство» качеств, входящих в представление о человеке, вызывающем доверие. В табл. 4 приведен ранжированный по частоте выборов список качеств, отобранных испытуемыми. Как видно, наиболее часто называемыми оказались 36 качеств, отражающих самые различные позитивные характеристики человека.

На следующем этапе эксперимента приведенный в табл. 4 список качеств предлагался испытуемым для оценки конкретных людей, включаемых ими в круг доверительного общения.

Бланк методики, с которой работали школьники, приведен в приложении 1. Оценка качеств производилась на основе биполярного принципа (+, —). По этим же качествам школьники оценивали и себя с той целью, чтобы можно было сравнить их самооценки с оценками тех, кого они включают в круг доверительного общения. Проведение самооценки должно было подтвердить гипотезу о том, что в основе доверия к сверстнику лежит отношение старшеклассника к другому как к своему «Я», т.е. имеются в виду дружеские отношения, которые согласно гипотезе предполагают больший расчет на конгруэнтность в отношениях. Следовательно, и оценка значимых качеств сверстника должна в наиболее важной части соответствовать оценке собственных идентичных качеств. А поскольку в основе доверительного отношения ко взрослому лежит отношение старшеклассника к другому как к старшему, т.е. авторитетному лицу, то и оценка качеств взрослого должна значительно превышать по некоторым наиболее важным параметрам оценку собственной личности.

Таким образом, более высокая оценка взрослого как авторитетного лица по сравнению с самооценкой будет продиктована его большей значимостью, иначе говоря, определенной психологической позицией испытуемого, состоящей в том, что другой является ценностью более высокого порядка, чем он сам (на чем, собственно, и базируются отношения авторитетности). В то же время, сходная оценка себя и сверстника, которому испытуемый доверяет, будет соответствовать психологической позиции, заключающейся в том, что за сверстником признается ценность такого же порядка, как и в отношении себя самого.

Применение четырехклеточного критерия χ^2 для четырехпольной матрицы позволило получить основные плеяды качеств, наиболее часто приписываемых каждой ролевой позиции и являющихся характерными именно для нее.

Анализ полученных плеяд качеств, приписываемых каждой ролевой позиции, показывает, что старшеклассники, включая в

свой круг доверительного общения различных людей, по-разному их «видят». Выбор качеств во многом зависит от той социальной роли, которую занимает каждый человек по отношению к старшекласснику. При этом плеяды качеств, наиболее значимых для отца и матери, самые многочисленные. Это связано с тем, что родителям, которых старшеклассники включают в круг доверительного общения, все качества приписываются со значительно большей частотой, чем другим людям. Школьники оценивают родителей значительно выше, нежели других людей, которых включают в круг своего доверительного общения. Особенно это относится к позиции «мать».

Следовательно, в тех случаях, когда родители являются для старшеклассников авторитетом, основанным на доверительных отношениях, родители оцениваются старшеклассниками очень высоко (позитивные качества родителям приписываются статистически чаще, чем самым близким друзьям). Данное обстоятельство позволяет сделать важный вывод о том, что в детско-родительских отношениях потеря авторитета родителями связана с потерей доверительности в отношениях, что приводит к утрате связи во взаимоотношениях родителей со своими детьми. Этот вывод имеет большое значение для практики консультативной работы. Видимо, психологу-практику при обращении к нему за консультацией, связанной с проблемами детско-родительских отношений, прежде всего следует выяснять, насколько ребенок доверяет каждому из родителей, и если доверительная связь сохранена, значит родители не потеряли авторитетность в глазах своего ребенка.

Содержательный анализ качеств, приписываемых родителям, свидетельствует о том, что только три качества одинаково часто приписываются обоим родителям: *верность, доброта и честность*. Перечисленные качества полностью совпадают с тем набором, которым старшеклассники наиболее высоко оценивают себя. Таким образом, получается, что этими тремя качествами ограничивается оценивание нравственной сферы личности, важной для возникновения доверия как к себе, так и к близкому другому. Однако эти качества необходимы для авторитетного родителя, иначе, как показывает эксперимент, старшеклассники не включают родителей в круг доверительного общения.

Полученные данные также свидетельствуют о том, что приписывание качеств различным людям носит во многом ролевой характер. К примеру, отцу, наряду с нравственными, наиболее часто приписываются волевые и интеллектуальные качества (ум, здравомыслие, мудрость, серьезность, целеустремленность и т.п.), а матери — эмоциональные (добродушие, чуткость, ласковость, душевность). Плеяда качеств, характерная для позиции «брат»,

ближе по содержанию к позиции «отец» и «лучший друг», а позиция «сестра» — к позиции «мать». Плеяда качеств, соответствующая ролевой позиции «друг», состоит в основном из коммуникативных качеств: дружелюбие, общительность, вежливость, веселость; качества, соответствующие позиции «учитель», — из волевых: внимательность, серьезность, организованность, ответственность.

Отметим еще один интересный факт. При отборе самых важных качеств для обобщенного образа человека, которому можно доверять, наибольший статистический вес получили те же три качества — верность, доброта и честность, что приписывались чаще всего обоим родителям и самим себе. Таким образом, по основным человеческим ценностям старшеклассники отождествляют себя в большей степени с родителями, нежели со сверстниками. Например, такое качество, как доброта, часто не приписывается даже самым близким друзьям. При доверительных отношениях с родителями старшеклассники оценивают их выше, чем самых близких друзей, а по основным общечеловеческим качествам отождествляют себя в большей степени с родителями, если они являются для ребенка авторитетными, и другими близкими родственниками, нежели с близкими друзьями.

Однако наибольшее значение для понимания атрибутивных характеристик доверительных отношений имеют данные, представляющие обобщенные позиции «взрослый» и «сверстник». Обнаружено лишь 3 качества, которые сверстнику приписывались в среднем чаще, чем взрослому: *веселость, дружелюбие, общительность*. Остальные 26 качеств на статистически значимом уровне приписываются чаще взрослому, нежели сверстнику. Еще раз отметим, что только коммуникативные качества приписываются сверстнику чаще. Полученные данные в целом подтверждают гипотезу о том, что доверительные отношения со сверстниками и со взрослыми реализуются по-разному: со сверстником они основываются на отношении к нему как равному с собой по степени ценности, а со взрослым — на отношении авторитета, т.е. лица, представляющего большую ценность, чем подросток.

В результате подсчета суммарных частот приписывания каждого качества людям, находившимся в сходных ролевых позициях, был получен полигон частот, или «обобщенный личностный профиль», отдельно для каждого из имеющихся «социальных персонажей», которым испытуемые доверяют (см. прилож. 2—6). Полученные «профили» позволяют наглядно продемонстрировать, что все названные испытуемыми взрослые как вызывающие доверие оцениваются старшеклассниками выше, чем собственная личность, а оценка всех названных «сверстников» не имеет различий (на статистически значимом уровне) по сравнению с самооценкой.

Анализ данных, полученных при повторном проведении эксперимента, показал, что приписывание школьниками качеств наиболее близким людям является устойчивым и служит подтверждением того, что отношение доверия к другим людям у старшеклассников в значительной мере детерминировано социальной ролью объекта доверия по отношению к старшекласснику.

Все полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что приписывание практически всех качеств носит преимущественно ролевой характер, исключение составляют лишь качества нравственного плана, к которым относятся верность, доброта и честность. Эти ценности для старшеклассников являются наиболее значимыми и потому они их значительно чаще приписывают взрослым, носителям авторитета, которым они в наибольшей степени доверяют.

Итак, согласно полученным данным, можно сделать общий вывод о том, что отношение доверия к другому основывается на сочетании определенных ценностных психологических позиций взаимодействующих субъектов по отношению к себе и к партнеру по взаимодействию. Так, дружеские отношения строятся при условии равноценностного отношения к себе и другому, а отношение авторитета — на признании большей ценности по определенным параметрам авторитетного лица.

§ 4. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ В ПЕРЕЖИВАНИИ ДОВЕРИЯ К ДРУГОМУ

Поскольку доверие к другому относится к числу экзистенциальных проблем личности, для ответа на вопрос, как человек переживает отношение доверия к другому, в каких терминах и понятиях он может его вербализовать, было проведено сочинение на тему «Доверие к другому». Испытуемым давалась следующая инструкция: «В вашей жизни есть люди, которым вы доверяете. Опишите, как вы это переживаете, чувствуете. В чем это проявляется». В качестве испытуемых выступили студенты. Всего было написано 85 сочинений, подвергнутых контент-анализу. Кодирование проводилось по схеме, предложенной В.А.Ядовым [342]. В результате анализа было выделено 14 смысловых единиц, которые назывались чаще всего. К ним относятся:

- обязательность взаимности доверия;
- чувство внутренней связи с теми, кому они доверяют;
- указание на то, что разным людям доверяется не одно и то же (что подтверждает гипотезу о парциальности как формально-динамической характеристике доверия);
- потребность в понимании и сочувствии, которая удовлетворяется с помощью доверия;

- необходимость получить совет или помощь от другого;
- уверенность, что другой не предаст;
- отсутствие насмешек со стороны другого;
- наличие симпатии, притяжения, уважение и т.п.;
- возникновение чувства облегчения в трудную минуту и чувства защищенности;
- необходимость умения слушать;
- стремление относиться к другому как к самому себе;
- сходство взглядов и ценностей;
- роль взаимной значимости обсуждаемых проблем;
- признание части испытуемых в том, что доверяют только себе.

Подсчет «удельного веса» каждой смысловой единицы показал, что практически все выделенные единицы получили довольно высокие коэффициенты интенсивности, за исключением случаев, когда испытуемые отмечали, что не доверяют другим, полагаясь только на себя.

Согласно полученным данным, наиболее высокий коэффициент интенсивности имеют следующие смысловые единицы: *парциальность, желание получить совет, помощь, симпатия, притяжение, уважение и умение слушать*. Во всех этих случаях показатель «удельного веса» смысловой единицы больше 0,8. Однако самый высокий коэффициент (0,93) свидетельствует о сильно выраженной ориентации на взаимность в доверительном отношении. Данное обстоятельство можно проинтерпретировать следующим образом: доверие к другому предполагает позитивную установку по отношению к нему, и человек ориентирован прежде всего на взаимность своего отношения.

Этот вывод не является новым. В работах Я. Л. Коломинского [132,133] было показано, что установка на взаимность отношения действительно существует как презумпция взаимности. Видимо, взаимность выступает своего рода гарантией безопасности в доверительных отношениях. Более того, выделенные смысловые единицы, прямо связанные с безопасностью, — вероятность предательства и насмешек со стороны другого — получили наиболее низкое числовое выражение коэффициента интенсивности, в обоих случаях он равен 0,71. Тем более, что из тех испытуемых, кто указал на взаимность, лишь 4 человека дополнительно называли показатели, прямо связанные с безопасностью. Очевидно, что ориентация на взаимность доверия имеет значительно большую ценность для людей, потому что выступает гарантом отсутствия предательства или снижения собственной ценности в глазах другого.

Высокий «удельный вес» показателя парциальности служит дополнительным подтверждением гипотезы о том, что избира-

тельность и парциальность — основные формально-динамические характеристики доверия как относительно самостоятельного социально-психологического феномена, и они присутствуют везде, где этот феномен наличествует, как сущностные качества, определяющие эмпирическую меру в проявлении доверия. Две смысловые единицы, имеющие наибольший «удельный вес» после показателя взаимности, — это ориентация на помощь и совет и умение слушать. Эти данные можно использовать для подтверждения гипотезы о том, что, во-первых, отношение доверия к другому актуализируется в значимых для субъекта обстоятельствах, когда у человека возникает потребность в помощи, и, во-вторых, выделение смысловой единицы, обозначаемой испытуемыми как «умение слушать», связано с явлением децентрации как обязательным условием подлинного доверия. При этом просто предполагаемое сходство взглядов имеет меньший «удельный вес», и его коэффициент интенсивности составляет всего 0,73 по сравнению с показателем, обозначенным как «умение слушать» — 0,87. Столь высокий показатель, указывающий не просто на сходство взглядов и ценностей, а на необходимость децентрации в доверительных отношениях, как раз и является свидетельством того, что в доверительных отношениях, даже в самых глубинных видах, связанных с самораскрытием, происходит не просто передача конфиденциальной, важной, значимой и другой информации, а взаимопроникновение в смыслы и ценности взаимодействующих субъектов. К числу показателей, имеющих наибольший «удельный вес», относится также показатель, который обозначался испытуемыми как симпатия, привязанность, уважение и т.п. Эти и сходные с ними понятия свидетельствуют о значимости позитивного принятия другого в существовании доверительных отношений.

В целом, если проранжировать выделенные смысловые единицы соответственно полученным числовым показателям, можно получить ряд, в который будут входить наиболее важные для доверительного взаимодействия смысловые единицы. Мы назвали его феноменологическим полем переживания доверия к другому. Полученный ранжированный ряд выглядит следующим образом:

1. Взаимность доверительного отношения.
2. Совет, помощь (актуальность, значимость возникающих обстоятельств).
- 2а. Умение слушать (децентрация).
3. Парциальность, избирательность.
4. Симпатия, уважение, притяжение (позитивное принятие).
5. Взаимная значимость проблемы, обстоятельств.
6. Ощущение внутренней связи.
7. Сходство взглядов.
8. Понимание, сочувствие (эмпатия).

8a. Отсутствие предательства.

8b. Отсутствие насмешек.

9. Чувство облегчения, защищенности.

10. Отношение к другому как к самому себе.

Итак, полученный ранжированный ряд выделенных смысловых единиц свидетельствует о том, что построенная теоретическая модель доверия к другому получила эмпирическое подтверждение. В основе доверия к другому лежит предположение о конгруэнтности позиций партнеров по отношению друг к другу. При этом конгруэнтность — это не просто предположение о взаимности отношения. Содержание этой позиции включает в себя такие феномены, как способность к децентрации, позитивное принятие и предполагаемое сходство взглядов и ценностей. Актуализация такой уже существующей позиции зависит от возникновения значимых обстоятельств, в которых партнер по взаимодействию может оказать какую-либо помощь. Все эти обстоятельства, интегрируясь, осуществляют функцию внутренней связи между взаимодействующими субъектами, на которую указывают многие испытываемые.

В целом проведенный анализ сочинений позволяет описать, как человек переживает доверие к другому. Первоначально рассмотрим позицию одного, учитывая его ориентацию на конгруэнтность. Доверие к другому существует как определенная психологическая позиция, заключающаяся в позитивном принятии, предполагаемом сходстве взглядов и ценностей. Такая позиция является специфическим генерализованным отношением к конкретному другому. Предположительно этот другой способен к взаимности принятия и децентрации на собственных проблемах и взаимодействие с ним не содержит опасности (заключающейся либо в предательстве, либо в снижении ценности собственной личности в глазах этого другого). Такая позиция актуализируется при возникновении значимых обстоятельств или проблем, а человек, занимающий такую позицию по отношению к другому, рассчитывает на ее конгруэнтность.

Эта предполагаемая конгруэнтность позиции и осуществляет функцию связи, объединяя двух доверяющих друг другу людей в единую психологическую систему, которая на самом деле является динамичной, часто возникает ситуативно и поэтому весьма неустойчива из-за постоянно нарушаемой конгруэнтности взаимных позиций. Более того, поскольку человек вступает в доверительные отношения со многими людьми, он может просчитывать, прогнозировать, какие взгляды и ценности совпадают с его собственными, а какие — нет, в каких обстоятельствах человек сможет ему оказать помощь, а в каких — нет, когда он сохранит высокую оценку собственной личности в глазах другого,

а когда — нет. Все это и детерминирует парциальность и избирательность в проявлении уже существующей позиции на доверие и определяет эмпирическую меру или количество реального доверия.

Итак, обобщенный анализ всех полученных здесь данных свидетельствует о следующем: главным социально-психологическим критерием доверительности в отношениях является ориентация на взаимность (соответствие) всех других выделенных смысловых единиц, которые можно назвать психологическими индикаторами в отношении доверия к другому. К числу этих индикаторов прежде всего относятся: *позитивное принятие, способность к децентрации и взаимная значимость обсуждаемого содержания*. При этом различные соотношения взаимности названных индикаторов в каждом конкретном случае и детерминируют наличие формально-динамических характеристик доверия — меры, избирательности и парциальности.

Для дополнительной проверки гипотезы о конгруэнтности позиций в отношении доверия было организовано специальное исследование, описанию результатов которого и посвящен следующий параграф.

§ 5. «Я-ДОВЕРИЕ» И «МНЕ-ДОВЕРИЕ» - НЕКОНГРУЭНТНОСТЬ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Как уже отмечалось, при построении концептуальной модели доверия как относительно самостоятельного психологического явления оно выполняет функцию связи между взаимодействующими субъектами, выступая системообразующим фактором возникающей психологической ситуации. На уровне социально-психологического взаимодействия, межличностных отношений с другими людьми или с другим лицом между ними устанавливаются не просто межличностные отношения, возникает психологическая ситуация, внутри которой происходит взаимопроникновение взаимодействующих лиц в смыслы друг друга. Взаимодействующие лица проецируют свои ценности и потребности друг на друга. В возникшей психологической ситуации доверие выполняет функцию связи между субъектами, ибо «доверие есть исходное условие любого человеческого общения» (К. А. Абульханова-Славская). При этом чем выше мера доверия между вступившими во взаимодействие людьми, тем больше выражена связь. Однако специфика межличностных отношений, в отличие от отношений с неодушевленными объектами, заключается в том, что субъекты взаимодействия предполагают, что эта

мера (или количество) доверия по отношению друг к другу взаимна. Вступая во взаимодействие, человек рассчитывает, что другой по отношению к нему займет сходную психологическую позицию, особенно в случае, когда между взаимодействующими субъектами нет различия в социально-психологических статусах.

В этой связи была поставлена задача выявить, насколько совпадают психологические позиции в отношении меры доверия партнеров по взаимодействию. Другими словами, задача состояла в том, чтобы эмпирически выявить, действительно ли всегда существует определенный уровень доверия у обоих партнеров по отношению друг к другу или их психологические позиции могут различаться. Кроме того, был поставлен вопрос, осознают ли люди различия в их психологических позициях по отношению друг к другу, если таковые существуют. Соответствующие психологические позиции были названы нами: «я-доверие» и «мне-доверие».

Для решения поставленной задачи был использован модифицированный в соответствии с целями исследования принцип проективной психометрической методики, предложенной В. Г. Щур [336, с. 108—114]. Суть используемого приема состояла в следующем: испытуемых просили определить место каждого члена группы на одной из 7 ступеней лестницы в зависимости от степени его доверия к ним: чем ниже испытываемый уровень доверия, тем выше должна быть ступенька. Каждый испытуемый получал при этом заранее составленный бланк методики (см. прилож. 7) с рисунком лестницы, список группы, где ее члены были пронумерованы, и инструкцию: «Поставьте, пожалуйста, каждого члена вашей группы на ступеньки лестницы, которая изображена на рисунке, в зависимости от того, насколько вы ему доверяете. Самая низкая, первая, ступенька соответствует самому высокому уровню доверия, а самая высокая, седьмая, ступенька соответствует минимально возможному уровню вашего доверия. Во второй колонке расставьте, куда, на какую ступеньку, по вашему мнению, вас поставит каждый член вашей группы». В результате такой процедуры для каждого испытуемого были получены 3 ряда чисел. Первый ряд соответствовал уровню «я-доверия» каждому члену группы, второй — прогнозируемому «мне-доверию» каждого члена группы, третий ряд, который высчитывался по разнице между «я-доверием» и прогнозируемым «мне-доверием», фактически соответствовал уровню «мне-доверия» каждого члена группы.

В эксперименте приняло участие 6 различных групп, из них — 3 группы состояли из студентов, учителей средней школы, преподавателей УПК и бригады АО «Энергосеть». В целом выборка составила 124 человека. Статистический анализ данных проводился по каждой группе отдельно и в целом по всей выборке. Длина всей выборки составила 2477 парных сравнений. Для выявления

различий между рядами использовался статистический критерий Вилкоксона для парных сравнений. Вычислялось, существуют ли различия между тремя полученными рядами.

Первоначальное гипотетическое предположение состояло в том, что между первым и вторым рядами, соответствующими «я-дове-рию» и прогнозируемому «мне-дове-рию», статистических различий быть не должно, ибо человек рассчитывает на взаимность психологической позиции по отношению к нему. Статистические различия должны иметь место между первым и третьим столбцами, соответствующими урону «я-дове-рия» и фактического «мне-дове-рия», так как именно объективно существующие различия в уровне взаимодоверия субъектов по отношению друг к другу и являются той психологической базой, на которой возникают различные феномены межличностного взаимодействия. Были получены следующие результаты статистической обработки данных. Значимые различия между парными сравнениями обнаружены только в случае между уровнем «я-дове-рия» другому и фактическим уровнем доверия со стороны этого другого. Между уровнем «я-дове-рия» другому и прогнозом, т.е. тем, на какой уровень доверия рассчитывает человек со стороны этого другого, значимых различий не обнаружено. Таким образом, человек действительно рассчитывает на примерное совпадение уровня собственного доверия к другому и уровня доверия со стороны этого другого, но фактически это не так.

Качественный анализ полученных «сырых» данных позволил выдвинуть некоторые дополнительные предположения. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что не во всех случаях испытуемые были ориентированы на взаимность партнеров по уровню доверия. Это обстоятельство позволило выдвинуть предположение о том, что неконгруэнтность в межличностной позиции может не всегда осознаваться испытуемыми. Случаев, когда испытуемые осознавали, что их позиции неконгруэнтны, оказалось всего 5,77%. Другими словами, можно утверждать, что в некоторых случаях люди осознают неконгруэнтность своих психологических позиций по отношению друг к другу, но в большинстве случаев этого не происходит.

Во-вторых, из «сырых» данных были отобраны случаи, когда имеется значимое различие между прогнозом и фактическим уровнем доверия субъекту со стороны другого. Эти случаи отражают ситуацию, когда человек не осознает явно существующее нарушение конгруэнтности во взаимности психологических позиций по отношению друг к другу. Таких случаев по всей выборке оказалось уже 19,1%.

И, наконец, в-третьих, качественный анализ «сырых» данных позволил разбить всех испытуемых на 3 условные группы: группу

высоко доверяющих, средне доверяющих и низко доверяющих. Цель состояла в том, чтобы выявить, в каких случаях люди чаще всего ошибаются в прогнозах относительно уровня взаимности доверия к себе другого человека (когда их отношения характеризуются высоким уровнем доверия, низким или средним). Иными словами, задача состояла в том, чтобы узнать, на каком уровне близости отношений человек ошибается чаще: в случаях когда уровень доверия, по мнению испытуемых, высок, низок или находится в средних пределах. Результаты статистического определения значимости различий, подсчитанные с помощью парного теста Вилкоксона в каждой из подгрупп, показали, что во всех группах значимых различий обнаружено не было.

Последнее означает, что вероятность ошибки в ориентации на конгруэнтность отношения доверия во всех подгруппах одинакова. Иначе говоря, неконгруэнтность в отношении доверия между людьми имеет место и при высоком уровне доверия, и при среднем, и при низком. Данное обстоятельство служит дополнительным доказательством того факта, что человек лишь рассчитывает на взаимность своего доверия в той же степени, в какой доверяет сам, однако, сколь бы сильно оно не выражалось, в большинстве случаев расчеты на взаимность не оправдываются, и лишь в некоторых случаях люди осознают явное несовпадение, хотя значительно чаще не осознают его.

Итак, проведенное исследование показало, что, несмотря на то, что в большинстве случаев люди рассчитывают на взаимность доверия в соответствии со своей психологической позицией по отношению к конкретному другому, надежда далеко не всегда оправдывается. В некоторых случаях это отсутствие конгруэнтности в позициях «я-доверие» и «мне-доверие» осознается одним или обоими взаимодействующими субъектами, но в большинстве случаев отсутствие конгруэнтности в доверительных позициях по отношению друг к другу остается неосознанным. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что вероятность ошибки в прогнозе «мне-доверия» со стороны другого не зависит от близости отношений. Ошибки в прогнозе «мне-доверия» встречаются с одинаковой степенью частоты как при близких, так и при средне- и низкодоверяющих взаимоотношениях.

Итак, проведенное эмпирическое изучение проявлений доверия к другому позволяет сделать следующие выводы:

— отношение доверия к другому основывается на сочетании определенных ценностных позиций взаимодействующих субъектов по отношению к себе и к партнеру. При этом в основе дружеских привязанностей лежат равно ценностные отношения к себе и к другому, а во взаимодействии с авторитетным лицом проявляются отношения к нему как к ценности по некоторым параметрам.

рам более значимой, нежели сам субъект доверия. Эти результаты подтверждают теоретически выдвинутое предположение о том, что существуют различные виды межличностного доверия, порождающие разнообразные феномены межличностного взаимодействия, фоновым условием существования которых является доверие (или его отсутствие);

— в основе доверительного отношения к другому лежит предположение о конгруэнтности (соответствии) психологических позиций партнеров друг к другу;

— доверительная психологическая позиция является генерализованным отношением к конкретному другому, которому приписывается взаимность по ряду значимых для доверительного отношения характеристик, связанных со способностью к децентрации, позитивному принятию и значимостью обсуждаемого содержания;

— предполагаемая взаимность или конгруэнтность психологических позиций выступает гарантией безопасности в доверительных отношениях;

— различия в психологических позициях партнеров по отношению друг к другу обуславливают неконгруэнтность доверительных отношений, которая может как осознаваться, так и не осознаваться ими;

— существующая неконгруэнтность в психологических позициях по отношению как к партнеру по доверительному взаимодействию, так и к самому себе приводит к возникновению различных феноменов межличностного взаимодействия, фоновым условием существования которых является наличие или отсутствие доверия.

ГЛАВА 7

МЕСТО И РОЛЬ ДОВЕРИЯ В ПСИХОЛОГИИ

§ 1. ДОВЕРИЕ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование помогло осмыслить доверие в качестве социально-психологического явления, существующего как самостоятельный вид двухполюсной ценностной установки-отношения к миру и к себе, сущность которой связана с актуальной значимостью объекта доверия и оценкой его как безопасного для субъекта. Актуальная значимость и априорная безопасность объекта доверия выступают основными условиями возникновения доверия.

Полученные результаты позволили сделать некоторые дополнительные обобщения и определить возможные перспективы дальнейших исследований в рамках развиваемого подхода к изучению доверия как социально-психологического явления.

Итак, доверие есть одна из форм отношений человека к миру и одновременно к самому себе. В психологическом словаре отношения определяются как психологическая связь человека с окружающим его миром людей и вещей. Создатель концепции отношений в отечественной психологии В. Н. Мясищев определяет отношения личности как «целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с разнообразными сторонами объективной действительности» [201, с. 28].

Методологическая позиция, основанная на идеях концепции отношений, позволила понять явление доверия через механизм интеграции доверия человека к себе как к субъекту активности и одновременно доверия к миру или тем условиям, которые он предоставляет человеку в каждой конкретной ситуации. Таким образом, доверие связано с отношениями личности, установками, ожиданиями и в целом с «Я-концепцией» личности.

Из социальной психологии известно, что аттитюд или социальная установка определяется как ценностное отношение, функционирующее «одновременно как элемент психологической структуры личности и как элемент социальной структуры...» [328, с. 86]. Поведение человека — это всегда сложный комплекс, результат влияния различных факторов, к которым прежде всего относятся: предположения индивида о возможных последствиях своих поступков, их оценки, представления человека о своих возможностях, мнения о том, как поступать правильно, исходя из своих представлений о должном или в соответствии со своими ценностями и смыслами. Эти рассуждения приводят к выводу: отсутствие включения переживаний, связанных с явлением доверия, с одной стороны, к себе, а с другой — к конкретной общности, к обстоятельствам ситуации и привело к тому, что изучение доверия ограничилось поиском или декларированием его одномерных характеристик.

Понимание доверия как механизма, способа, направленного на объединение человека, с одной стороны, со своими внутренними ценностями, потребностями, интересами и желаниями, одним словом, собственной субъектностью, а с другой — с той частью мира, с которой он собирается вступить во взаимодействие, и позволяет классифицировать доверие как социально-психологическое явление, психологическим механизмом которого является социальная установка, формирующаяся благодаря одновременной направленности психики человека в мир и в себя самого или взаимодействию двух разнонаправленных позиций — социальной и личностной, сформированных на основе прошлого опыта взаимодействия человека с миром. Именно поэтому доверие существует во внутриличностном пространстве, но функционирует, проявляет себя в околоиндивидуальном и в межличностном пространстве, именно там оно качественно и количественно видоизменяется, трансформируется, может переходить в свою противоположность, осуществляя функцию связи человека с миром. Поэтому можно сказать, что доверие — это явление одновременно и внутриличностное и социальное. Человек всегда направлен и в мир, с которым он взаимодействует, соизмеряя свои возможности с предоставляемыми им условиями, и в себя, учитывая при этом собственные интересы, потребности, желания и цели.

Предлагаемая трактовка доверия как социально-психологического явления включает в себя представление о доверии как многоуровневом образовании: первичные установки представлений о доверии генетически имеют биосоциальную природу (возникают на ранних стадиях онтогенеза из базовой потребности в безопасности); вторичные установки (или «вторичное доверие», направленное на мир и на себя самого), интериоризируясь, начинают

представлять собой личностные установки, которые фиксируются как качества личности, отделяющие ее от других людей (что и было эмпирически выявлено в зарубежной психологии как дифференциация людей на высоко и низко доверяющих — Т. Ямагиши).

В каждой конкретной ситуации эти установки, сформированные в прошлом опыте, направленные на мир и на себя самого, начинают взаимодействовать между собой, на основе чего индивид и вырабатывает каждый раз новую актуальную установку, имеющую личностно-социальную природу и отвечающую конкретной ситуации, в которую индивид актуально включен.

В социальной жизни виды отношений (или установок) определяют виды взаимоотношений, в которых характеристики проявления доверия — всегда синтез установок всех взаимодействующих субъектов. Именно это обстоятельство и позволяет выделять различные виды доверия, характерные для разных ситуаций межличностного взаимодействия, и говорить о них как о явлениях ситуативных, динамичных, имеющих разные характеристики не только в разных, но и в сходных ситуациях взаимодействия.

Итак, доверие есть вид установки (отношения), которая состоит из трех компонентов. *Когнитивный* компонент включает прогноз последствий предполагаемого поступка, основанный на знаниях и представлениях о мире, людях, типах отношений и взаимоотношений, о социальных нормах и нормах поведения, а также на знаниях о себе и предположениях о своих возможностях, основанных на прошлом опыте. *Эмоционально-оценочный* компонент включает, с одной стороны, предположение об уровне безопасности конкретного объекта, с которым субъект собирается вступить во взаимодействие, и оценку значимости ситуации взаимодействия в целом, а с другой — оценку собственных возможностей в данной ситуации и возможных последствий намечаемого способа поведения для личности.

Когда возникает несоответствие между оценкой ситуации или объекта и оценкой собственных возможностей, личность получает об этом *эмоциональный* сигнал и должна выбрать стратегию поведения, чем и определяется содержание поведенческого компонента, в котором в результате и проявляются формально-динамические стороны доверия: мера, избирательность и парциальность в каждой конкретной ситуации. В результате каждой ситуации взаимодействия человек получает новый опыт, который может влиять на изменение, трансформацию прошлых установок.

Рассмотрим, как можно проинтерпретировать многие известные в социальной психологии явления, если включить в их анализ доверие, понимаемое как явление, имеющее двухполюсную природу.

Поскольку доверие — это вид установки-отношения, в котором ярко выражен эмоционально-оценочный компонент, оно имеет связь с явлением аттракции, определяемым в социальной психологии как «особый вид социальной установки на другого человека, в которой преобладает эмоциональный компонент» [14, с. 134]. В психологии принято выделять три уровня аттракции: *симпатию, дружбу и любовь*, на каждом из которых доверие имеет свои особенности.

Как показывает Л. Я. Гозман [74], для установления эмоциональных отношений необходимо пройти через систему «фильтров», включающую три этапа: 1) *этап социально-перцептивных процессов*, на котором принимается решение — опасен или безопасен потенциальный партнер по общению. Этот этап характеризуется как этап безличностного субъект-объектного взаимодействия; 2) *этап установления меры сходства* между собой и партнером, который служит определению психологической безопасности. Эти два этапа как раз и способствуют возникновению первичного отношения доверия, они подготавливают базу, формируют психологическую ситуацию, способствующую «переходу» безличного акта коммуникации в акт подлинного субъект-субъектного общения. Но такая ситуация возможна лишь при условии, что у обоих субъектов возникают представления друг о друге как партнерах обоюдно безопасных и имеющих сходство и каждый из них предполагает, что он именно таким образом воспринят партнером, другими словами, его образ в представлении партнера по взаимодействию соответствует тому, каким он сам представляет себя. Переход на уровень субъект-субъектного взаимодействия не произойдет до тех пор, пока соответствие (как друг другу, так и самим себе) не будет установлено.

Эти положения можно подтвердить исследованиями так называемого феномена самоимиджа, который в зарубежной социальной психологии считается центральным феноменом социальной интеракции. Суть этого явления сводится к следующему: если люди ведут себя с человеком, не учитывая его представления о себе, то он использует принцип самопрезентации, чтобы откорректировать эти отношения. Таким образом, нарушение соответствия взаимопозиций взаимодействующих субъектов снижает аттракцию уже на ранних стадиях взаимодействия. Однако эти два этапа, эти два «фильтра» еще не полностью соответствуют ситуации возникновения доверия, так как здесь формируется только одно из основных условий его возникновения — безопасность возможного взаимодействия, в то время как второе условие — значимость другого — еще не сформировано. Этот уровень доверия можно назвать «квази-доверием». Вероятно, этих оснований достаточно для описания явления «случайного попутчика», когда партнер по вза-

имодействию воспринимается как безопасный, но не значимый. Разовьются ли в дальнейшем эти отношения в подлинно доверительные — зависит от актуализации других задач, связанных со значимостью для субъектов взаимодействия каких-то целей, удовлетворения каких-то потребностей и т.п.;

3) *этап установления эмоциональных отношений* — ролевое соответствие. Результаты проведенных нами эмпирических исследований показали, что для возникновения доверительных отношений ролевое соответствие (несоответствие) является одним из оснований, порождающих виды доверия, связанные с другими феноменами межличностного взаимодействия, в которых доверие не исчезает, а приобретает иные феноменологические характеристики. В частности, ролевое несоответствие может явиться основанием для возникновения авторитетности, которая предполагает, что один из субъектов доверяет себе в меньшей мере, чем другому — носителю авторитета. А носитель авторитета в равной степени доверяет и себе и партнеру по взаимодействию.

Для анализа процессов и уровней аттракции необходимо учитывать наряду с отношением к другому и отношение к себе каждого из партнеров. Это наглядно можно продемонстрировать при анализе феномена дружбы, которая, как известно, отличается исключительной доверительностью. Исходя из развиваемых представлений о сущности доверия, дружба характеризуется не только ролевым сходством, но и равноценностным отношением партнеров по взаимодействию к себе и друг к другу, что предполагает наличие равной меры доверия к себе и к другому у обоих взаимодействующих субъектов. При этом если во взаимности названных психологических позиций возникают «перекося», то это вовсе не означает, что во всех случаях пропадает доверие в отношениях. Доверие лишь меняет характеристики своего проявления, чем и определяется наличие различных видов доверия, с одной стороны, и порождение других феноменов межличностного взаимодействия — с другой.

Высшим уровнем развития эмоциональных отношений является любовь. Существуют исследования (З. Рубин, цит. по Л. Я. Гозману), в которых показано, что для вхождения в структуру любви фактор интимности (доверия) является менее значимым, чем другие факторы, в частности привязанности и заботы. С точки зрения развиваемого подхода, данное наблюдение можно объяснить исключительной значимостью другого как объекта любви. Результаты наших эмпирических исследований продемонстрировали, что значимость другого может блокировать проявление доверия в форме самораскрытия из-за страха снижения оценки собственной личности значимым другим. Поэтому можно утверждать, что в любовных отношениях доверительность проявляется в иных

формах и выполняет иные функции. Доверительность в данном случае проявляется в форме переживания исключительной ценности, значимости объекта любви, вплоть до идеализации, причем, взаимность этого переживания способствует увеличению уровня доверия к себе у обоих субъектов, повышая уровень самопринятия каждым из них, в то время как отсутствие взаимности ведет к снижению чувства самооценности, связанного со снижением уровня доверия к себе.

Видимо, можно считать, что каждый из уровней аттракции предполагает наличие определенной меры доверия, которое изменяется в зависимости от уровня аттракции и выполняет различные функции. Для изучения роли и места доверия в названных явлениях необходимо проанализировать не только уже принятые в психологии параметры, вызывающие аттракцию (такие, как психологическая дистанция, частота встреч, уровень развития межличностных отношений), но и степень взаимности такого параметра взаимоотношений, как доверие. Согласно сконструированной модели изучения доверия в социально-психологическом контексте, эмоциональная регуляция взаимоотношений осуществляется посредством меры взаимности уровня доверительности каждого из взаимодействующих партнеров или субъективным представлением о ней этих партнеров. Видимо, мера взаимности и может служить одним из важнейших факторов, способствующих «строительству», углублению эмоциональных отношений или их разрушению. Причем, как известно, «перекосы» этой взаимности могут существовать как объективно, так и субъективно, однако и в том и в другом случае они являются эмоциональным сигналом о несоответствии межличностных отношений, а потому выступают их регулятором.

С точки зрения разработанного подхода к сущности доверия относительно новую, дополнительную интерпретацию получают и некоторые сложные формы социального поведения, например, феномен альтруизма. В отечественной социальной психологии определяющее значение для осуществления альтруистического поведения придается так называемой альтруистической мотивации (А. В. Запорожец, З. Я. Неверович, Е. В. Субботский).

Имеют место исследования, в которых подчеркивается связь между альтруистическими мотивами и теми альтруистическими эмоциями, которые они порождают и которые участвуют затем в регуляции альтруистического поведения (Е. Е. Насиновская). Изучалась роль механизмов идентификации и эмпатии в формировании альтруистических установок (Т. П. Гаврилова и др.), а также особенности самих альтруистических установок (Ким Владимир Ен-Чан). Особенностью исследования альтруистического поведения в отечественной социальной психологии является внимание

к вопросам онтогенеза этого вида поведения, подчеркивающее социально-психологическую природу альтруистического поведения и альтруистических переживаний личности.

В зарубежной социальной психологии проведены сотни исследований, направленных на поиск объяснительных моделей этого, иногда противоречащего здравому смыслу, явления. Зарубежными социальными психологами альтруизм определяется как «мотив оказания кому-либо помощи, не связанный сознательно с собственными эгоистическими интересами» [177, с. 538].

В зарубежной психологии существуют три взаимодополняющие теории, по-разному объясняющие альтруистическое поведение личности: 1) теория социального обмена; 2) теория, связанная с понятием социальных норм (имеются в виду универсальные нормы взаимности и социальной ответственности); 3) теории, связанные с эволюционной психологией (М. Howard, 1982, С. Badcock, 1986 и др.). Каждая из этих теорий разрабатывает собственные модели, объясняющие альтруистическое поведение. Согласно теории социального обмена, человек что-либо дает, чтобы что-то получить взамен (М. Howard). С точки зрения теорий, связанных с понятием социальных норм, альтруизм объясняется верой, что люди всегда оказывают помощь тем, кто помог им, и верой, что помощь будет оказана тем, кто в ней действительно нуждается. Основная идея теорий эволюционной психологии сводится к утверждению, что в процессе развития человечество выработало этические и религиозные правила, блокирующие врожденную склонность к эгоизму (С. Badcock). В целом исследователи, пытавшиеся выявить психологическую природу альтруизма, наиболее часто приходили к выводу, что желание оказывать помощь возникает тогда, когда собственное поведение можно оценить как альтруистическое, что способствует поддержанию положительной «Я-концепции».

Существуют данные, которые позволяют утверждать, что к оказанию помощи наиболее способны высоко эмоциональные, эмпатически развитые люди, готовые к самостоятельному принятию решений. Однако, как известно, положительная «Я-концепция» связана с чувством самооценности личности, от которого зависит уровень доверия к себе.

Если рассматривать уровень доверия к себе как явление, связанное с чувством самооценности и прогнозирования результата своих поступков с точки зрения безопасности собственного будущего поведения, то получают дополнительные интерпретации некоторые явления, связанные с особенностями альтруистического поведения, в частности, «эффект очевидца». Люди, даже склонные к альтруистическому поведению, чаще всего не решаются на него, чтобы не снизить ценность своей личности «в глазах» оче-

видцев. Следовательно, для этих людей уровень самооценности во многом зависит от оценки окружающих. Поэтому можно предположить, что люди, для которых отношение к себе как к ценности свободно от мнения окружающих, будут менее подвержены «эффекту очевидца», чем люди, чье мнение о себе зависит от оценки окружающих. Таким образом, устойчивость меры доверия к себе, к своей личности может способствовать проявлению альтруистических поступков. Другой чертой, связанной с первой, является умение самостоятельно принимать решения. Как уже отмечалось, рядом авторов было показано, что к альтруизму более склонны люди с развитой способностью самостоятельно принимать решения. Однако способность самостоятельно принимать решения — важнейшее условие наличия доверия к себе. Таким образом, можно предположить, что от уровня развития доверия к себе может зависеть наличие тенденции к альтруистическому поведению. Ведь человек, попадая в неординарную ситуацию, всегда должен принять решение: чему соответствовать — миру или самому себе. Видимо, к альтруистическим поступкам более склонны люди, у которых более развита мотивация соответствия самому себе. Именно этим можно объяснить поступки, связанные с безрассудным риском и способностью пожертвовать собой ради другого.

Но, с другой стороны, сами альтруистические поступки, как известно, способствуют поддержанию определенного приемлемого уровня доверия к себе, так как являются самовознаграждающим поведением, способствующим поддержанию позитивной «Я-концепции». Итак, с точки зрения предлагаемого подхода феномен альтруизма можно понять как явление личностное и одновременно социальное, так как, строя стратегию поведения, человек делает выбор: довериться себе, своим побуждениям, взглядам, ценностям или, наоборот, довериться тем интерпретациям ситуации, которые предлагают другие люди, присутствующие при необходимости оказания помощи. Как показывают многочисленные исследования, проведенные зарубежными социальными психологами, большинство людей склоняется к выбору соответствия миру.

Сходное с предыдущим объяснение получает и широко известное в социальной психологии явление несоответствия вербальной установки и поведения человека. Это несоответствие можно проинтерпретировать следующим образом. И в одном и в другом случае человек ведет себя искренне. Однако в одном случае он больше полагается на самого себя, демонстрируя доверие к себе, а в другом — на мир, проявляя недостаток доверия к себе, вероятно, бессознательно считая, что безопаснее следовать за условиями, предоставляемыми миром или ситуацией.

Естественно, что высказанные предположения носят во многом гипотетический характер и нуждаются в дополнительной эм-

лирической проверке. Однако становится очевидным, что исключение из анализа альтруистического поведения такого важного параметра, как необходимость выбирать (доверять себе или доверять миру), строя собственное поведение в разных ситуациях, сводит модели объяснения детерминации альтруизма либо к скрытому эгоизму, либо к развитой способности к эмпатии.

С точки зрения предлагаемого подхода можно проинтерпретировать и другие сложные формы социального поведения, например, связанные с виктимологией. В виктимологических исследованиях показано, что поведение потерпевшего играет не последнюю роль в механизме преступления, а виктимность и преступность не существуют отдельно друг от друга. Виктимологические исследования концентрируются вокруг двух основных проблем: изучение личности жертвы, ее психологических особенностей и изучение взаимоотношений жертвы и преступника (F. Carrington, 1975). Введение в контекст виктимологических исследований учета уровня доверия к себе и доверия к другому у взаимодействующих субъектов как переменных, порождающих различные формы поведения, в том числе и агрессивного, вероятно, может стать одной из объяснительных моделей в виктимологии. Возможно, взаимодействие людей, имеющих крайние позиции в доверии (или недоверии) к себе и другому могут являться механизмом, порождающим как асоциальные, так и провоцирующие формы поведения. Анализ многих исследований показывает, что жертвами становятся либо люди слишком доверчивые, т.е. нарушающие меру доверия к себе и к другим в сторону доверия другим, что особенно характерно для детей, либо слишком самонадеянные, полагающиеся только на себя (чрезмерно доверяющие себе), считающие, что с ними ничего не случится и потому не чувствующие опасности своего поведения, которое в этом случае может стать провоцирующим.

Таким образом, изучение порождающего эффекта взаимодействия людей с крайними формами выраженности доверия (недоверия) к себе и к конкретному другому имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Потому что при установлении доверительного контакта с другим важна мера, проявляющаяся в уровне соответствия доверия к себе и к другому. Умение определять эту меру является гарантией гармоничных отношений с собой и с миром одновременно. Очевидно, что данное умение появляется у человека с опытом, а также в зависимости от особенностей воспитания, т.е. является качеством социальным, которому надо обучать. Наличие оптимальной меры доверия, видимо, в целом связано с концептуальной системой личностной организацией или с «Я-концепцией».

Как уже было отмечено, термин «Я-концепция» получил наибольшее распространение в зарубежной психологии (Р. Берне,

К. Роджерс, Э. Эриксон и др.). Понятие «Я-концепция» трактуется несколько шире, чем принятое в нашей отечественной психологии сходное с ним понятие «самосознание». «Я-концепция», в сущности, определяет не просто то, что собой представляет индивид, но и то, что он о себе думает, как смотрит на свое деятельное начало и возможности развития в будущем» [33, с. 31]. Понятие «Я-концепция» является более емким, так как включает в себя отражение субъектом собственного уровня активности, связанного с проектированием своей жизненной перспективы, что имеет отношение к самооценке позиции личности, зависящей от уровня доверия к себе. Но, как известно, «Я-концепция» является довольно ригидным образованием, а человек чаще всего выбирает цели и строит стратегию своего поведения, исходя из мотива подтверждения своей «Я-концепции» и увеличения чувства самооценки собственной личности, что в конечном итоге способствует поддержанию определенного уровня доверия к себе.

Итак, включение доверия в структуру и анализ многих явлений, традиционно относящихся к предметной области социальной психологии, позволяет полнее осмыслить психологическую сущность этих явлений, вскрыть механизмы, порождающие сложные формы социального поведения, выявить дополнительные средства сохранения психосоциальной идентичности. Однако полноценное воплощение такого замысла требует проведения множества дополнительных исследований как теоретического, так и эмпирического характера.

§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ДОВЕРИЯ

В целом полученные теоретические и эмпирические данные позволили сформулировать основные социальные функции, которые выполняет доверие в жизнедеятельности человека. Необходимо отметить, что, как показал анализ, эти функции имеют значение более фундаментальное, чем это предполагалось в начале исследования. Человек не может жить без доверия, без него он утрачивает связь с миром, что имеет для него самые негативные последствия. Зарубежными психологами давно было показано, что доверие есть «стержневой элемент социального и психологического благополучия индивида и общества» [378, с. 94], поэтому доверие является важнейшим социально-психологическим явлением. Функции, выполняемые доверием, относятся не только к процессу взаимодействия людей друг с другом, но и человека с миром в целом и его отдельными частями.

Первое: доверие есть фундаментальное условие взаимодействия человека с миром и в этом его важнейшая функция. Двойствен-

ность направленности психики человека предполагает наличие доверия к миру как условие взаимодействия с ним и доверия к себе как условие активности личности. Доверие к миру всегда связано с доверием к себе и иначе существовать не может. В том случае, когда доверие к миру и доверие к себе оказываются не взаимосвязаны, распадается система «Человек и Мир». Поэтому главными функциями доверия выступают: функция моделирования целостности бытия человеком, когда оно отсутствует; функция моделирования целостности собственной личности, функция связи человека с миром в единую систему.

Следующие функции связаны с предыдущими и состоят в том, чтобы устанавливать меру соответствия своего поведения, принятого решения, целей и поставленных задач миру и самому себе. Известно, что человек стремится к гармонии с миром и самим собой. Но она возможна лишь при равновесии (соответствии) уровня доверия к миру и к себе. Такая ситуация существует лишь при уже освоенных, известных человеку видах деятельности и поведения. Она не способствует ни развитию личности, ни познанию и преобразованию мира. Соотношение (соответствие) уровня доверия к миру и уровня доверия к себе должно находиться в состоянии подвижного равновесия. Когда возникает ситуация несоответствия либо миру, либо самому себе, человек стремится обрести его вновь. Ситуация неравновесия возникает потому, что человек постоянно попадает в новые для себя обстоятельства, в которых требования и условия мира расходятся с его собственными интересами, желаниями и возможностями.

В такой ситуации он должен сделать выбор — довериться условиям, требованиям, предоставляемым миром, или своим собственным желаниям, потребностям, интересам, возможностям. Обрести равновесие он может, лишь увеличив либо меру доверия к миру, либо меру доверия к себе. С этой целью он может следовать за условиями, которые предоставляет мир, или же исходить из личных интересов, потребностей и желаний, одним словом, из собственной субъектности.

И, наконец, последняя функция доверия состоит в том, что оно способствует стиранию граней между прошлым, настоящим и будущим, соотнося временные промежутки жизни личности и как бы сопрягая их, создает чувство временной целостности. Происходит это потому, что мера доверия как к себе, так и к миру во многом определяется прошлым опытом успехов и неудач, которые человек учитывает, делая свой выбор. Человек не может жить без веры в правильность и осуществимость прогнозируемых поступков, поставленных целей. Если проектируемое будущее полностью отрывается от собственного прошлого опыта, предопре-

деляющего возможности человека, то его цели будут иллюзорны, оторваны от реальности, их достижимость будет маловероятна. Если вероятность проектируемого будущего и возможность его осуществления будут подвергаться сомнению, то оно останется иллюзорным. Таким образом, именно доверие способствует слиянию прошлого, настоящего и будущего в единый, целостный акт жизнедеятельности, и в этом заключается еще одна его важнейшая функция.

Итак, без доверия человек лишается возможности познавать и преобразовывать мир. Доверие выступает условием развития, изменения самого человека, именно оно позволяет ему рисковать и испытывать себя и свои возможности. Доверие в жизни человека выполняет фундаментальные функции:

- 1) выступает условием целостного взаимодействия человека с миром;
- 2) осуществляет функцию связи человека с миром в единую систему;
- 3) способствует слиянию прошлого, настоящего и будущего в целостный акт жизнедеятельности;
- 4) создает эффект целостности бытия человека;
- 5) способствует возникновению эффекта целостности личности;
- 6) устанавливает меру соответствия поведения человека, принятого решения, целей, поставленных задач как миру, так и самому себе.

В целом *доверие выступает средством гармонизации отношений человека одновременно с миром и с самим собой*. Поиск конкретных средств и методов обучения и развития оптимального соотношения доверия как себе, так и миру является важной социальной и практической задачей. Все вышесказанное позволяет утверждать, что доверие есть социально-психологическое явление, которое может быть представлено как *одно из условий социализации личности*.

Проведенное исследование, естественно, не исчерпывает всех аспектов проблемы доверия. Полученные теоретические выводы и эмпирические результаты позволяют открыть достаточно широкие перспективы для дальнейшего изучения различных аспектов данного явления. Конкретизация этих перспектив представляется в постановке целого ряда исследовательских задач как в русле социальной психологии, так и социальной психологии личности. В социальной психологии включение доверия как важного явления, связывающего человека с миром и функционирующего «на пересечении» человека с различными сторонами социальной действительности, в социально-психологический анализ могло бы по-новому объяснить многие явления,

традиционно относимые к предметной области социальной психологии, связанные со всеми основными ее разделами: общением, межличностными, внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями.

Поскольку доверие является одновременно явлением социальным и личностным, связанным, с одной стороны, с относительной устойчивостью и целостностью личности, а с другой — с ее изменением и развитием, т.е., в конечном счете, с особенностями ее социализации, то в целом изучение закономерностей и механизмов его проявления и функционирования могло бы представлять собой одно из направлений социальной психологии личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание предлагаемого спецкурса включает самые общие закономерности того, что же такое доверие, каким образом оно существует, в каком пространстве «живет» и как влияет на поведение людей. Оказалось, что доверие — это достаточно сложное явление и, чтобы понять его сущность, необходимо обратиться ко всей системе антропологических наук. Конечно, психологическое содержание явления доверия — это специфическая область знания, определяемая предметным полем данной науки. Однако современное состояние психологической науки характеризуется не только сменой парадигмальных оснований, но и расширением ее предметного поля. В отечественной психологии время от времени возникает вопрос о ее предмете. Достаточно вспомнить статью Ф. В. Бассина «О развитии взглядов на предмет психологии» и развернувшуюся вслед за ней дискуссию. Ф. В. Бассин уже в 1971 г. пришел к пониманию того, что есть лишь один критерий, позволяющий вычленивать поле чисто человеческих, т.е. в полном смысле слова психологических явлений. И этим критерием является неформализуемость «опосредствованных ситуационных смыслов» в отличие от формализуемости «непосредственных значений». Поэтому, по мнению Ф. В. Бассина, единственным подлинным предметом психологического знания должны стать так называемые значащие переживания, к которым в полной мере можно отнести и явление доверия.

Автор названной статьи указывал, что значащие переживания нельзя считать абсолютно недоступными для строгого научного знания. Он писал, что «при всей неразработанности представле-

нии о значащих переживаниях мы явно располагаем немалым количеством сведений о закономерных тенденциях, которым динамика этих переживаний подчинена. Эти сведения находятся как в рамках науки, так и вне их» [с. ПО]. Особая сложность изучения значащих переживаний заключена в их ситуативности, чрезвычайной динамичности, поэтому они характеризуются эффектом «ускользания» в любых экспериментальных процедурах. Именно данное обстоятельство и побудило нас при анализе доверия обратиться к смежным антропологическим наукам и провести теоретический анализ сведений, накопленных как в них, так и в самой психологии.

Одним из основных методов теоретического анализа был метод реинтерпретации уже известных теоретических положений и экспериментальных данных, полученных в рамках изучения других проблем.

Содержание спецкурса, естественно, не включает в себя изучение всех феноменальных проявлений доверия, ибо, как показывает анализ, выбранный предмет исследования имеет более фундаментальное значение, чем предполагалось в начале исследования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Рефлексивный опросник уровня доверия к себе

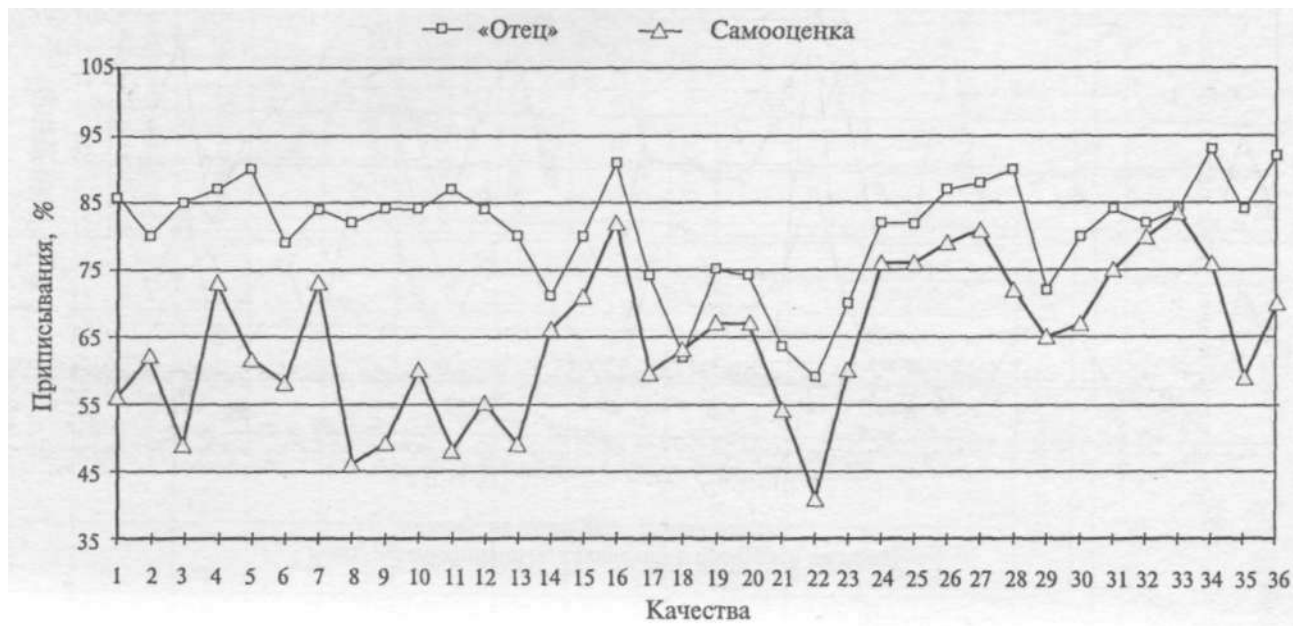
Ф. И. О. _____ Пол _____ Возраст _____
 Профессия _____ Дата _____

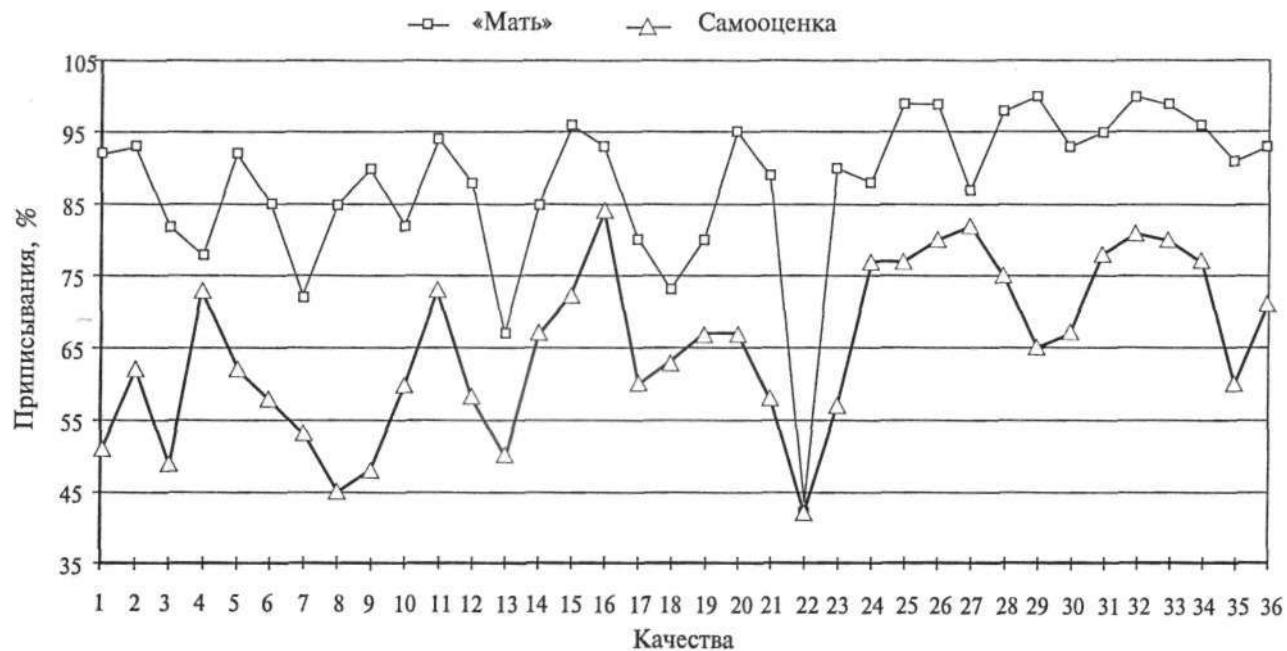
№ п/п	Жизнезначимые сферы	Я доверяю себе					
		Полностью доверяю	Скорее доверяю	Доверяю частично	Не доверяю	Скорее не доверяю	Полностью не доверяю
1	В профессиональной деятельности						
2	В интеллектуальной деятельности						
3	В решении бытовых проблем						
4	В умении строить взаимоотношения с близкими людьми (друзьями)						
5	В умении строить взаимоотношения с подчиненными						
6	В умении строить взаимоотношения с вышестоящими людьми						
7	В умении строить взаимоотношения в семье						
8	В умении строить взаимоотношения с детьми						
9	В умении строить отношения с родителями						
10	В умении нравиться представителям противоположного пола						
11	В умении интересно проводить досуг						

**Контуры обобщенных личностных профилей позиций
«кому не доверяю» и самооценка**

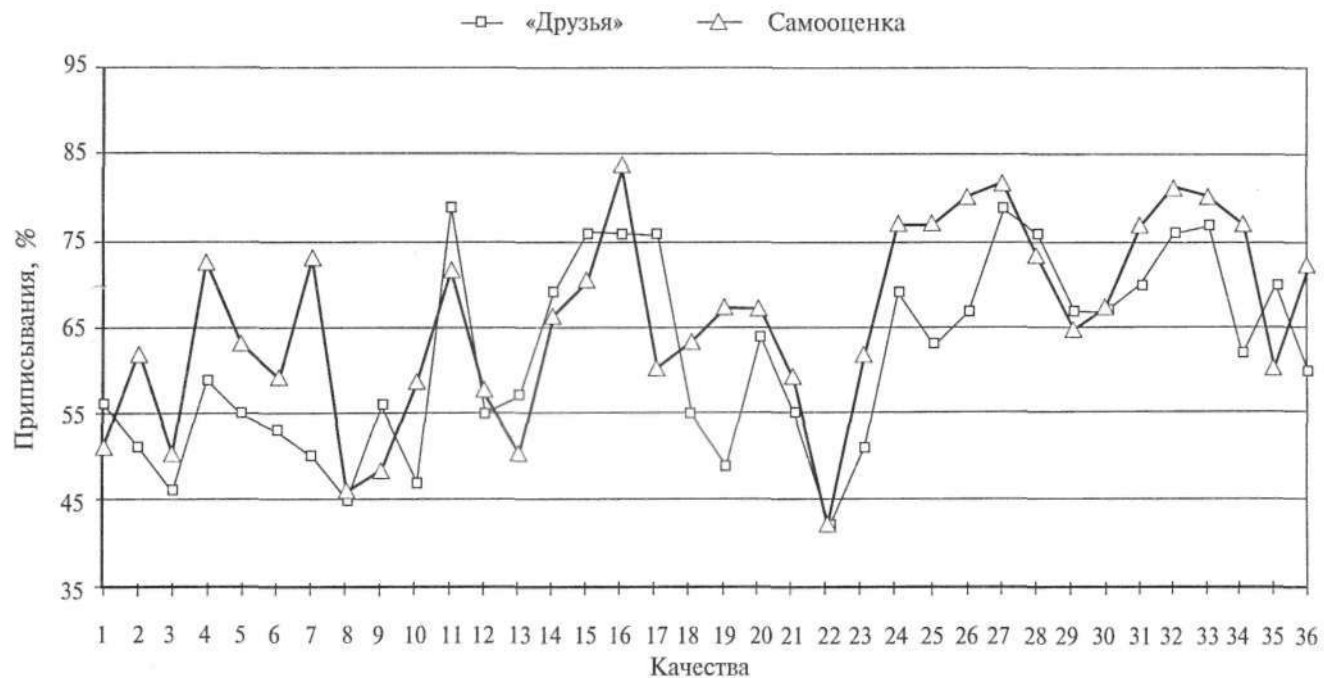
Контуры обобщенных личностных профилей позиций
«отец» и самооценка

Контуры обобщенных личностных профилей позиций
«мать» и самооценка

Контур обобщенных личностных профилей позиций
«лучший друг (подруга)» и самооценка

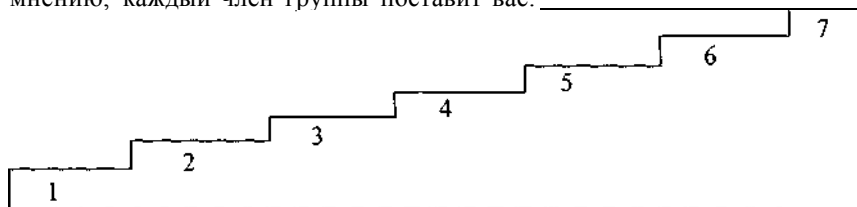
Контуры обобщенных личностных профилей позиций
«друзья» и самооценка

БЛАНК МЕТОДИКИ «ЛЕСТНИЦА»

ИНСТРУКЦИЯ

Поставьте, пожалуйста, номер каждого члена вашей группы (согласно списку) на одну из ступенек, в зависимости от того, насколько вы испытываете к нему чувство доверия (чем выше ступенька, тем ниже уровень доверия).

В таблице, в столбце 3, против каждой фамилии поставьте номер ступеньки, а в столбце 4 поставьте номер ступеньки, куда, по вашему мнению, каждый член группы поставит вас.

Список группы

№ п/п	Ф.И.О.	№ ступеньки, поставленный Вами	№ ступеньки, куда могут поставить Вас
1	2	3	4
1			
2			
3			
4			
5			
6			
7			
8			
9			
10			
11			
12			

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абульханова-Славская К.А.* Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. — М., 1989.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Личностный аспект проблемы общения // Проблема общения в психологии. — М., 1981.
3. *Абульханова-Славская К.А.* О субъекте психической деятельности. — М., 1973.
4. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. — М., 1991.
5. *Александров А.Д.* Научный поиск и религиозная вера. — М., 1974.
6. *Алешина О.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. — М., 1987.
7. *Амяга Н.В.* Самораскрытие педагога в общении со старшеклассниками: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1989.
8. *Амяга Н.В.* Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность. Общение. Групповые процессы. — М., 1991.
9. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: В 2 т. — М., 1980.
10. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. — М., 1977.
- 11. *Ананьев Б.Г.* Комплексное изучение человека и психологическая диагностика // Вопр. психол. — 1968. — № 6.
12. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. — Л., 1968.
13. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. — М., 1997.
14. *Андреева Г.М.* Социальная психология. — М., 1980.
15. *Андрющенко М.Т.* Познавательный статус веры. Дис.... д-ра филос. наук. - Владимир, 1992.
16. *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональных систем // Избр. труды. — М., 1978.
17. *Анциферова Л.И.* Эпигенетическая концепция развития личности Э. Эриксона // Принцип развития в психол. — М., 1978.
18. *Артёмьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. — М., 1980.
19. *Артёмьева Т.Н.* Категории возможности и действительности в психологии личности // Категории материалистической диалектики в психол. - М., 1988.
20. *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. — М., 1979.
21. *Асмолов А. Г.* Личность как предмет психологического исследования. - М., 1984.
22. *Асмолов А.Г.* Психология личности. — М., 1990.

23. *Ассаджоли Р.* Психосинтез: теория и практика. — М., 1994.
24. *Ассаджоли Р., Ферручи П., Йомеи Т., Крэмптон М.* Психосинтез: теория и практика. — М., 1994.
25. *Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М.* Методика измерения уровня субъективного контроля УСК. — М., 1983.
26. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1979.
27. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1979.
28. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
29. *Баярд Р., Баярд Дж.* Ваш беспокойный подросток. — М., 1991.
30. *Белопольский В.Н.* Достоевский и философская мысль его эпохи. — Ростов н/Д, 1987.
31. *Бердяев Н.* Духи русской революции // Лит. учеба. — 1990. — № 2.
32. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). — М., 1990.
33. *Берне Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. — М., 1986.
34. *Бехтерев В.М.* Внушение и воспитание. — СПб., 1912.
35. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. — М., 1984.
36. *Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Ростов н/Д, 1983.
37. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. — М., 1982.
38. *Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. — Л., 1965.
39. *Бодалев А.А.* Личность и общение. — М., 1983.
40. *Бодалев А.А.* Формирование понятия о другом человеке как личности. — Л., 1970.
41. *Божович Л.И.* Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе // Вopr. психол. — 1976 — № 6.
42. *Бороздина Л.В.* Исследование уровня притязаний. — М., 1985.
43. *Борунков Ю.Ф.* Структура религиозного сознания. — М., 1971.
44. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. — М., 1988.
45. *Братусь Б.С.* К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вopr. психол. — 1993. — № 1.
46. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журнал. — 1991. — Т. 12. — № 6.
47. *Брушлинский А.В., Темнова Л.В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психол. личности в условиях социальных изменений. — М., 1993.
48. *Бубер М.* Два образа веры. — М., 1995.
49. *Бубер М.* Проблема человека. Перспективы // Лабиринты одиночества. — М., 1989.
50. *Букин В.Р., Ерунов Б.А.* На грани веры и неверия. — Л., 1974.
51. *Васильева И.И.* О значении идей М.М. Бахтина о диалоге и диалогических отношениях для психологии общения // Психол. исследования общения. — М., 1985.

52. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. — М., 1984.
53. *Веккер Л.М.* Психические процессы: В 3 т. — Т. 2. — Л., 1976.
54. Вера // Современный философский словарь. — М., 1996.
55. *Вилюнас В.К.* Психологические механизмы биологической мотивации. — М., 1986.
56. *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. — М., 1976.
57. *Винокур В.А.* Уловка в деловом споре. Психология и логика применения. - СПб., 1992.
58. *Вичев В.* Мораль и социальная психика. — М., 1978.
59. *Воронцов С.П.* Способность умолчания // Человек. — 1996. — № 3.
60. Восприятие и действие / Под ред. А.В. Запорожца. — М., 1967.
61. *Вудкок М., Фрэнсис Д.* Раскрепощенный менеджер. — М., 1991.
62. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. - Т. 3. - М., 1983.
63. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. — М., 1994.
64. *Гаврилова Т.П.* Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков // Психол. межличностного познания. — М., 1981.
65. *Гаек Б., Бакаларж Э.* Упражнения психотерапии. — Ч. 1. — Прага, 1990.
66. *Гайденок П.П.* Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // Вопр. филос. — 1992. — № 7.
67. *Галушко В.Г.* Проблема соотношения веры и разума: Автореф. дис.... канд. филос. наук. — СПб., 1994.
68. *Гарэн Э.* Хроника итальянской философии XX в. // Н.Аббаньяно. — М., 1965.
69. *Гегель Г.* Философия духа // Энциклопедия философских наук: В 3 т. - Т. 3. - М., 1977.
70. *Гёррес Альберт.* Вера и неверие с точки зрения психоанализа // Человек. — 1997. - № 1.
71. *Гершон Д., Страуб Г.* Эмпаэрмент, или искусство творить такую жизнь, какую вы хотите. — М., 1992.
72. *Гмурман В.Е.* Руководство по решению задач по теории вероятностей и математической статистике. — М., 1979.
73. *Гозман Л.Я.* Об опыте измерения взаимосвязи особенностей детского общения и индивидуально-типологических свойств личности // Пробл. общения и воспитание. — Ч. 2. — Тарту, 1974.
74. *Гозман Л.Я.* Психология эмоциональных отношений. — М., 1987.
75. *Гозман Н.Я., Лосенков В.А.* Влияние пола испытуемых на дифференцированность контактов со значимыми лицами // Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. — Л., 1973.
76. *Голованов И.В.* Философско-эстетические взгляды Л. Шестова: Автореф. дис.... канд. филос. наук. — М., 1995.
77. *Гримак Л.П.* Резервы человеческой психики. — М., 1987.

78. Губенко В.И. О вере и верных знаниях // Филос. науки. — 1975. — № 1.
79. Гуревич П. С. Антропологический ренессанс // Феномен человека: Антология. — М., 1993.
80. Гус М. Идеи и образы Ф.М.Достоевского. — М., 1971.
81. Данилин К.Е. Восприятие межличностных предпочтений в малой группе // Общение и оптимизация совместной деятельности. — М., 1987.
82. Деркач А.А. Социально-психологические основы совершенствования деятельности воспитателя: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — Л., 1981.
83. Джемс У. Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии. - СПб., 1904.
84. Джидарьян И.А. Психология общения и развитие личности // Психол. формирования и развития личности. — М., 1981.
85. Днепров В. Идеи, страсти, поступки (Из художественного опыта Достоевского). — Л., 1978.
86. Долгов К.М. От Кьеркегора до Камю. — М., 1990.
87. Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. — М., 1979.
88. Донцов А.И. Психология коллектива. — М., 1984.
89. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. — М., 1995.
90. Дорофеев В.А., Головина А.В. Доверительное пространство школы // Инновационная школа. — 1997. — № 3 (7).
91. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир. — М., 1993.
92. Достоевский Ф.М. Двойник. — Кемерово, 1983.
93. Доценко Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия // Психол. журн. — 1993. — Т. 14. — № 4.
94. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. — М., 1996.
95. Дубровский Д. И. Проблема идеального. — М., 1983.
96. Дубровский Д.И. Самообман: философско-психологический анализ. - М., 1994.
97. Дусавицкий А.К. Развитие личности в коллективе в зависимости от организации учебной деятельности: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. — М., 1990.
98. Евстифеева Е.А. К анализу феномена веры // Философские науки. — 1984. - № 6.
99. Емельянов Б.В., Новиков А.И. Русская философия серебряного века. — Екатеринбург, 1995.
100. Ерунов Б.А. Мнение в человеческом познании: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Л., 1974.
101. Жизненный путь личности / Под ред. Л. В. Сохань. — Киев, 1987.
102. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. — Т. 1. — М., 1986.
103. Зимбардо Ф. Застенчивость, что это такое и как с ней справиться. - СПб., 1995.

104. *Зинченко В.П.* Читая О. Мандельштама // *Вопр. психол.* — 1992. — № 5-6.
105. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структуры сознания // *Вопр. психол.* — 1991. — № 2.
106. *Зинченко В.П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. — М., 1997.
107. *Зинченко В.П.* Системный анализ в психологии? // *Психол. журн.* — 1991. - Т. 12. - № 4.
108. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. — М., 1995.
109. *Зюзько М.В.* Психологические консультации для начинающего учителя. — М., 1995.
110. *Каган М.С.* Мир общения. - М., 1988.
111. *Каган М.С.* О соотношении содержания понятий «природа», «общество», «человек», «культура» в системе философских категорий // *Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики.* — Киев, 1981.
112. *Каган М.С.* О труде С.Л.Рубинштейна «Человек и мир» и его месте в истории советской философии // *Рубинштейн С.Л. Очерки, воспоминания, материалы: К 100-летию со дня рождения.* — М., 1989.
113. *Каган М.С., Эткинд А.М.* Общение как ценность и как творчество // *Вопр. психол.* — 1988. — № 4.
114. *Калиничев В.К.* Природа авторитета личности в социалистическом обществе: Автореф. дис.... канд. филос. наук. — Л., 1971.
115. *Камю А.* Бунтующий человек. — М., 1990.
116. *Камю А.* Изнанка и лицо // *Камю А. Соч.* — М., 1989.
117. *Камю А.* Миф о Сизифе // *Сумерки богов.* — М., 1990.
118. *Кант И.* Критика практического разума // *Соч.: В 6 т.* — Т. 2, 4. — М., 1963-1966.
119. *Кант И.* *Соч.: В 6 т.* — Т. 5. - М., 1964.
120. *Киселев Ю.В.* Роль авторитета в общественной жизни: Автореф. дис.... канд. филос. наук. — Л., 1966.
121. *Клочко Е.В.* Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1991.
122. *Клочко Е.В.* Саморегуляция мышления и ее формирование. — Караганда, 1987.
123. *Клочко Е.В.* Предмет современной психологии: человекообразование и психологическое обеспечение смысловой педагогики // *Образование и социальное развитие региона.* — Караганда, 1995. — № 4.
124. *Князев В.Н.* Психологические особенности понимания личности значимого другого как субъекта общения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - М., 1981.
125. *Ковалев А.Г.* Достоевский как психолог // *Психол. журн.* — 1987. — Т. 8. - № 4.
126. *Ковалев Г.А.* Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия // *Вопр. психол.* — 1987. — № 3.

127. *Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А.* Проблема общения и детерминация психического в работах советских психологов // Общение и развитие психики. — М., 1988.

128. *Ковалев Г.А., Хараиш А.У.* Восприятие человека как воздействие на его поведение (к разработке интересубъектного подхода в исследованиях познания людьми друг друга) // Психол. межличностного познания. — М., 1981.

129. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. — М., 1979.

130. *Козырева А.К.* Вера и знание // Социальная психология и философия / Под ред. Б. Д. Парыгина // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. — Л., 1971. - Т. 444. - Вып. 1.

131. *Козырева А.К.* Природа веры // Философские исследования // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. - Л., 1968. - Т. 365.

132. *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах. — Минск, 1976.

133. *Коломинский Я.Л.* Психология личных взаимоотношений в группе сверстников: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. — М., 1977.

134. *Коляну Н.* Введение в психотехнику свободного дыхания: Теория, практика, наблюдения. — СПб, 1992.

135. *Комаров В.Д.* Проблема авторитета и становление коммунистического общественного самоуправления: Автореф. дис.... канд. филос. наук. — М., 1968.

136. *Комарова Л.Э.* Базовые ориентации как детерминанты взаимодействия личности и группы // Личность в системе коллективных отношений: Тезисы докл. — М., 1980.

137. *Комарова Л.Э.* Исследование социально-психологического климата // Проблемы коммуникативной и познавательной деятельности личности. — Ульяновск, 1981.

138. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. — М., 1984.

139. *Кон И. С.* Дружба (историко-психологический этюд). — М., 1973.

140. *Кон И. С, Лосенков В.А.* Проблемы исследования юношеской дружбы // Сов. педагогика. — 1974. — № 10.

141. *Кон КС.* Открытие «Я». - М., 1978.

142. *Кон И.С.* Социология личности. — М., 1967.

143. *Кондратьев М.Ю.* Авторитет педагога как результат его персонализации // Психол. развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского. - М., 1987.

144. *Кондратьева А. С.* Связь когнитивной компетенции с проявлением внушаемости и ригидности в социальной перцепции // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14. — Психология. — 1979. — № 2.

145. *Кондратьева СВ.* Понимание учителем личности учащегося // Вопр. психол. — 1980. — № 5.

146. *Кондратьева СВ.* Психолого-педагогические аспекты проблемы понимания людьми друг друга // Психол. межличностного познания. — М., 1981.

147. *Конопкин О.А., Моросанова В.И.* Стилевые особенности саморегуляции деятельности // *Вопр. психол.* — 1989. — № 5.
148. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный подход) // *Вопр. психол.* — 1995. - № 1 .
149. *Конопкин О.А.* Психические механизмы регуляции деятельности. — М., 1980.
150. *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. — М., 1974.
151. *Копьев А.Ф.* Диалогический подход в консультировании и вопросы психологической клиники // *Моск. психотер. журн.* — 1992. — № 3.
152. *Котова И.Б.* Идея личности в российской психологии: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. — М., 1984.
153. *Котова И.Б.* Психология личности в России. Столетие развития. — Ростов н/Д, 1994.
154. *Кравков В.С.* Внушение: психология и педагогика внушения. — М., 1924.
155. *Крогиус Н.В.* Взаимообусловленность познания людьми друг друга и самопознания в конфликтной деятельности // *Психол. межличностного познания.* — М., 1981.
156. *Кроник А.А., Кроник Е.А.* В главных ролях: вы, мы, он, ты, я. Психология значимых отношений. — М., 1989.
157. *Кудрявцев Ю.Г.* Три круга Достоевского. — М., 1979.
158. *Кукосян О. Г.* Профессиональные особенности первого впечатления в межличностном познании // *Психол. межличностного познания.* — М., 1981.
159. *Куликов В.Н.* Контрсуггестия и воспитание // *Взаимосвязь убеждения и внушения в педагогическом процессе.* — Пермь, 1976.
160. *Куликов В.Н.* Психология внушения. — Иваново, 1978.
161. *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. — М., 1994.
162. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. — М., 1993.
163. *Лабунская В.А.* Факторы успешности опознания эмоциональных состояний по выражению лица // *Психол. межличностного познания.* — М., 1981.
164. *Ларичев О. И.* Наука и искусство принятия решения. — М., 1985.
165. *Леонтьев А.А.* Психология общения. — Тарту, 1974.
166. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.
167. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции. — М., 1971.
168. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. — М., 1972.
169. *Леонтьев Д.А.* Личность: человек в мире и мир в человеке // *Вопр. психол.* — 1989. — № 3.
170. *Леонтьев Д.А.* Осмысленность искусства // *Искусство и эмоции: Материалы международного научного симпозиума / Под ред. Л. Я. Дорфмана и др.* — Пермь, 1991.

171. *Леонтьев Я.А., Пилипко Н.В.* Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // *Вопр. психол.* — 1995. - № 1.
172. *Лисина М.И.* Возрастные и индивидуальные особенности общения со взрослыми у детей от рождения до 7 лет: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1974.
173. *Лобок А.М.* Антропология мифа. — Екатеринбург, 1997.
174. *Лозанов Г.К.* Суггестология и суггестопедия : Автореф. дис.... д-ра мед. наук. — София, 1970.
175. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984.
176. *Лосенков В.А.* О юношеской дружбе // *Социальная психол. личности.* - Л., 1974.
177. *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997.
178. *Макаренко А.С.* Соч.: В 7 т. - Т. 5. - М., 1958.
179. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. — М., 1990.
180. *Мамардашвили М.* Лекции о Прусте. — М., 1995.
181. *Маркова А.К.* Исследование мотивации учебной деятельности и идеи Л.С. Выготского // *Науч. творчество Л.С. Выготского и современная психология.* — М., 1981.
182. *Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б.* Формирование мотивации учения. — М., 1990.
183. *Маркова А.К.* Формирование мотивации учения в школьном возрасте. — М., 1983.
184. *Матюшкин А.М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. - М., 1972.
185. *Менегетти А.* Психология жизни. — СПб., 1992.
186. *Мерлин В. С.* Лекции по психологии мотивов человека. — Пермь, 1971.
187. Методика измерения уровня самореализации личности // *Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. — М., 1987.
188. Методологические и методические проблемы контент-анализа. — М., 1973.
189. *Мильман В.Э.* Внутренняя и внешняя мотивация учебной деятельности // *Вопр. психол.* — 1987. — № 5.
190. *Мишкинис Г.А.* Проблема веры в современной философской герменевтике: Дис.... канд. филос. наук. — М., 1989.
191. *Москвичев С.Г.* Проблемы мотивации в психологических исследованиях. — Киев, 1975.
192. *Мудрика А.В.* Общение как фактор воспитания школьников: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — Л., 1981.
193. *Муздыбаев К.А.* Психология ответственности. — Л., 1983.
194. *Мухина В.С.* Детская психология. — СПб.; М., 1992.
195. *Мухина В.С.* К проблеме социального развития ребенка // *Психол. журн.* - 1980. - Т. 1. - № 5.

196. Мухина В.С. Проблемы генезиса личности. — М., 1985.
197. Мясищев В.Н. Дружба и вражда в их социально-психологической значимости // Социальная психол. личности. — Л., 1974.
198. Мясищев В.Н. О взаимосвязи общения, отношения и обращения как проблемы общей и социальной психологии // Социально-психол. и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми. — Л., 1970.
199. Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психол. наука в СССР. — М., 1960. — Т. 2.
200. Мясищев В.Н. Проблема личности и отношений человека // Материалы совещаний по психол. — М., 1957.
201. Мясищев В.Н. Психология отношений // Избр. психол. труды. — М.; Воронеж, 1995.
202. Мясищев В.Н. Структура личности и отношений человека к действительности // Докл. на совещании по вопр. психол. личности. — М., 1956.
203. Надирашвили Ш.А. Закономерности формирования и действия установок различных уровней // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Тб., 1978. — Т. 1.
204. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. — М., 1993.
205. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — М., 1989.
206. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). — Ереван, 1988.
207. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. — М., 1985.
208. Немое Р.С. Психологические условия эффективности воспитания в коллективе // Вопр. психол. — 1979. — № 6.
209. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Собр. соч.: В 2 т. — Т. 2. — М., 1990.
210. Новикова Е.Ю. Психология мотивов и действий в обновляющемся мире. — М., 1992.
211. Новоселова А.С., Веселкова Г.А. Методика психической саморегуляции как средство перевоспитания с учетом внушаемости на различные виды воздействия // Взаимосвязь убеждения и внушения в пед. процессе. — Пермь, 1978.
212. Носович В.Н. Психология веры. — Л., 1970.
213. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. — Л., 1979.
214. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. — Киев, 1990.
215. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. — М., 1995.
216. Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. — М., 1987.
217. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1977.
218. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. — М., 1995.

219. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. — М., 1991.
220. Орлов Ю.М. Потребностно-мотивационные факторы эффективности учебной деятельности студентов вуза: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. — М., 1984.
221. Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс // Эстетика философской культуры. — М., 1991.
222. Ортега-и-Гасет Х. Кант (1724—1924). Размышления по поводу двухсотлетия // Феномен человека: Антология. — М., 1993.
223. Основы социально-психологической теории / Под ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. — Рязань, 1995.
224. Пантелеев С.Р. Методика исследования самоотношения. — М., 1993.
225. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
226. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. — Л., 1967.
227. Пахальян В.Э. Психологические особенности общения со взрослыми в старшем школьном возрасте: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1981.
228. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра // Перлз Ф., Гудмен П., Хефферлин Р. Практикум по гештальттерапии. — СПб., 1995.
229. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследования форм репрезентации в обыденном сознании. — М., 1983.
230. Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. — М., 1982.
231. Петровский А.В. Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопр. психол. — 1981. — № 1.
232. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982.
233. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии: В 2 т. — Т. 1. - Ростов н/Д, 1996.
234. Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1977.
235. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопр. психол. — 1981. — № 2.
236. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании // Вопр. психол. — 1985. — № 1.
237. Петровский В.А. Феномен неадаптивной активности. — М., 1992.
238. Петровский В.А. Феномен субъектности в психологии личности: Автореф. дис. (в форме науч. докл.)... д-ра психол. наук. — М., 1993.
239. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. — М., 1982.
240. Платонов К.К. Психология религии. — М., 1967.
241. Платонов К.К. Слово как физиологический и лечебный фактор. — М., 1957.
242. Платонов К.К., Голубев Г.Г. Психология: Учеб. для индустриальных пед. техникумов. — М., 1973.

243. Полонский И.С. Внешкольное общение как фактор формирования личности подростков и юношей // Прикладные пробл. социальной психол. — М., 1983.
244. Померанц Г. С. Диалог и молчание // Человек. — 1996. — № 4.
245. Попова М.А. Критика психологической апологии религии. — М., 1973.
246. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история: элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества // История и психол. — М., 1971.
247. Поршнев Б.Ф. Понятия «пара» и «чужие» в социальной психологии // Тезисы 2-го Междунар. colloквиума по социальной психол. — Тб., 1970.
248. Праворотова Т.А., Говир Т. Недоверие как практическая проблема // «Социология». — 1994. — № 3.
249. Прихожан А.М. Психологический справочник для неудачника или как обрести уверенность в себе. — М., 1994.
250. Психологическая наука в России XX столетия: Проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. — М., 1997.
251. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. — М., 1978.
252. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобневой. — М., 1976.
253. Психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М., 1990.
254. Рассел Б. Воля к сомнению // Феномен человека: Антология. — М., 1993.
255. Рассел Б. История западной философии: В 2 ч. — М., 1993. — Ч. 2.
256. Рахматшаева В. Грамматика общения. — М., 1995.
257. Рейнвальд Н.И. Психология личности. — М., 1987.
258. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. — М., 1995.
259. Рикер П. Существование и герменевтика // Феномен человека: Антология. — М., 1993.
260. Роджерс К. Актуализирующаяся тенденция: «мотивы» и сознание // Человеко-центрированный подход в образовании, психотерапии, психол. Пер. с англ. Е. В. Барзданиса, Ю. А. Менжерицкой. — Ростов н/Д, 1996.
261. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994.
262. Ромек В.Г. Понятие уверенности в себе в современной социальной психологии // Психол. вестн. — Вып. 1. — Ч. 2. — Ростов н/Д, 1996.
263. Ромек В.Г. Уверенность в себе как социально-психологическая характеристика личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Ростов н/Д, 1997.
264. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1946.
265. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1976.

266. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. — М., 1990.
267. Рузская А.Г. Развитие речи у детей первых семи лет в общении со взрослыми // Общение и развитие психики. — М., 1986.
268. Рутковский Б.А. Понятие доверия в марксистской этике: Автореф. дис.... канд. филос. наук. — Киев, 1967.
269. Рюмишина Л.И. Диалог—игра—манипуляция // Психол. вестн. — № 1. - 4.1. — Ростов н/Д, 1996.
270. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. — Л., 1979.
271. Сартр Ж. Бытие и ничто. — М., 1990.
272. Сафонов В.С. О психологии доверительного общения // Пробл. общения в психол. — М., 1981.
273. Сафонов В.С. Особенности доверительного общения: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1978.
274. Селиванов В.В. Взаимосвязь когнитивного стиля и процессуальных характеристик мышления: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1988.
275. Семенов М.П. О моральном авторитете. — Алма-Ата, 1967.
276. Скрипкина Т.П. Психологические особенности проявления доверия на основе интеграции внутренних ценностей на этапе ранней юности // Пробл. формирования ценностных ориентации и социальной активности личности. — М., 1984.
277. Скрипкина Т.П. Доверительность в отношениях с окружающими как специфическая характеристика общения в ранней юности // Общение и формирование личности школьника. — М., 1987.
278. Скрипкина Т.П. Доверие людей в процессе общения // Эмоциональные и познавательные характеристики общения. — Ростов н/Д, 1990.
279. Скрипкина Т.П. Психологические особенности доверия к людям в старшем школьном возрасте: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1984.
280. Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Человек. — 1994. - № 5.
281. Слободчиков В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе (психологические основы проектирования образования): Автореф. дис. (в форме науч. докл.)... д-ра психол. наук. — М., 1994.
282. Слободчиков В.П., Исаев Е.И. Феномен человека. — М., 1996.
283. Смирнов Л.А. Убеждение как философская категория. — Калинин, 1973.
284. Соколова Е.Е. Семнадцать диалогов о психологии. — М., 1995.
285. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. - М., 1983.
286. Солнцева Т.Н. Психологический анализ проблемы принятия решения. — М., 1985.
287. Сосновский Б.А. Мотив и смысл. — М., 1993.
288. Сосновский Б.А. Мотив как личностное образование // Мотивационная регуляция деятельности и поведение личности. — М., 1988.

289. Социальная психология / Под ред. А. В. Петровского. — М., 1987.
290. *Старченко А.А.* Анализ категории «убеждение» // Филос. науки. — 1979. - № 5.
291. *Старченко А.А.* Логическая структура категории «убеждение» // Слово лектора. — 1972. — № 3.
292. *Степкин Ю.П.* Исследование авторитета личности как социально-психологического явления: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — Л., 1976.
293. *Столин В.В.* Самосознание личности. — М., 1982.
294. *Субботский Е.В.* Генезис личностного поведения у дошкольников и стиль общения // Вопр. психол. — 1981. — № 2.
295. *Субботский Е.В.* Формирование морального действия у ребенка // Вопр. психол. — 1970. — № 3.
296. *Ткачев Э.М.* Проблема авторитета в социологии и социальной психологии: Автореф. дис. канд. филос. наук. — М., 1971.
297. Толковый словарь русского языка: В 4 т. — Т. 1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934.
298. *Угринович Д.М.* Вера безрелигиозная и религиозная // Наука и религия. — 1985. — № 2.
299. *Угринович Д.М.* Психология религии. — М., 1986.
300. *Фейербах Л.* Сущность христианства // Избр. филос. произведения. - М., 1955. - Т. 2.
301. Философский энциклопедический словарь. — М., 1968.
302. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
303. Философский энциклопедический словарь. — М., 1985.
304. *Фихте И. Г.* Назначение человека. — СПб., 1905.
305. *Флоренская Т.А.* Диалог в практической психологии. — М., 1991.
306. *Флоренская Т.А.* Психологические проблемы диалога в свете идей М. М. Бахтина и А.А. Ухтомского // Общение и развитие психики. — М., 1986.
307. *Форд Дж. Хартли.* Теория личности К. Роджерса: Обзор и перспективы: Пер. Ю. А. Менжерицкой // Человеко-центрированный подход в образовании, психотерапии, психол. — Ростов н/Д, 1996.
308. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. — М., 1992.
309. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990.
310. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1994.
311. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. — М., 1993.
312. *Фромм Э.* Человек для себя: Пер. с англ. — Минск, 1992.
313. *Фромм Э.* Человеческая ситуация. — М., 1995.
314. *Хараиш А.У.* «Другой» и его функции в развитии «Я» // Общение и развитие психики. — М., 1988.
315. *Хараиш А.У.* Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности. — М., 1987.
316. *Хараиш А.У.* Личность, сознание и общение: к обоснованию интерсубъективного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Психол.-пед. пробл. общения. — М., 1979.

317. *Хараи А.У.* Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия // *Вопр. психол.* — 1980. — № 3.
318. *Харман Г.* Современный факторный анализ. — М., 1972.
319. *Хорошилова Е.А.* Феномен субъективной значимости другого человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1984.
320. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. — М., 1977.
321. *Чудновский В.Э.* Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование. — М., 1981.
322. *Шварц И.Е.* Внушение в педагогическом процессе. — Пермь, 1971.
323. *Шеин С.А.* Диалог как основа педагогического общения // *Вопр. психол.* — 1991. — № 1.
324. *Шеллинг Ф.* Философские исследования о сущности человеческой свободы. — СПб., 1908.
325. *Шестов Л.* Аполофеоз беспочвенности // *Лев Шестов: Соч.* — М., 1995.
326. *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (философская трагедия) // *Лев Шестов: Соч.* — М., 1995.
327. *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969.
328. *Шихирев П.Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Дис. (в виде научного доклада) ... д-ра психол. наук. — М., 1993.
329. *Шкопоров Н.Б.* Феноменология, динамика и психологические механизмы субъективной значимости другого человека для старших подростков в условиях школы-интерната: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — М., 1980.
330. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: Теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. — М., 1983.
331. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. — М., 1988.
332. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. — Минск, 1992.
333. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. — М., 1995.
334. *Щербакова Г.В.* Убеждение и его отношение к знанию и вере. — М., 1983.
335. *Щербакова Т.Н.* Субъективный контроль как фактор личностного роста учителя: Автореф. дис.... канд. психол. наук. — Ростов н/Д, 1994.
336. *Щур В.Г.* Методика изучения представлений ребенка об отношениях к нему других людей // *Психол. личности: Теория и эксперимент.* — М., 1982.
337. *Эльконин Д.Б.* Развитие личности ребенка-дошкольника // *Психическое развитие в детских возрастах.* — М.; Воронеж, 1995.
338. *Эмерсон Р.У.* Доверие к себе. — СПб., 1992.
339. Эмоциональные и познавательные характеристики общения / Под ред. В. А. Лабунской. — Ростов н/Д, 1990.
340. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.

341. *Эткинд А.М.* Эмоциональные компоненты самоотчетов и межличностных суждений // *Вопр. психол.* — 1983. — № 2.
342. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. — М., 1987.
343. *Якобсон С.Г., Морева Г.И.* Образ себя и моральное поведение дошкольников // *Вопр. психол.* — 1986. — № 6.
344. *Якобсон С.Г., Почеревина Л.П.* Роль субъективного отношения к этическим эталонам в регуляции морального поведения дошкольников // *Вопр. психол.* — 1982. — № 1.
345. *Янчев Я.* Доверието като етическа категория. — София, 1968.
346. *Albanese R., Van Fleet. D.* Rational Behavior In-Groups: The Free-Riding Tendency // *Academy of Management review.* — 1985 (10).
347. *Alden L., Cappe R.* Nonassertiveness: Skill deficit or selective self-evaluation? // *Behavior Therapy.* — 1981 (12).
348. *Allen G.A.* When does Exchanging personal Information constitute self-disclosure // *Psychological Reports.* — 1974. — 35 (1).
349. *Altman I., Taylor O.A.* Social Penetration. — N.Y., 1973.
350. *Bandura A.* Social Learning Theory. Prentice Hall. Englewood Cliffs. — 1977.
351. *Barlo D.K.* The process of Communication. An Introduction to Theory and Practice. — N.Y., 1960.
352. *Barnlund A.A.* Transactional Model of communication // *Soreno K., Mortensen S.D. (eds.). Foundations of communication theory.* — N.Y., 1970.
353. *Bienenstock E., Bonacich Fh.* Game Theory Models for Exchange Networks: Experimental Results // *Sociological Perspectives.* — 1993. — 36 (2).
354. *Bradach J.L., Eccles R.G.* Price, Authority and Trust: form ideal Types to Plural Forms // *Annual Reviews. Sociological.* — 1989. — V. 15.
355. *Brothers D.* Private Practice — Falling backwards: An exploration of trust and self-experience. — N.Y., 1991.
356. *Chaikin A.L., Derlega V.J.* Variables Affecting the Appropriateness of Self-disclosure // *J. of consulting a. clinical psychology.* — Washington, 1974. — Vol. 42 (2).
357. *Chun K.T., Campbell J. B.* Dimensionality of the Rotter Interpersonal Trust Scale // *Psychological Reports.* — 1974. — V. 35.
358. *Cook K. S.* Network Structures from an Exchange Perspective // *Social Structure and network Analysis.* — N.Y., 1982.
359. *Cook K. S., Emerson R.* Power, equity and Commitment in Exchange Networks // *American Sociological Review.* — 1978. — V. 43.
360. *Cook K. S., Emerson R., Oillmore M., Yamagishi T.* The Distribution of Power in Exchange Networks: Theory and Empirical Results // *American J. of Sociology.* - 1983 (89).
361. *Cozby P. C* Self-disclosure in literature Review // *Psychol. Bull.* — 1973. - 72(2).
362. *Cozby P. C* Self-disclosure: A lit. Rev. // *Psychol. Bull.* - 1973. - V. 79 (2).

363. *Craig D., Parks L., Hulbert G.* High and Low Trustee's Responses to Fear in a Pay of Matrix // J. of Conflict Resolution. — 1994. — V. 39 (4).
364. *Cvetcovich G., Earle T. C* The Construction of Justice: A Case Study of Public Participation in Land Management // J.of Social Issues.— 1994. — V. 50 (3).
365. *Dawes R. M.* Social Dilemmas // Annual Review of Psychology. — 1980.-V. 31.
366. *Doherty W.J., Ryder R.G.* Locus of Control, interpersonal Trust and assertive Behavior among newlyweds // J. of personality and Social Psychology. - 1979.
367. *Earle T.C., Cvetkovich G.T.* Social Trust: Toward a cosmopolitan Society // Warre J.H., Burdette M. Parsons' (V. Tennessee, T.N) Betrayal in relationships.Perspectives on close relationship // P.A.— V.82.
368. *Eisner G.P.* The origins of explanatory Style: Trust as a Determinant of Optimism and Pessimism // Explanatory style. — P.A. — 1995.
369. *Ekeh P.P.* Social Exchange Theory: The Two Traditions. — N.Y., 1974.
370. *Ellis A., Grieger R.* (Eds.) Handbook of rational-emotive Therapy. — N.Y., 1977.
371. *Emerson R.* Exchange Theory. P.1. A Psychological Basis for Social Exchange // Sociological Theories in Progress. — 1972. — V. 2.
372. *Emerson R.* Exchange Theory. P.2. Exchange Relations and Networks // Sociological Theories in Progress. — 1972. — V. 2.
373. *Emerson R.* Toward a Theory of Value in Social Exchange // Social Exchange Theory. — 1987.
374. *Erikson E.H.* Childhood and Society. — N.Y., 1967.
375. *Erikson E.H.* Identity youth and Crisis. — N.Y., 1968.
376. *Galassi J.P., Delo J.S., Galassi M.D., Bastien S.* The College Self-Expression Scale: A measure of Assertiveness // Behavior Therapy. — 1974. — V. 5.
377. *Giffln K., Patton B.R.* Personal communication of human Relations // Columbus Ohio. — 1974.
378. *Goier P.* Distrust as a practical problem / J. of social Philosophy. — 1992. — V. 23 (3).
379. *Gouldner A. W.* The norm Reciprocity in preliminary Statement // American Sociological Review. — 1960. — V. 25.
380. Greeting and Maintaining Trust // Training & Development. — 1995. — December.
381. *Homans G. C* Social Behavior as exchange // American J. of Sociology. — 1956. - V. 63 (6).
382. *Homans G.C.* Social Behavior, its elementary Forms. — N.Y., 1961.
383. *Jourard S.M.* Healthy personality and Self-disclosure // Ment. Hyg. — 1959.-V. 43.
384. *Jourard S.M.* Self-disclosure: An experimental analysis of the transparent self.-N.Y., 1971.
385. *Jourard S.M., Kempler B.* The shadow Side of Self-disclosure // J. of humanistic psychology. — 1987. — V. 27 (1).

386. *Jourard S.M., Lasakow P.* Some Factors in Self-disclosure //J. of abnormal a. Social psychology. — 1958. — V. 56.
387. *Kaplan R.M.* Components of Trust: Notes on the use of Rotter's Scale // Psychological Reports. — 1973. — V. 33.
388. *Kollock P.* The Emergence of Exchange Structures: An Experimental Study of Uncertainty, Commitment and Trust // American Journal of Sociology. - 1994.-V. 100(2).
389. *Lahno B.* Trust, Reputation and Exit in Exchange Relationships // J. of Conflict Resolution. - 1995. - V. 39. (3).
390. *Lewicki R.J., Bunker B.B.* Trust in relationships: A Model of Development and Decline // P.A. — 1993.
391. *Markovsky B., Wilier D., Patton T.* Power Relations in Exchange Networks//American Sociological Review. — 1988. — V. 53.
392. *Messick D.M., Brewer M.B.* Solving Social Dilemmas: A Review // Review of Personality and Social Psychology. — 1983. — V. 4.
393. *Mischel W.* Toward a cognitive social learning reconceptualization of personality// Psychological Review. — 1973. — V. 80.
394. *Morgan R.M.; Hant S.D.* The Commitment-Trust Theory of Relationship Marketing // Journal of Marketing. — 1994.— July.
395. *Morgan R., Hunt S. D.* The Commitment-Trust Theory of Relationship Marketing // J. of Marketing. — 1994. - V. 58 (7).
396. *Muir B.M.* Trust in automation: Theoretical issues in the study of trust and human intervention in automated systems // Ergonomics. — 1994. — V. 37 (41).
397. Oxford advanced learner's Dictionary of Current English. — Oxford, 1995.
398. *Parks CD., Hulbert L.G.* High and Low Trustee's Responses to Fear in a Pay of Matrix // J. Of Conflict Resolution. — 1995. — V. 39 (4).
399. *Pruitt D.G., M.J. Kimmel.* Twenty Years of Experimental Gaming: Critique, Synthesis and Suggestions for the Future // Annual Review of Psychology. - 1977. - V. 28.
400. *Rathus S.A.* An experimental investigation of assertive training in a group setting//J. of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. — 1972. — V. 3.
401. *Rotter J.B.* A new scale for the measurement of interpersonal trust // J. of Personality. — 1967. - V. 35.
402. *Rotter J.B.* Interpersonal trust, trustworthiness and gullibility // American Psychologist. - 1980. - V. 35.
403. *Rotter J.B.* Generalized expectancies for interpersonal trust // American Psychologist. — 1971. — V. 36!
404. *Rubin Z.* The measurement of romantic love // J. of Personality and Social Psychology. — 1970. — V. 16.
405. *Slovic P.* (Decision Research, Eugene, OR) Perceived risk, trust and democracy// Risk Analysis. — 1993. — Vol. 13 (6).
406. *Smith D.* Communication research and ideas of process // Speech Monograph. - 1972. - V. 39.

407. *Stamm K., Dube R.* The Relationship of Attitudinal Components to Trust in Media // *Communication Research*. — 1994. — V. 21 (1).
408. *Stolte J., Emerson R.* Structural Inequality: Position and Power in Network Structures // *Behavioral Theory in Sociology*. — N.Y., 1977.
409. *Stroebe W., Frey B.S.* Self-interest and Collective Action: The Economics and Psychology of Public Goods // *British J. of Social Psychology*. — 1982. — V. 21.
410. *Swap W.C.* Measurement of Specific Interpersonal Trust: Construction and Validation of a Scale to Assess Trust in a Specific Other // *J. of Personality and Social Psychology*. - 1982. - V. 43 (6).
411. *Toch M., Meclean J.* Perception and Communication. A Transactional View // *Audio-Visual Communication Review*. — 1967. — V. 10.
412. *Tucker I.F.* Predicting scores on the Rathus Assertiveness Schedule from Myers-Briggs Type Indicator categories // *Psychological Reports*. — 1991. — V. 69 (2).
413. *Weber A. L., Harvery M., Games H., Moberg D. J.* (US dept of the Navy, Naval Postgraduate School Monterey, Cf.) Work organization as context's for trust and betrayal // *P.A.* — Vol. 81.
414. Webster's new International Dictionary of the English Language. Springfield Mass. — 1914.
415. *Worthy M., Gary A.H., Hahn G.M.* Self-disclosure as an exchange process // *J. of Personal and Social Psychology*. — 1969. — V. 13.
416. *Wrightsmen L.S.* Personality and attitudinal correlations of trusting and trustworthy behaviors in a two-person game // *J. of Personality and Social Psychology*. — 1966. — V. 4.
417. *Yamagishi T.* An Exchange Theoretical Approach to Network Positions // *Social Exchange Theory*. — 1987.
418. *Yamagishi T.* Major Theoretical Approaches in Social Dilemmas Research // *Japans Psychological Review*. — 1989. — V. 33.
419. *Yamagishi T.* The Provision of a Sanctioning System as a Public Good // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1986. — V. 51 (1).
420. *Yamagishi T.* The Provision of a Sanctioning System in the United States and Japan // *Social Psychology Quarterly*. — 1988. — V. 51.
421. *Yamagishi T., Cook K.S.* Generalized Exchange and Social Dilemmas // *Social Psychology Quarterly*. — 1993. — V. 56 (4).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Доверие в контексте социально-психологических и психологических исследований	6
§ 1. Особенности исследования доверия в контексте отечественных психологических и социально-психологических исследований.....	6
§ 2. Трактовка проблемы доверия в зарубежных психологических исследованиях.....	14
§ 3. Доверие к себе и доверие к другому в контексте психотерапевтических и психокоррекционных практик.....	26
Глава 2. Проблема доверия: междисциплинарный подход	45
§ 1. Доверие как этическая категория морали.....	45
§ 2. Доверие в социологических исследованиях.....	49
Глава 3. Философская категория веры и этическая категория доверия ...	54
§ 1. Психосемантический анализ понятий «вера» и «доверие».....	54
§ 2. Развитие категории «вера» в зарубежной и отечественной философии и психологии.....	59
§ 3. Современные философские воззрения на сущность веры и доверия.....	67
Глава 4. Проблема соответствия доверия к миру и доверия к себе	75
§ 1. Доверие как явление, имеющее двухполюсную природу ...	75
§ 2. Мера доверия и стратегии поведения человека.....	87
Глава 5. Доверие к себе — субъективный феномен личности	98
§ 1. Философская рефлексия об антиномии родовой и индивидуальной сущности человека как попытка философского решения проблемы доверия к себе.....	98
§ 2. Идея доверия к себе в контексте экзистенциальной философии.....	109
§ 3. Методологические основания выделения доверия к себе как относительно самостоятельного феномена личности.....	118
§ 4. Теоретико-психологические подходы к обоснованию доверия к себе как субъектного феномена личности ...	126

§ 5. Феноменологические особенности доверия к себе как субъектного образования личности.....	139
§ 6. Интерпретация и реинтерпретация личностной феноменологии с точки зрения доверия к себе.....	144
§ 7. Доверие к себе — субъектное образование личности (теоретическая модель феномена).....	161
§ 8. Доверие к себе — эмпирические корреляты.....	170
Глава 6. Теоретико-эмпирический анализ доверия к другому.....	181
§ 1. Доверие к другому как условие социально-психологического отношения и общения.....	181
§ 2. Психологические модели доверия и его формально-динамические характеристики.....	197
§ 3. Психосемантический портрет другого как объекта доверия.....	209
§ 4. Феноменологическое поле в переживании доверия к другому.....	215
§ 5. «Я-доверие» и «мне-доверие» — неконгруэнтность межличностных и социально-психологических отношений.....	219
Глава 7. Место и роль доверия в психологии.....	224
§ 1. Доверие в предметном поле социально-психологических явлений.....	224
§ 2. Социальные функции доверия.....	233
Заключение.....	236
Приложения.....	238
Библиография.....	245

44-93

ПСИХОЛОГИЯ
ДОВЕРИЯ

ISBN 5-7695-0647-4

9 785769 506475